

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра археологии, этнографии и музеологии

А.А. ТИШКИН, В.В. ГОРБУНОВ, Т.Г. ГОРБУНОВА

АЛТАЙ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АТЛАС

Допущено Учебно-методическим объединением по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 030600 «История»

Барнаул

2011

ООО «Печатная компания АРТИКА»

УДК 902(571.15)
ББК 63.48(253.37)
Т 473

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **В.Н. Владимиров;**
доктор исторических наук, профессор **М.А. Демин;**
кафедра археологии, этнологии и источниковедения
Горно-Алтайского государственного университета

Т473 Тишкин, А.А.

Алтай в эпоху средневековья : иллюстрированный исторический атлас : учебное пособие / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, Т.Г. Горбунова; под общ. ред. А.А. Тишкина. – Барнаул : ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. – 136 с.: ил.

ISBN 978-5-904016-18-0

Издание демонстрирует результаты изучения средневековых памятников тюркской, одинцовской, сrostкинской, кыргызской и культур монгольского времени, обнаруженных и исследованных в разные годы на территории Горного и Лесостепного Алтая. В нем представлены сведения о современном состоянии дел в области сохранения и музеефикации объектов археологического наследия, а также содержатся контрольные вопросы и задания, тематически соответствующие каждому из обозначенных разделов. Атлас иллюстрирован фотографиями, рисунками, таблицами, картами, графическими реконструкциями, позволяющими кратко воссоздать средневековую историю Алтая.

Учебное пособие рассчитано на студентов, обучающихся по направлению «История». Кроме этого, оно может быть использовано при реализации других программ подготовки высшего профессионального образования («Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», «Зарубежное регионоведение», «Рекреационная география и туризм» и т.д.). Издание будет полезным для археологов, этнографов, музеологов, культурологов и всех интересующихся культурным наследием Алтая.

УДК 902(571.15)
ББК 63.48(253.37)

Исследование выполнено при частичной финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья» (шифр 2010-1.2.1-300-028-022), а также в рамках реализации гранта РГНФ (№09-01-60103а/Т «Археологическая карта памятников Алтая эпохи средневековья»)

ISBN 978-5-904016-18-0

© Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011
© Оформление. ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011

Иллюстрированный исторический атлас

ВВЕДЕНИЕ

Современные археологические исследования уже не обходятся без понимания степени влияния природно-климатических условий на развитие древних и средневековых обществ. Кроме этого, обозначаются проблемы взаимодействия племен, которые существовали в отличающихся экологических зонах, а также изучаются вопросы адаптации людей при смене среды их обитания.

В данном учебном пособии рассматриваются территории, получившие наименования «Лесостепной Алтай» и «Горный Алтай». Такие во многом условные обозначения имеют прежде всего историко-культурный характер. По современному административному делению этот обширный регион включает Алтайский край и Республику Алтай.

Алтайский край расположен на юге Западной Сибири. Его протяженность с запада на восток составляет около 600 км, с севера на юг – почти 500 км. Территория края относится к Западно-Сибирской равнине и Алтае-Саянской горной стране. Горные массивы обрамляют Верхнее Приобье с восточной (Салаирский кряж) и южной (предгорья Алтая) сторон. Западная и центральная части края имеют преимущественно равнинный характер – Приобское плато, Бийско-Чумышская возвышенность, Кулундинская степь. На указанной территории присутствуют такие природные зоны, как степь и лесостепь, тайга и горы. Равнинные районы характеризуются развитой степной и лесостепной растительностью, а также ленточными борами, балочно-овражной сетью, озерами и колками. Наиболее крупные реки Алтайского края – Обь, Бия, Катунь, Чумыш, Алей и Чарыш.

Ландшафт северо-западных предгорий Алтая

Река Обь почти меридионально разделяет два географических массива, несколько отличающихся между собой природными условиями, – Приобское плато (со степными, лесостепными районами и ленточным бором) и Бийско-Чумышскую возвышенность (с преобладанием лесостепных и лесных участков). Каждая такая территория является своеобразной культурно-экологической областью [Тишкин, 2007]. Между ними находится широкая пойма Оби, которая рассматривается специалистами в качестве самостоятельной орографической единицы.

Лесостепь в Алтайском крае

Алтайские горы определяют в рассматриваемом регионе естественную границу, проходящую от низовьев Бии на запад до верховьев Алая, а затем на юго-запад в сторону Верхнего Иртыша. Эта зона представлена и постепенными переходами, и резко выраженными уступами [Петров, 1952]. Ширина предгорий небольшая. К Алтайским горам на юго-западе подходят отроги Тянь-Шаня, на западе – степи Казахстана, на северо-западе – Кулундинская степь, на севере – Предалтайская равнина, на северо-востоке – Салаирский кряж и Кузнецкий Алатау, на востоке – Западный Саян и горные системы Тувы, на юге – Монгольский Алтай.

Республика Алтай представляет собой уникальную в ландшафтном и экологическом отношении территорию. Ее рельеф характеризуется высокими хребтами, разделенными узкими и глубокими речными долинами, редкими широкими межгорными котловинами. Самая известная гора – Белуха (Кадын-Бажы). Она является высочайшей точкой Сибири (4506 м). Крупные реки Катунь и Бия, сливаясь, образуют Обь. Самое большое озеро – Телецкое (Алтын-Кель) – с площадью водного зеркала 230,8 км² и глубиной до 325 м.

В литературе по археологии уже привычным стало использование не совсем удачного обозначения «Горный Алтай», которое часто ассоциировалось с административными рамками сначала Горно-Алтайской автономной области, а затем Республики Алтай. На самом деле указанный регион несколько шире. Он включает в себя Алтайские горы, предгорья и прителецкую тайгу – то, что собственно обозначают на физико-географических картах термином «Алтай». Эта обширная территория сама по себе специфична и существенно отличается от других частей Центральной Азии и Сибири. Изучение археологических памятников демонстрирует стабильный характер границ указанной культурно-экологической области от начала становления скотоводческих культур до этнографической современности. В свою очередь, Алтай имеет внутреннее районирование, основанное на специфике строения и других географических показателях [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 93–98].

В строении поверхности Алтая отмечены следующие закономерности: преобладание двух направлений в простирации хребтов; общее увеличение высот с северо-запада на юго-восток; асимметрия склонов; ступенчатость горной системы, выражающаяся в смене низкогорий среднегорьями, а затем высокогорьями. Эти орографические особенности определяются его тектонической структурой. Отмеченные закономерности позволили разделить Алтай на Южный, Восточный, Центральный, Северо-Западный и Северо-Восточный [Петкевич, 1971]. В этих районах от-

Пойма Верхней Оби

Археологическая экспедиция в Алейской степи

*В горах Алтая. Долины Катунь и Большого Яломана.
Онгудайский район Республики Алтай*

мечается специфика природно-климатических условий разнопланового характера, что оказывало влияние на особенности существования и развития отдельных локально-территориальных групп скотоводов в древности и средневековье. Несомненно, что Алтай может рассматриваться в качестве особой культурно-экологической области. Между ним и вышеобозначенными территориями Верхнего Приобья (Лесостепной Алтай) существует довольно обширная зона (северные предгорья и Предалтайская равнина), которая тоже имеет свою специфику.

Историко-культурное наследие алтайского региона уникально. Особое место в нем занимают памятники, повествующие о древней и средневековой истории. На территории Алтайского края и Республики Алтай сосредоточено значительное количество археологических комплексов (погребально-поминальные объекты, наскальное искусство, каменные стелы, антропоморфные изваяния и др.).

Предметы, обнаруженные в памятниках Алтая в ходе специальных исследований, хранятся в различных музеях России. Крупные собрания сосредоточены в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург). Особое значение имеет находящаяся там коллекция находок из памятника Кудыргэ, который исследовался в Чулышманской долине А.Н. Глуховым, С.И. Руденко и А.А. Гавриловой. Средневековые изделия, обнаруженные при раскопках в Горном Алтае, хранятся и в Государственном историческом музее (Москва). Среди них необходимо отметить материалы из курганов у сел Тузкта и Курай, полученные московскими археологами С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой.

Значительные археологические ценности имеются в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (Горно-Алтайск) и Бийском краеведческом музее им. В. Бианки (Бийск). В последнем, например, представлена коллекция находок из средневекового памятника Сростки-I, давшего название археологической культуре. Крупное собрание средневековых археологических находок хранится в Алтайском государственном краеведческом музее (Барнаул). Наиболее значительными из них являются материалы памятников, раскопанных В.А. Могильниковым в предгорьях Алтая у сел Гилево и Корболиха. Кроме этого, средневековые коллекции хранятся в Историко-краеведческом музее Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул), а также

Часть экспозиции в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ

в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, где к настоящему времени насчитывается 65 собраний средневековых предметов. В них представлены материалы 72 памятников, исследованных на территории Горного и Лесостепного Алтая (Верх-Еланда-I, колл. №124; Карасу-I, колл. №174; Катанда-3, колл. №119; Кырлык-2, колл. №118; Малый Дуган, колл. №128; Нижне-Тыткескенская Пещера-I, колл. №129; Тожон, колл. №122; Тыткескен-VI, колл. №121; Узнезя-I, колл. №127; Урочище Балчикова-3, колл. №180; Усть-Бийке-III, колл. №130; Чинета-II, колл. №185; Шибе-II, колл. №120; Элекманар-II, колл. №126; Яломан-IV-V, колл. №622; Яломан-VII, колл. №182; Акутиха-1, колл. №302; Белый Камень, колл. №149; Бийск (ул. Радищева), колл. №139; Ближние Елбаны-VI и XVI, колл. №157; Борковский Елбан-6, колл. №134; Боровиково-IV-V, колл. №186; Быково-IV, колл. №138; Восход-I, колл. №142; Грань, колл. №166; Грязново, колл. №132; Дмитротитово, колл. №137; Екатериновка-3, колл. №144; Займище, колл. №146; Заломное-I, колл. №427; Ивановка-III, колл. №140; Иня-1, колл. №145; Иня-7а, колл. №156; Кармацкий, колл. №172; Кучук-I, колл. №151; Мало-Панюшово, колл. №133; Малый Гоньбинский Кордон-2/6, колл. №200; Малый Гоньбинский Кордон-2/3, 10-11, колл. №202; Малый Иткуль-V-VI, колл. №67; Михайловка, колл. №148; Нижний Кучук-VII, колл. №152; Новозыково-3, колл. №176; Но-

щера-I, колл. №129; Тожон, колл. №122; Тыткескен-VI, колл. №121; Узнезя-I, колл. №127; Урочище Балчикова-3, колл. №180; Усть-Бийке-III, колл. №130; Чинета-II, колл. №185; Шибе-II, колл. №120; Элекманар-II, колл. №126; Яломан-IV-V, колл. №622; Яломан-VII, колл. №182; Акутиха-1, колл. №302; Белый Камень, колл. №149; Бийск (ул. Радищева), колл. №139; Ближние Елбаны-VI и XVI, колл. №157; Борковский Елбан-6, колл. №134; Боровиково-IV-V, колл. №186; Быково-IV, колл. №138; Восход-I, колл. №142; Грань, колл. №166; Грязново, колл. №132; Дмитротитово, колл. №137; Екатериновка-3, колл. №144; Займище, колл. №146; Заломное-I, колл. №427; Ивановка-III, колл. №140; Иня-1, колл. №145; Иня-7а, колл. №156; Кармацкий, колл. №172; Кучук-I, колл. №151; Мало-Панюшово, колл. №133; Малый Гоньбинский Кордон-2/6, колл. №200; Малый Гоньбинский Кордон-2/3, 10-11, колл. №202; Малый Иткуль-V-VI, колл. №67; Михайловка, колл. №148; Нижний Кучук-VII, колл. №152; Новозыково-3, колл. №176; Но-

вотроицкое, колл. №77; Плотниково, колл. №131; Поповская Дача, колл. №167; Прудской, колл. №169; Рогозиха-I, колл. №141; Сошниково-1, колл. №61; Телеутский Взвоз-I, колл. №163; Точильное-5, колл. №65; Троицк-3, колл. №161; Троицкий Елбан-I, колл. №160; Успенровка-II, колл. №179; Усть-Алейка-Клуб, колл. №136; Усть-Лосиха-2, колл. №241; Усть-Шамониха-I, колл. №154; Филин-I, колл. №168; Хабазино-4, колл. №170; Хлебоборбный Елбан-I-II, колл. №155; Черный Камень, колл. №190; Шадринцево-1, колл. №135; Шелаболиха-3, колл. №153; Щепчиха-I, колл. №150; Яровское-III, колл. №164; Яровское-V, колл. №165). Перечисленные коллекции послужили основой для текста и многих иллюстраций атласа.

Материалы из Горного Алтая представлены артефактами из погребальных и поминальных комплексов. Находки из памятников Лесостепного Алтая отражают сведения, полученные из средневековых могильников и поселений региона. Многие собрания из Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ включают уникальные изделия, в том числе произведения средневекового искусства и предметы, выполненные с использованием драгоценных металлов. Такие вещи имеются в коллекциях, полученных из памятников Белый Камень, Михайловка, Екатериновка-3, Щепчиха-I, Плотниково, Грань и др. Они свидетельствуют о высоком уровне развития технологий изготовления художественного металла, а также отражают своеобразные тенденции средневековой «моды» на использование декоративных предметов.

В данном учебном издании обозначенные разделы подготовлены следующими авторами: «Введение» – А.А. Тишкиным, В.В. Горбуновым, Т.Г. Горбуновой; «Тюркская культура Алтая» –

Фрагмент выставки «Алтай археологический: вооружение и снаряжение кочевников Алтая» в МАЭА АлтГУ

Тюркские изваяния в экспозиции Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ

А.А. Тишкиным, В.В. Горбуновым; Одинцовская археологическая культура» и «Сросткинская археологическая культура» – В.В. Горбуновым; «Кыргызская культура Алтая», «Культура Алтая монгольского времени» и «Кармацкая археологическая культура» – А.А. Тишкиным; «Музеефикация археологических памятников», контрольные вопросы, задания и библиографические списки – Т.Г. Горбуновой, А.А. Тишкиным; «Заключение» – А.А. Тишкиным, Т.Г. Горбуновой. Все разделы пособия оформлены под общей редакцией А.А. Тишкина.

ТЮРКСКАЯ КУЛЬТУРА АЛТАЯ

Рассматриваемую культуру большинство исследователей именуют «древнетюркской». Однако ее правильное называть «тюркской», без дополнения «древняя», поскольку народ, ее создавший, существовал как единая общность только в период раннего средневековья.

В отечественной литературе традиция использования термина «древнетюркский» связана с трудами известного тюрколога В.В. Радлова. Позднее в работах Л.П. Потапова, С.Е. Малова, А.Н. Бернштама, Л.Н. Гумилева и других исследователей широко применялось такое понятие по отношению к культуре, письму, языку, времени, эпохе, изваяниям и т.д. При этом А.А. Гаврилова [1965] совершенно справедливо характеризовала изученные захоронения на памятнике Кудыргэ «тюркским временем» или «периодом тюркского господства».

Следует упомянуть, что А.Н. Бернштам [1946] применял обозначение «орхоно-енисейские тюрки» для VI–VIII вв. С.И. Вайнштейн [1958 и др.] использовал в своих работах термин «алтайские тюрки» в отношении группировки кочевых племен во главе с родом ашина (тюрк), «...т.е. в этническом, а не в географическом его значении (позднее алтайские тюрки расселяются, в частности, на р. Орхон, следовательно, в указанном смысле и на Орхоне жили алтайские тюрки)».

Отдельно стоит отметить мнение А.Д. Грача. Одна из его статей была посвящена определению понятия «древнетюркское время», широко используемого в 1960-е гг. Кроме установления хронологических границ указанного периода в рамках с VI в. по 1-ю четверть X в., исследователем дана его широкая характеристика, основанная на том, что на большой территории «...у разных этнических образований тюркской языковой семьи...» возникали и бытовали общие черты, которые наглядно проявлялись в материальной культуре («форма оружия, бытовых предметов, конской сбруи, украшений, сосудов»), в «рунической письменности», а также в погребальном обряде «...древних племен, входивших в состав тюркских каганатов, и, в первую очередь, погребения с конем, получившие распространение с VII в. н.э.» [Грач, 1966, с. 182–183].

Свои суждения, правда, в несколько ином русле высказал Л.Р. Кызласов [1979, с. 42], считая, что «...подменять терминами «древние тюрки», «древнетюркская культура», «древнетюркское время» наименование всех тюркоязычных племен и народностей и их разнородных культур ненаучно. Древние тюрки – это та этническая группа, которая сама себя называла народом тюрк («тюрк будун»), и только культуру этого народа следует называть древнетюркской, а время существования древнетюркских каганатов в VI–VIII вв. – древнетюркским временем».

Вопросы периодизации тюркской культуры не раз становились предметом научных исследований. С.Г. Кляшторный выделил в ранней истории тюрков два периода: ганьсуйско-гаочанский (265–460 гг.) и алтайский (460–553 гг.). Первый, по его мнению, был связан с вхождением племени ашина в позднехуннские государства Хэси и Гаочана, а второй – с подчинением жузяням, которые переселили его (после 460 г.) «...к южным отрогам Алтая». За время жизни в Восточном Туркестане род ашина воспринял в свой состав новую этническую группу, смешавшись с местными жителями. Там с конца III в. и до конца 460 г. преобладало иранское (согдийское) и тохарское (индоевропейское) население, повлиявшее на язык и культурные традиции ашина [Кляшторный, Султанов, 2000]. Важно отметить, что «...только после переселения на Алтай племя приняло наименование тюрк, а старое название... стало династийным именем правящего рода». В еще одной работе указанного автора данный вывод сохраняется с таким

*Тюркские тяжеловооруженные воины VI–VIII вв.
Реконструкция В.В. Горбунова,
рисунок Д.В. Позднякова*

географическим уточнением: «В V в. племя ашина, после переселения на Монгольский Алтай, возглавило союз местных племен, получивший наименование тюрк». По легенде, тюрк – местное обозначение Алтайских гор. До создания каганата слово «тюрк» характеризовало лишь название союза десяти (позже двенадцати) племен, сложившихся на Алтае вскоре после 460 г. Важным, на наш взгляд, является такое замечание С.Г. Кляшторного: «Не отрицая возможной связи предков ашина с Алтаем и с Сибирью до момента миграции на юг..., следует помнить, что лишь после 460 г. в предгорьях Южного Алтая складывается та группировка племен, возглавленная вождями из рода Ашина – Асянь-шадом, «великим ябгу» Туу и Бумынем, которая в 551–555 гг. нанесла смертельный удар Жуаньжуаньскому каганату». Таким образом, дата 460 г. является ключевой в хронологии начала тюркской культуры.

Л.Н. Гумилев [2002] в своей книге «Древние тюрки» пришел к выводу, что «...народ «тюркютов» (тюрков) возник в конце V в. н.э. вследствие этнического смешения в условиях лесостепного ландшафта, характерного для Алтая и его предгорий». Более конкретно им указывалось «...местонахождение на южных склонах Большого Алтая», а также предгорья Монгольского Алтая.

В развитии кочевых обществ Центральной Азии до появления тюрков на мировой арене большое значение имели такие империи, как Хуннская/Сюньшаньская (209 г. до н.э. – 93 г. н.э.), Сяньбийская (93–235 гг. н.э.) и Жужанская (359–552 гг. н.э.). В состав указанных держав территория Алтая входила в разные периоды. При этом осуществлялся постоянный приток новых групп населения, свидетельством чему являются фиксируемые археологами изменения в материальной культуре.

По китайской традиции, жуаньжуани (жужане) относились к группе народов дунху. По мнению Л.Н. Гумилева [2002, с. 16], в середине IV в. н.э. многие представители различных племен, по каким-либо причинам порвавшие всяческие связи со своими родовыми коллективами, уходили в степь: «Туда же бежали от жестоких господ невольники, из армий дезертиры, из обедневших деревень нищие крестьяне. Общим у них было не происхождение, не язык, не вероисповедание, а судьба, обрекающая их на нищенское существование; и она-то властно принуждала их организовываться». Л.Н. Гумилев [2002, с. 17] предполагал, что «...жужане объяснялись по-сяньбийски, т.е. на одном из диалектов монгольского языка...»

Известно, что жужане обитали на территории современной Монголии. Один из вождей Илу около 300 г. осуществил первую консолидацию племен. Однако временем образования Жужанской орды считается 359 г. Еще одна датируемая информация относится к 394 г., когда лидер жужаней Шэлунь пересек пустыню и покорил ряд племен, но под ударами тоба был вынужден отступить. В 402 г. он собрал своих сторонников, объявил о создании имперской конфедерации и принял титул кагана. К V в. Жужанский каганат достиг наибольшего масштаба, благодаря тому, что Шэлунь провел ряд реформ и осуществил успешные походы. Историкам известны имена всех каганов за 150 лет существования империи. В 464 г. жужане «оформили государственность и по китайскому образцу ввели девизы годов правления» [Тишкин, 2007, с. 162–163]. Л.Н. Гумилев [2002, с. 17] считал, что «...основной силой жужанского ханства было умение держать в подчинении телеские племена», которые в конце IV в. перекочевали на север в Джунгарию, а затем распространились от Западной Монголии вплоть до Байкала.

В середине VI в. (551–555 гг.) империя жуаньжуаней рухнула под ударами тюрков, а на ее обломках возник I Тюркский каганат (552–603 гг.), объединивший большое

*Реконструкция
тюркского всадника
(по: [Кубарев, 2005])*

Железное стремя из кургана у с. Локоть. МАЭА АлтГУ (колл. №173/10)

*Погребальный инвентарь тюркского воина
кызыл-ташского периода. Усть-Бийке-III, курган №5
(по: [Тишкин, Горбунов, 2005, фото 4])*

количество разноэтничных племен Алтая и Центральной Азии [Могильников, 1981, с. 29]. Многие исследователи, занимающиеся изучением тюрков, ссылаются на реальное и хорошо датированное по письменным свидетельствам событие, связанное с переселением жуаньжуанями в 460 г. племени Ашина на Алтай [Тишкин, 2007, с. 188].

По мнению Л.Н. Гумилева [2002], тюрки (туц-зюэ, тюркю-ты) изначально представляли небольшое племя Ашина («500 семей»), возникшее «...из смешения разных родов...» и обитавшее в западной части Шэньси. Считается, что жуаньжуани переселили племя Ашина на Алтай из Гаочана (Восточного Туркестана). Но именно на Алтае с течением времени вокруг

них сложился союз десяти, а затем двенадцати племен, получивший название «тюрк».

Начиная со 2-й половины VI в. термин «тюрк» стал также обозначаться в чисто политическом смысле, как фиксация принадлежности различных кочевых племен к державе, созданной тюрками. Как раз в таком значении он употребляется в византийских источниках, в «Шахнаме» Фирдоуси и других авторов [Кляшторный, Савинов, 2005]. Н.Я. Бичурин [1950, с. 221, 226–228] в примечаниях к своим переводам китайских текстов также помещал тюрков на территории Алтая.

Алтай в современном историко-географическом понимании подразделяется на три области: «Горный», Монгольский и Гобийский. Южные отроги Монгольского Алтая чаще всего фигурируют у исследователей в качестве возможного ареала расселения ранних тюрков, и гораздо реже называется район Горного Алтая. К настоящему времени наиболее исследованными для указанного периода являются комплексы Южной Сибири. Из них пока только в Горном Алтае могут быть выделены самые ранние объекты тюркской культуры, датировка которых определяется 2-й половиной V – 1-й половиной VI в. н.э. (**кызыл-ташский этап**). К ним относятся смежные или отдельные, округлые либо прямоугольные оградки. В части из них за-

фиксированы захоронения лошадей в грунтовых ямах и ящики с инвентарем, а также стелы и ряды балбалов. Такие объекты обнаружены на следующих памятниках: Кызыл-Таш, Усть-Карасу, Кара-Коба-I, Кудыргэ, Кок-Паш, Мендур-Соккон-I, Сары-Кобы, Булан-Кобы-IV и др. Отметим также курганы с погребениями людей в сопровождении коня в грунтовой яме, преимущественно с восточной ориентацией умершего и аналогичной или противоположной ориентировкой животного. Есть захоронения с одиночной ингумацией, кенотафы и ритуальные объекты с инвентарем на уровне древнего горизонта. В круг обозначенных памятников входят такие комплексы: Яконур (курган №5 (впускное погребение)), Усть-Бийке-III (курганы №5 и 6), Тыткескень-VI (курган №5) и др.

*Накладки на лук и наконечники стрел
из кургана №5 памятника Усть-Бийке-III
(по: [Тишкин, Горбунов, 2005, фото 3])*

*Бляхи-накладки и наконечник ремня. Кудыргэз
(2-я половина VI – 1-я половина VII в.).
Государственный Эрмитаж
(колл. №4150)*

(Восточно-тюркский, 604–630 гг.). Горный Алтай оказался в составе последнего.

Рассматриваемый кудыргинский период развития тюркской культуры представлен хорошо известными погребальными и поминальными памятниками, которые датируются 2-й половиной VI – 1-й половиной VII в. н.э.: могильники – Кудыргэ, Кара-Коба-I (курганы №1 и 8), Катанда-3 (курган №11), Курота-I, Жана-Аул, Тыткескень-VI (курган №10), Алагаил, Курай-VI, Уландрык-I, III и др.; «поминальники» – Нижняя Соору, Яломан-VII, Макажан, Ян-Гобо и др. Именно в них найде-

*Орнаментированные костяные накладки на лук седла
и фрагменты изображений*

Кудыргэз (2-я половина VI – 1-я половина VII в.). Государственный Эрмитаж (колл. №4150)

Кудыргинский этап отражает не только хорошо заметные изменения в материальной культуре тюрков Алтая, но и события военно-политической истории Центральной Азии, связанные с образованием и существованием Первого Тюркского каганата (552–603 гг.). Успешные походы и непрерывные завоевательные войны способствовали существенному расширению территории. В результате Тюркский каганат включился в систему политических экономических отношений крупных государств того времени (Византии, Сасанидского Ирана, Китая), контролируя торговый путь, связывающий Восток со странами Средиземноморья и Европы. Однако с 581 г. намечился раздел первой евразийской империи кочевников. Это было связано с возникшим острым кризисом политического, экономического и экологического характера. К 603 г. окончательно завершился распад Великого (I) Тюркского каганата на Западно-тюркский (604–657 гг.) и Восточный

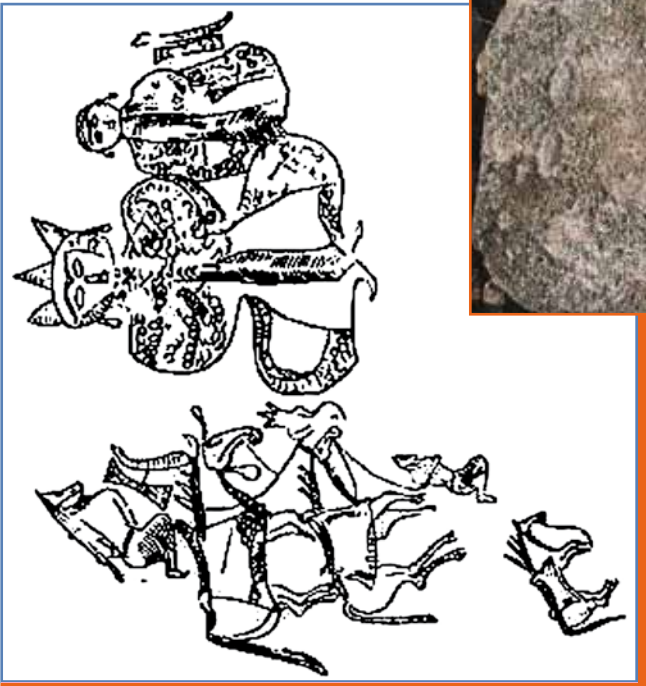
те материалы, которые демонстрируют специфику дальнейшего развития формировавшихся тюркских традиций. Вполне естественно, что предметный комплекс на кудыргинском этапе сохранил многие типы вещей предыдущего времени. Но появляются новые виды и формы изделий: мечи с напускным перекрестием, псалии со скобой, орнаментированные накладки на луки седел, поясная и уздечная гарнитура так называемого геральдического стиля, серьги и подвески с каплевидным выступом, кресала. Следует отметить, что некоторые изделия кызыл-ташского облика в кудыргинское время могли еще использоваться единично. В этом плане укажем на обнаруженные пластинчатые стремена с Т-образной подножкой.

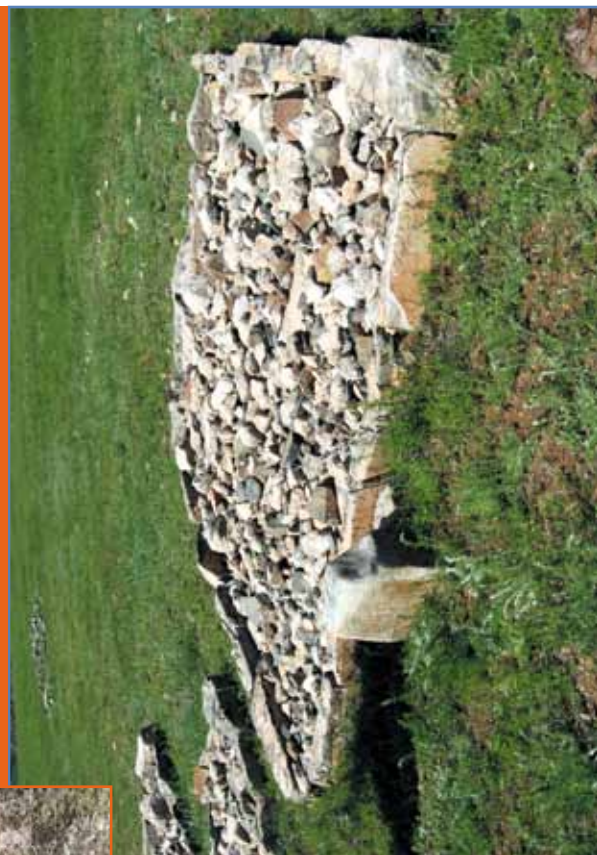
*Китайская монета
(575–577 гг.)*

*Бронзовые
серьги*

Наиболее ярким памятником Кудыргинского комплекса является известный «кудыргинский валун», который, по-видимому, следует рассматривать как одно из самых ранних тюркских каменных изваяний. На одной его стороне в верхней части изображено мужское лицо с раскосыми глазами, усами и бородой (по этому признаку «кудыргинский валун» входит в ряд так называемых лицевых изваяний); на другой представлена сюжетная сцена, в которой участвуют две крупные, сидящие анфас нарядно одетые фигуры (одна из них женская, другая детская) и три более мелких коленопреклоненных профильных фигурки (две из них в масках) с оседланными лошадьми... Исходя из размеров рисунка, можно предположить, что главным действующим лицом является мужчина, изображенный на лицевой стороне валуна. В таком случае, вероятнее всего, женщина и ребенок в богатых одеждах являются изображением членов семьи (жены и наследника?) умершего знатного лица, принимающего дары (или какую-нибудь иную форму поклонения) по поводу его кончины [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 209–211].

Часть изваяния и виды восстановленной тюркской оградки. Яломан-VII. Онгудайский район Республики Алтай

Поясной наконечник ремня. Кудыргэз. Государственный Эрмитаж (колл. №4150)

Следующий **катандинский этап** (2-я половина VII – 1-я половина VIII в.) отражает возрождение тюркской культуры и ее господство в центрально-азиатском регионе, что связано с периодом существования Второго Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.), образование которого провозгласил Гудулу – предводитель восставших против Китая тюркских племен. Несмотря на то, что центр каганата располагался далеко, Алтай входил в состав возникшей державы. При Капаган-кагане, который правил с 691 по 716 г., отмечен наивысший подъем военно-политического могущества Второго Восточно-тюркского каганата. После гибели предводителя и возникшего кризиса власти из-за восстания огузов в 716 г. Кюль-тегин все же смог объединить старые племена тюрков и поставить во главе их своего брата Бильге. О бурных событиях каганата в период правления Бильге рассказывается в рунических надписях, которые были выбиты тюрками на стелах, установленных в память братьев у поминальных храмов около р. Орхон [Войтов, 1996]. После смерти Кюль-тегина (731 г.) и Бильге-кагана (734 г.) ситуация в империи недолго оставалась стабильной. В 741 г. в каганате возникли распри, и началась настоящая гражданская война. В 744 г. династия Ашина окончила свое существование [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 110]. После падения Второго Восточно-тюркского каганата тюркские владения в 745 г. перешли уйгурам.

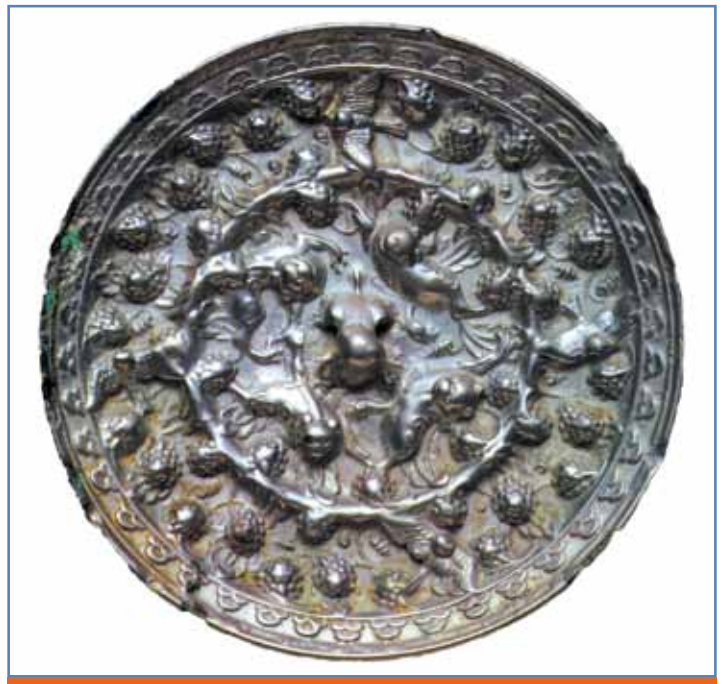
На смену катандинскому приходит **туэктинский этап** (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.) тюркской культуры Алтая. Хронологически он связан со временем существования Уйгурского каганата. Данная ситуация находит отражение в раскопанных археологических памятниках, которых пока исследовано значительно меньше, чем комплексов, характерных для катандинского этапа: могильники – Катанда-II (курган №2 (1925)); Курай-II (курганы №2, 4), Курай-III (курганы №1, 6), Большой Катандинский курган (впускные могилы №1–3), Туэкта (курган №4 (1935), курганы №1, 3, 7, 9), Дялян, Джолин-1, Узунтал-VI и VIII, Юстыд-XXIV; «поминальники» – Кур-Кечу, Сары-Коба-II.

Следующий период связан с относительной зависимостью от Кыргызского каганата и назван **курайским этапом** тюркской культуры. Он датируется 2-й половиной IX – 1-й половиной X в. В это время отмечается интеграция культуры тюрков с культурой господствующего этноса, что отразилось в следующих раскопанных памятниках Горного Алтая [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 162]: могильники – Курай-II (курган №3), Курай-III (курган №2) и Курай-IV, Туэкта (курган №1, 3 (1935), курганы №2, 4 (1937)), Яконур (курган №3), Узунтал-I (курган №2), Беш-Озек, Бертек-27 и др.; «поминальники» – Бойтыгем-IV.

На курайском этапе хорошо отмечаются такие особенности, которые соответствуют указанной военно-политической обстановке. Это заключается в том, что тюркская культура сохранила многие катандинско-туэктинские элементы, но вместе с тем в ее облике появились и весьма существенные новшества. В захоронениях найдены массивные боевые топоры с низким обухом, удила с витыми звеньями и перпендикулярными 8-видными внешними окончаниями, стремяна с приплюснутым петельчатым ушком, поясная

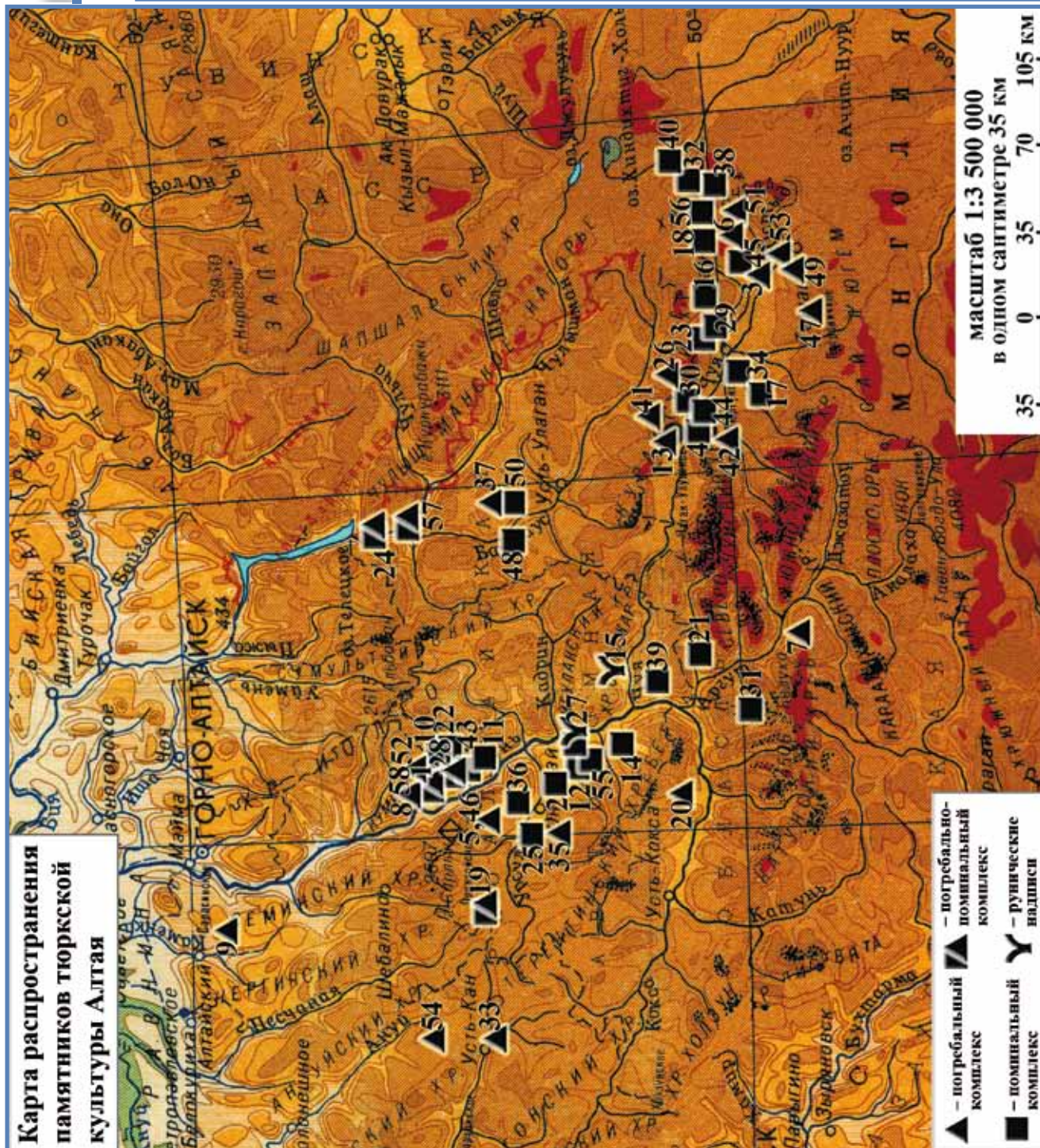
Металлические зеркала. Шибе-II
(по: [The Altai culture, 1995])

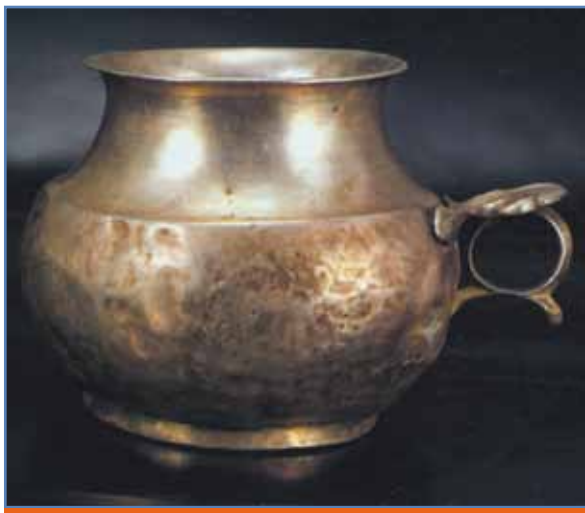

Зеркало из кургана №2 памятника Юстыд-XIV
(по: [Кубарев, 2005])

ЛЕГЕНДА КАРТЫ

1 – Айрыдаш-II;	32 – Малталу;
2 – Айтэны;	33 – Мендур-
3 – Ак-Кообы;	Соккон-I;
4 – Актру;	34 – Мухор-
5 – Балык-Соок-I;	Тархата;
6 – Барбургазы;	35 – Нижняя
7 – Бертек;	Сору;
8 – Бижэ;	36 – Онгудай;
9 – Бирюзовая	37 – Пазырык;
Катунь;	38 – Сайлюгем;
10 – Биченег;	39 – Сатакулар;
11 – Бойтыгем-	40 – Согонулу;
II, IV;	41 – Тадила;
12 – Большой	42 – Талдура;
Курманак-I, II;	43 – Тогуспан-IV;
13 – Боротал;	44 – Тото;
14 – Булан-	45 – Туру-Алты;
Кобы-IV;	46 – Туэкта,
15 – Калбак-Таш;	Шибэ-II;
16 – Дьер-Тебе;	47 – Узунтал-I, V,
17 – Елангаш;	VI, VIII;
18 – Каман-Тон;	48 – Узун-Язы;
19 – Кара-Коба;	49 – Уландрык;
20 – Катанда-I-III;	50 – Усть-
21 – Кеме-Кечу;	Балыктыюль;
22 – Кишнег-	51 – Чадыр;
Артудар;	52 – Чобурак-I;
23 – Котыр-Тас-I;	53 – Юстыд;
24 – Кудыргэ;	54 – Яконур;
25 – Кулада;	55 – Яломан-
26 – Курай-I-IV, VI;	II, IV, V, VII,
27 – Кур-Кечу,	Яломанская
Большой	крепость;
Яломан-III;	56 – Ян-Гобо;
28 – Кызык-	57 – Кок-Паш;
Телань-I;	58 – Усть-Бий-
29 – Кызыл-Таш;	ке-III
30 – Кызыл-Шин;	
31 – Макажан;	

Серебряный сосуд из Юстыда
(по: [Кубарев, 2005])

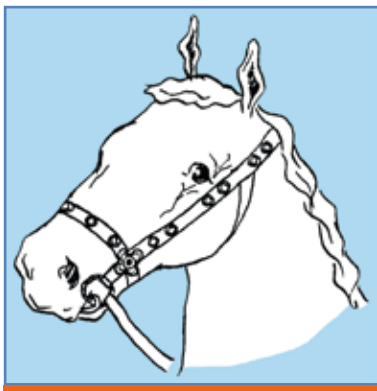

Набор украшений конского снаряжения из кургана
№1 памятника Курай-VI. ГИМ (колл. №78209)

и уздечная гарнитура с растительным и зооморфным орнаментом, тяготеющим к «кыргызскому» стилю, а также металлические сосуды-кубки с руническими надписями, бытовые железные котлы.

Заключительный период существования тюркской культуры Алтая (2-я половина X – XI в.) в рамках Кыргызского каганата связан с постепенным ослаблением и распадом державы на отдельные княжества. Данная ситуация находит реальные подтверждения в археологическом материале, обнаруженном в захоронениях выделенного **балтарганского этапа**, который характеризуется и угасанием тюркских традиций в облике предметов материальной культуры. Из новых изделий в то время появились однолопастные наконечники стрел, удила с гладкими кольчатыми псалиями, стремяна со слабо выделенным пластинчатым ушком, наносные султанчики и налобные бляхи конского снаряжения. В целом уздечная гарнитура оформляется растительно-геометрическим орнаментом «сросткинского» стиля. Украшения «туэктинского» и «курайского» облика уже не встречаются, а изделия катандинской традиции представлены только единичными находками.

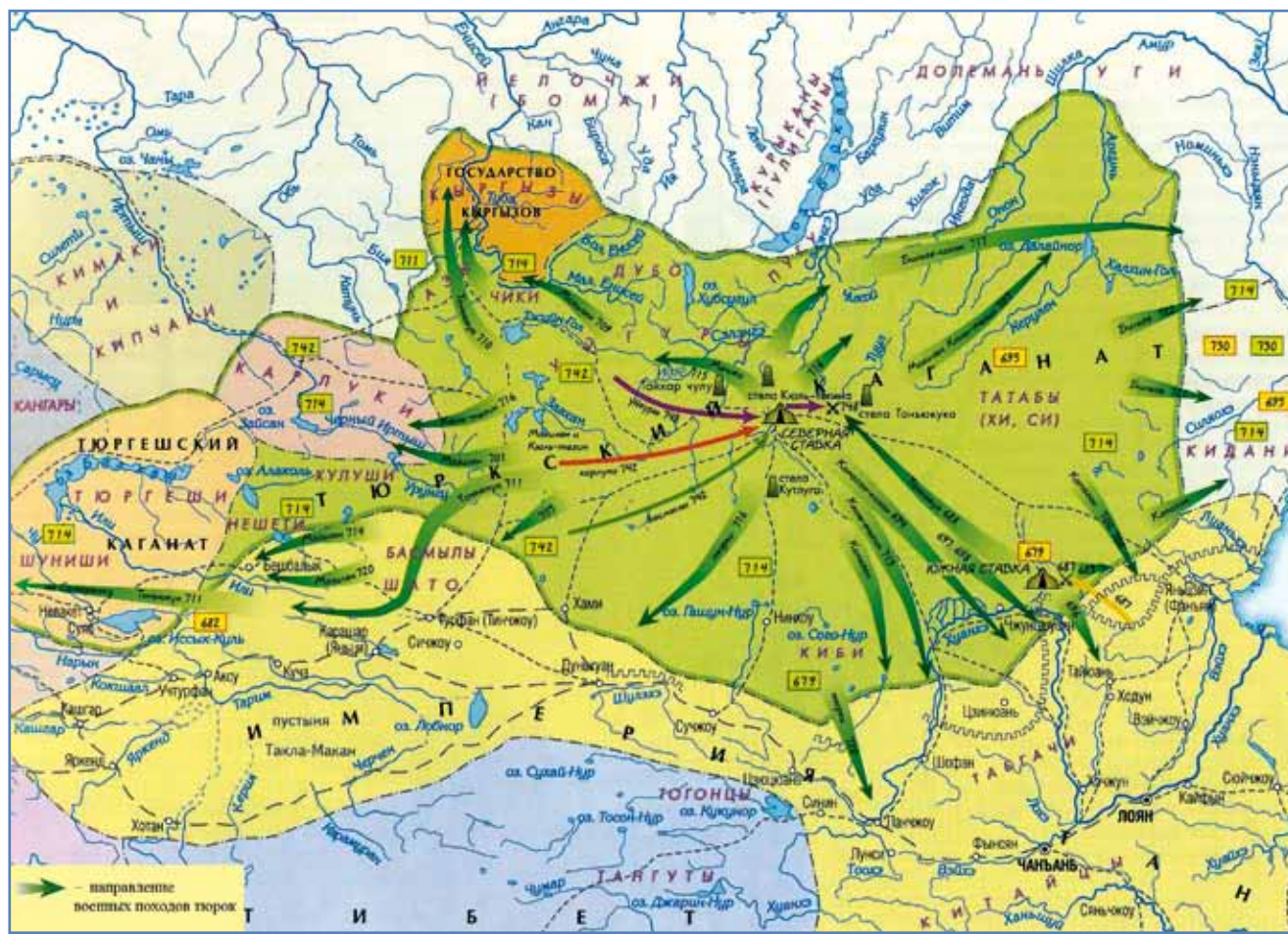
Огромную роль в жизни, религиозных представлениях и ритуалах тюрков играла лошадь. В погребениях и поминальных комплексах фиксируются предметы, относящиеся к снаряжению верхового коня – удила и псалии, стремяна, подпружные пряжки, разнообразные украшения из бронзы, серебра, золота и железа. Декоративные изделия конской амуниции представлены овальными короткими наконечниками ремней (без орнамента либо с геометрическим декором), «язычковидными» наконечниками, трехлучевыми распределителями ремней с «перехватами» и трехдольным делением центральной части, бляхами-накладками четырехлепестковой, сердцевидной, прямоугольной, подовальной и полусферической форм, а также бляхами-подвесками, в том числе налобными, преимущественно сердцевидной формы с петлей для подвешивания к ремню и гладкой лицевой частью. Кони у тюрков, судя по имеющимся изображениям, были немелкие, с широким крупом, тонконогие, с короткой шеей и тяжелой головой. Грива, расчесанная и подстриженная зубцами, подчеркивала тщательный уход.

Реконструкция узды
(по материалам кургана
№1 памятника Курай-VI)

Серебряный сосуд. Курай-IV,
курган №1. Государственный
исторический музей (экспозиция)

Второй Восточно-тюркский каганат. 682–744 гг. (по: [Амлас Tartarica..., 2006])

Костюмный комплекс тюрков изучается на основе зафиксированных в погребениях фрагментов одежды и деталей снаряжения, а также с помощью изображений на каменных изваяниях, петроглифах, росписях и т.д. По имеющимся изобразительным данным можно выделить следующие основные категории костюма: шуба, халат, рубаха, штаны, головной убор, сапоги. Основным компонентом в этом комплексе одежды является халат (кафтан).

Довольно частой находкой в тюркских погребениях выступают пряжки и наконечники ремней небольших размеров, которыми кожаные сапоги перетягивались у щиколотки. Такие детали обуви отмечены только для мужского костюма. Подобные археологические находки представлены в средневековой экспозиции Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета в Барнауле.

Также важнейшим элементом мужского костюма у тюрков был наборный пояс, который наряду со своим прямым функциональным назначением играл роль украшения и знака воинского отличия. Он украшался для знатных людей серебряными или золотыми бляхами с прорезными отверстиями и великолепным орнаментом.

Серьги существенно дополняли костюм и внешний облик тюрков. Они использовались как женщинами, так и мужчинами. На каменных изваяниях тюркских воинов зафиксированы выбитые изображения серьги в одном ухе.

Отдельную группу предметов материальной культуры тюрков составляет оружие. Воины имели доспехи из железных пластин и кожаных полос, связанных между собой ремешками. Панцирь закрывал грудь, спину, ноги и руки, на голове был шлем с бармицей. На коня надевали попону, прикрывавшую шею, грудь, бока и круп; морду защищала железная маска. Панцирные пластины от доспехов находят в тюркских могилах и оградках. Наскальные рисунки показывают всадников в полном облачении. Сражалась такая конница плотно сомкнутым строем. При сближении с противником тюрки осыпали его стрелами, затем наносили таранный удар копьями с последующим переходом к кавалерийскому бою на мечах и топорах.

Оружием дальнего боя служил сложносоставной лук, деревянная основа которого укреплялась накладками из рога. Стрела состояла из деревянного древка с оперением и железного

наконечника. Часть наконечников снабжалась костяными свистунками, издававшими в полете звук, который пугал коней противника. Воины носили стрелы в берестяных или матерчатых колчанах, а луки – в кожаных налучьях, которые, как и колчаны, подвешивались к поясу. Все это снаряжение видно на различных изображениях, однако в погребениях сохраняются в основном накладки лука и наконечники стрел (лишь иногда берестяные колчаны). Находят также железные наконечники от копий. Копья носили за спиной на ремнях, накидывая их на плечо и щиколотку. Оружием ближнего боя служили мечи (с одним или двумя лезвиями), боевые топоры и кинжалы. Они делались из железа. Мечи и кинжалы прикреплялись к поясу в деревянных ножнах, скрепленных металлическими обоями. Топоры насаживались на деревянные рукояти, снабженные петлей для руки, и приторачивались к седлу. Все эти виды оружия встречаются в могилах, а мечи и кинжалы очень часто изображаются на каменных изваяниях. Тюркское войско состояло из профессионалов, специально подготовленных воинов.

Вещи бытового назначения были весьма разнообразны. Отдельно следует отметить так называемую пиршественную посуду тюрков – серебряные сосуды, которые встречены в погребениях знатных людей. Так в кургане №1 памятника Тузкта у северной стенки могилы был найден склад вещей, среди которых оказался серебряный сосуд с рунической надписью, гласившей следующее: «Человек ... (имя?) ... [с] шадом мужественный спутник» [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 103]. Ножи являются одной из наиболее массовых категорий бытовых предметов сопроводительного инвентаря в тюркских погребениях. Судя по изображениям, они крепились к поясу мужчины с левой стороны, а у женщин они могли храниться в переметной суме. Помимо перечисленных изделий, к предметам быта относятся точильные бруски, шилья, костяные игольники с железными иглами, колыбели, пряслица, гребни (встречаются как в женских, так и в мужских погребениях), плети, зеркала и мн. др.

Характеризуя общественное устройство тюрков, С.Г. Кляшторный и Д.Г. Савинов [2005] отмечают, что структура тюркской общины веками складывалась и приспособлялась к целям и задачам военного быта. Тюркский племенной союз (тюрк кара камаг бодун), состоявший из племен (бод) и родов (огуш), был политически организован в эль – имперскую структуру. По указанию С.Г. Кляшторного [1984], «... родоплеменная организация (бодун) и военно-административная организация (эль) взаимно дополняли друг друга. Каган «... держал эль и возглавлял бодун». Он осуществлял функции главы «гражданского» управления внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии родов и племен и выступал в ро-

ли вождя, верховного судьи и верховного жреца». Возглавляя политическую организацию, каган выполнял функции военного руководителя, вынуждая подчиненные племена к уплате дани и податей. Поддержание на должном уровне боевой мощи армии, ориентация походов и набегов, удержание в подчинении и послушании покоренных, использование их экономических и военных ресурсов – в этом заключались функции эля, который управлялся каганом, опиравшимся на племенную аристократию, из которой комплектовалось «служивое сословие», т.е. военно-административное руководство и личное окружение кагана... Обращаясь с

Натуральная копия тюркского шлема. Реконструкция В.В. Горбунова, мастер Г.Л. Нехведавичюс

Панцирные пластины. Кудыргэ. Государственный Эрмитаж (колл. №4150)

Натуральная копия тюркского панциря. Реконструкция В.В. Горбунова, мастер Г.Л. Нехведавичюс

Тюркская надпись на
памятнике Адыр-Кан

надписями-манифестами к своим «слушателям» («Слушайте хорошенько мою речь!» – требует Бильге-каган), тюркские каганы и их приближенные выделают среди «внимающих» им два сословия – знать и народ. В надписях Второго Тюркского каганата дан равноценный стереотип обращения – беги и народ (тюрк беглер бодун) – «тюркские беги и народ») [Кляшторный, 1984, с. 145–148].

Свое социальное и право-

вое проявление единство находило в применении ко всем ее членам общего наименования «эр» (муж-воин). «Мужем-воином» становился по праву рождения любой юноша, достигший определенного возраста и получивший «мужское (геройское, воинское) имя», будь он одним из сотен рядовых воинов или принцем крови. Получение «мужского имени» являлось отражением обряда инициации, которому предшествовало совершение юношей охотничьего или воинского подвига. Скорее всего, с этим обрядом связаны упоминаемые в надписи из Ихе Хушоту охотничьи подвиги ее героя: «В семь лет Кули-чор убил горную козу, а в десять лет – дикого кабана». Не исключено, что в знатных семьях обряд инициации происходил несколько раньше, чем в остальных, после первых же охотничьих успехов испытуемого. Получив «мужское имя», воин мог присоединить к нему титулы, указывающие на его знатность или место в военно-административной иерархии каганата; однако во всех случаях он оставался прежде всего «мужем-воином», т.е. полноправным членом тюркской общины [Кляшторный, 1984, с. 148–150].

Особо следует остановиться на мировоззрении тюрков, опираясь на один из разделов монографии С.Г. Кляшторного и Д.Г. Савинова [2005, с. 149–172]. Доказательством существования в тюркской мифологии трехчленной модели Вселенной стало выявление С.Г. Кляшторным в рунических текстах Енисея и Восточного Туркестана наиболее важного и яркого персонажа Нижнего мира – его владыки Эрклиг-хана,

«разлучающего» людей и посылающего к ним «вестников смерти». Владыкой Верхнего мира и верховным божеством тюркского пантеона являлось Тенгри (Небо), которое, иногда вместе с другими божествами, распоряжалось происходящим в мире и прежде всего судьбами людей. Рождениями «сынов человеческих» ведала богиня Умай, а их смертью – Эрклиг. Тенгри давало мудрость и власть каганам, даровало каганов народу, наказывало согрешивших против каганов и «приказывало» кагану решать государственные и военные дела. «Согдоязычная Бугутская надпись, эпитафия Таспар-кагана (ум. 581 г.), упоминает о постоянных вопросах кагана к богу (богам?) при решении государственных дел».

Тенгри неявно антропоморфизовано, наделено некоторыми человеческими чувствами; выражало свою волю словесно. Но эти решения осуществлялись не прямым воздействием, а через природных или человеческих агентов.

«Другим божеством Верхнего мира была Умай, богиня плодородия и новорожденных, она олицетворяет женское начало. Вместе с Тенгри она покровительствует воинам. Так же, как каган подобен (по своему образу) Тенгри, его супруга-царица подобна Умай («моя мать-царица, подобная Умай»). Здесь содержится явное указание на миф о божественной супружеской чете – Тенгри и Умай, земной ипостасью которой и является царская чета в мире людей.

Руническая надпись на памятнике
Калбак-Таш

Железный меч. Шибе-II. МАЭА АлтГУ (колл. №120)

Главным божеством Среднего мира была «Священная Земля-Вода». В орхонских надписях это божество нигде не упомянуто обособленно, но вместе с Тенгри и Умай (или только с Тенгри) оно покровительствует тюркам и наказывает согрешивших. В енисейских рунических надписях герой эпитафии, ушедший в Нижний мир, вместе с атрибутами Верхнего мира, Солнцем и Луной, от которых он «удалился» и которыми «не наслаждался», называет также «мою Землю-Воду», т.е. покинутый им Средний мир. По сообщениям иноземных информаторов, божество Земли было объектом особого культа».

Кроме четырех главных божеств (Тенгри, Умай, Ыдук Йер-Суб и Эркилига) в тюркский пантеон входили многочисленные второстепенные божества или божества-помощники. В важном для анализа тюркского пантеона руническом тексте на бумаге из пещерной библиотеки Дуньхуана, именуемом «Книга гаданий» (1-я половина X в.), упомянуты среди прочих два божества «второго плана»: «бог путей на пегом коне» и «бог путей на вороном коне». Еще одно столь же древнее упоминание у тюрков «бога путей» имеется в тибетском «Каталоге княжеств», фрагмент которого был обнаружен также в пещерах Дуньхуана. Так, среди соседей Тибета названы «восемь северных земель», в столице которых, крепости Шу-балык, почитали «бога тюрков Йол-тенгри». Тибетская запись (или ее источник) надежно датируется VIII в. Хотя представления тибетского автора о «северных землях» были весьма смутны, важно отметить, что для иноземного наблюдателя образ Йол-тенгри («бога путей») был непосредственно связан с государственным культом тюрков [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 149–158, 166–170].

* * *

Представленная в данном разделе периодизация тюркской археологической культуры учитывает результаты исследований предшественников и опыт культурно-хронологических разработок таких археологов, как А.А. Гаврилова [1965], Д.Г. Савинов [1984, 1994], Б.Б. Овчинникова [1990] и др. Она отражает основные этапы эволюции материальной культуры и погребально-поминальной практики. Дальнейшее накопление всесторонних сведений позволит проверить и дополнить намеченные тенденции. Изучение тюркской культуры еще находится на начальной стадии, и впереди ждут интересные и многоплановые открытия. Одним из направлений такой деятельности станет широкое применение естественно-научных методов. В области датирования археологических памятников тюркского времени перспективным является комплексное внедрение дендрохронологического и радиоуглеродного анализа. Совокупность других хронологических определений позволит приступить к обозначению более мелких единиц периодизации истории раннесредневековых тюрков.

Роговая накладка на рукоять сложносоставного лука. Шибе-II. МАЭА АлтГУ (колл. №120)

Комплект роговых накладок на рукоять сложносоставного лука. Бирюзовая Катунь-9. МАЭА АлтГУ (экспозиция выставки)

Этапы развития тюркской археологической культуры

Кызыл-ташский этап

2-я половина V – 1-я половина VI в.; период формирования тюркской культуры на территории Алтая

Исторические события

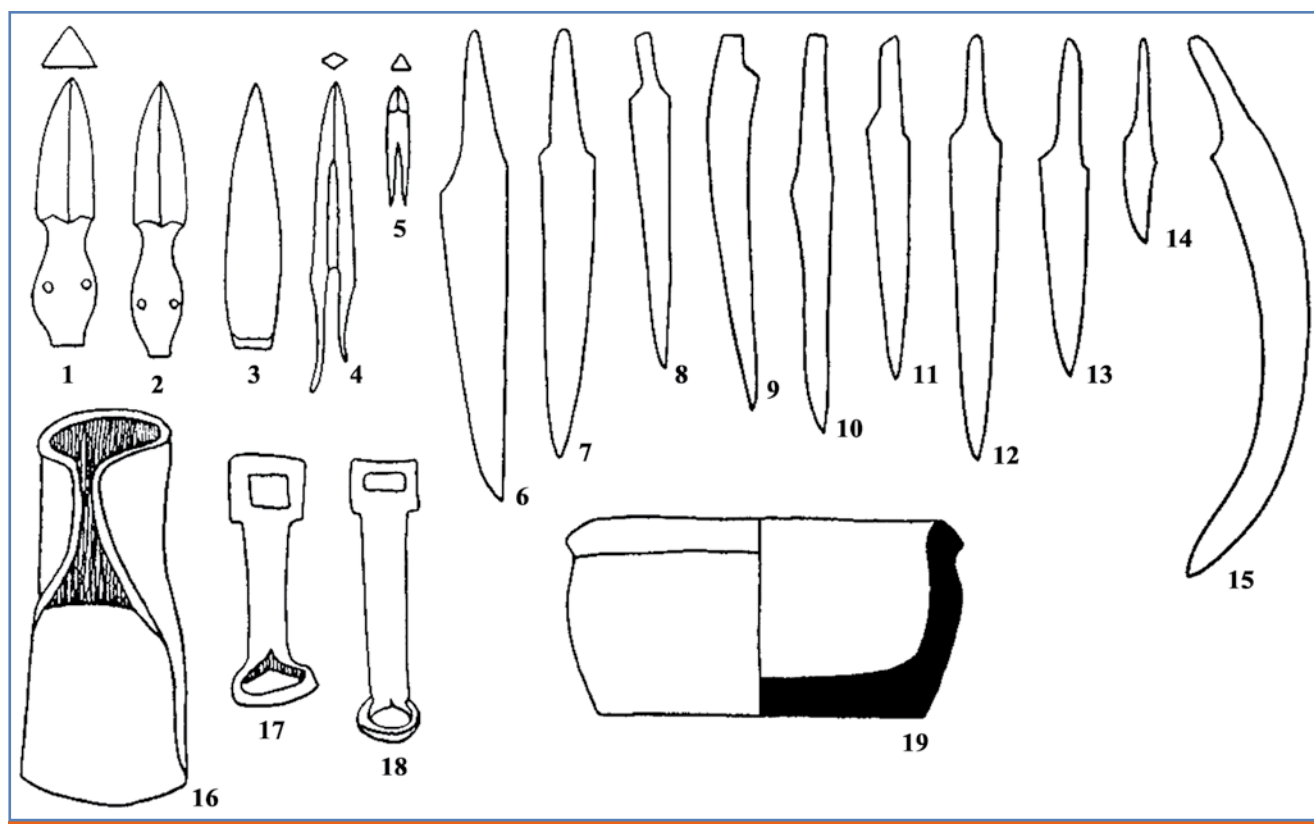
Соотносится с такими историческими событиями, как переселение на Алтай племена Ашина в 460 г. и образование I Тюркского каганата в 552 г.

Могильники

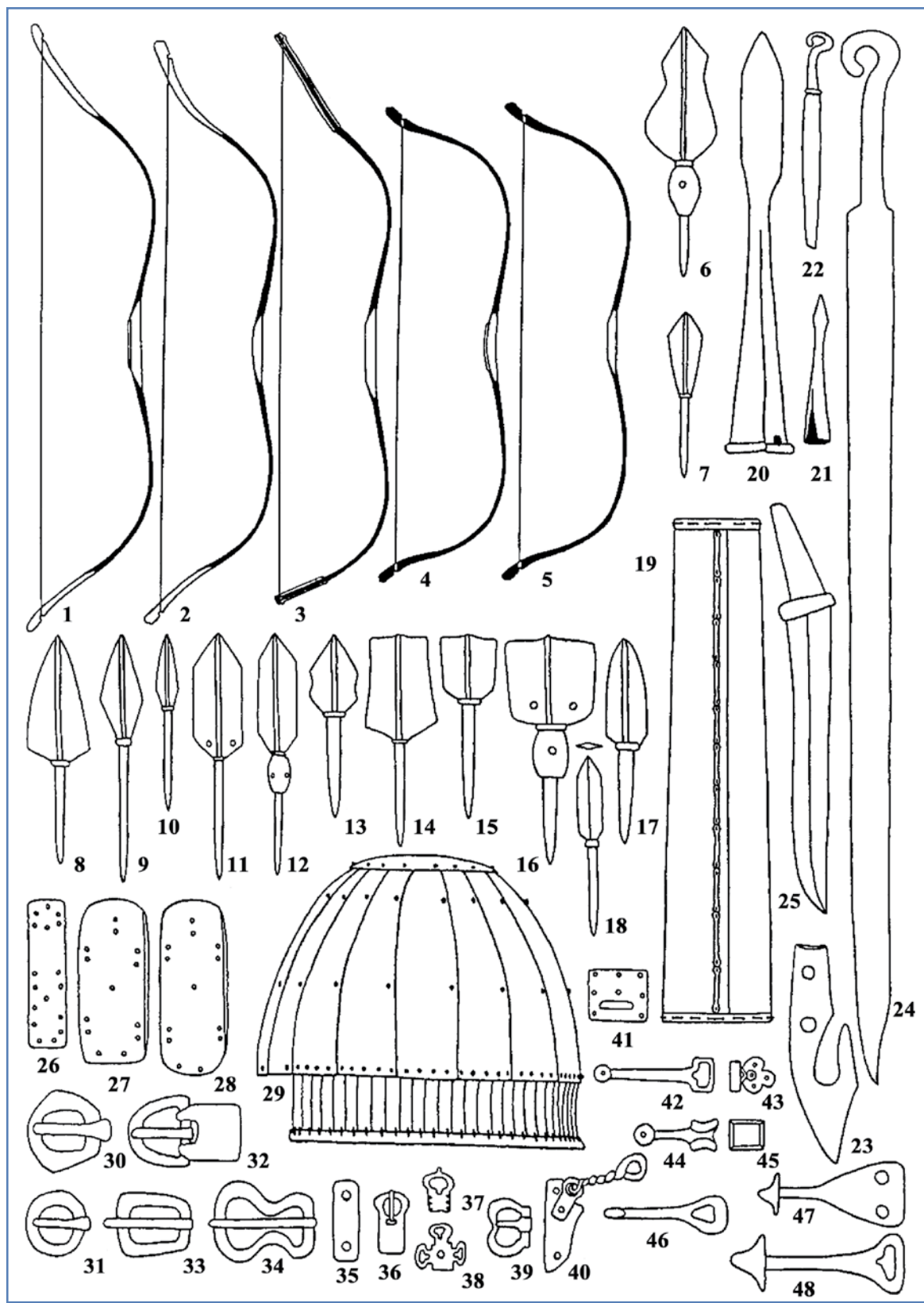
Узунтал-I, курган №1; Ороктой; Верх-Еланда-I, курган №4; Усть-Бийке-III, курганы №5, 6; Тыткескень-VI, курган №5; и др.

Поминальные комплексы

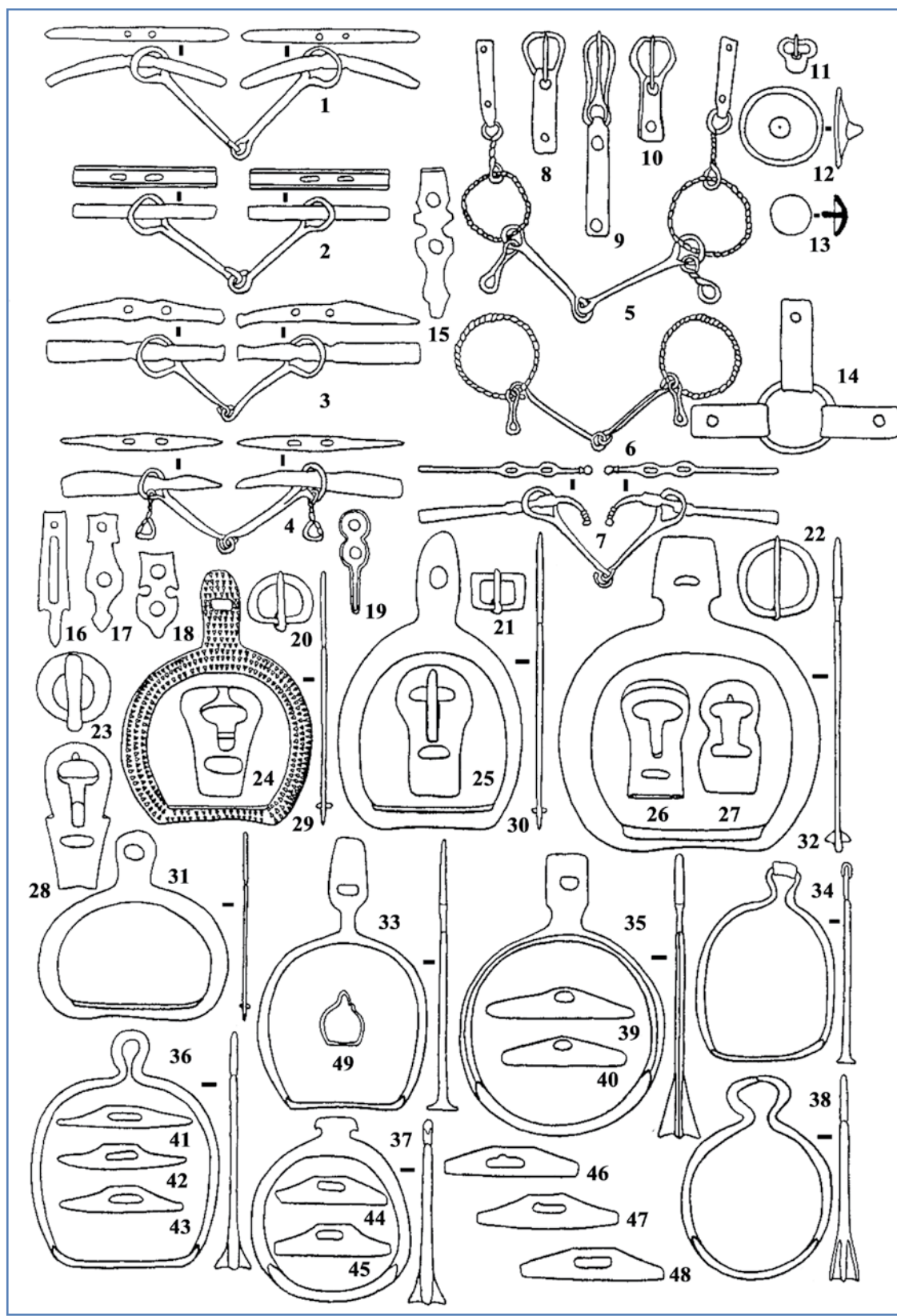
Кызыл-Таш; Кок-Паш; Кудыргэ; Усть-Карасу-I; Мендур-Соккон-I; Кара-Коба-I и др.

Материалы кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): орудия труда и предметы быта. Памятники: Биченез – 19; Булан-Кобы-IV – 5; Кудыргэ – 8–18; Ороктой – 3, 4; Усть-Бийке-III – 1, 2, 6, 7. Материал: 1–5 – рог, кость; 6–18 – железо; 19 – керамика

Материалы кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): вооружение (1–22, 24–29) и снаряжение человека (23, 30–48). Памятники: Боротал – 11, 12, 18, 41–43; Булан-Кобы-IV – 7; Верх-Еланда-1 – 1; Кок-Паш; Кудыргэ – 27, 28, 33–40, 47, 48; Кызыл-Таш – 21, 22, 26; Мендур-Соккон-1 – 29; Ороктой – 5; Узунтал-I – 3; Усть-Бийке-III – 2, 4, 9, 10, 13, 15–17, 19, 24, 30–32, 44, 45; Яконур – 6, 8, 14, 20, 23, 25, 46. Материал: 1–5 – рог, дерево; 6, 12, 16 – железо, рог; 7–11, 13–15, 17, 18, 20–22, 24–36, 40, 46–48 – железо; 19 – береста, рог, дерево; 23 – кость; 37–39, 41–45 – цветные металлы

Материалы кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): снаряжение верхового коня. Памятники: Боротал – 15, 27, 41; Верх-Еланда-1 – 42; Кара-Коба-1 – 3, 4, 11, 30, 31, 33, 34, 39, 40; Кок-Паш – 6, 8, 10, 14, 35, 49; Кудыргэ – 1, 2, 5, 7, 9, 12, 20, 21; Каракол – 29; Кызыл-Таш – 22, 36; Нижняя Сору – 24; Ороктой – 19; Сары-Кобы – 13; Тыткескень-VI – 1, 38, 43; Узунтал-I – 2, 26; Усть-Бийке-III – 23, 28, 37, 44, 45; Усть-Карасу – 32; Яконур – 16–18, 25, 46–48. Материал: 1–4 – железо, рог; 5–10, 13, 14, 20–23, 29–38 – железо; 11 – цветной металл, железо; 12 – цветной металл; 15–19, 24–28, 39–48 – рог, кость

Кудыргинский этап

2-я половина VI – 1-я половина VII в.; расширение ареала культуры по степному поясу Евразии, распад культурного единства

Исторические события

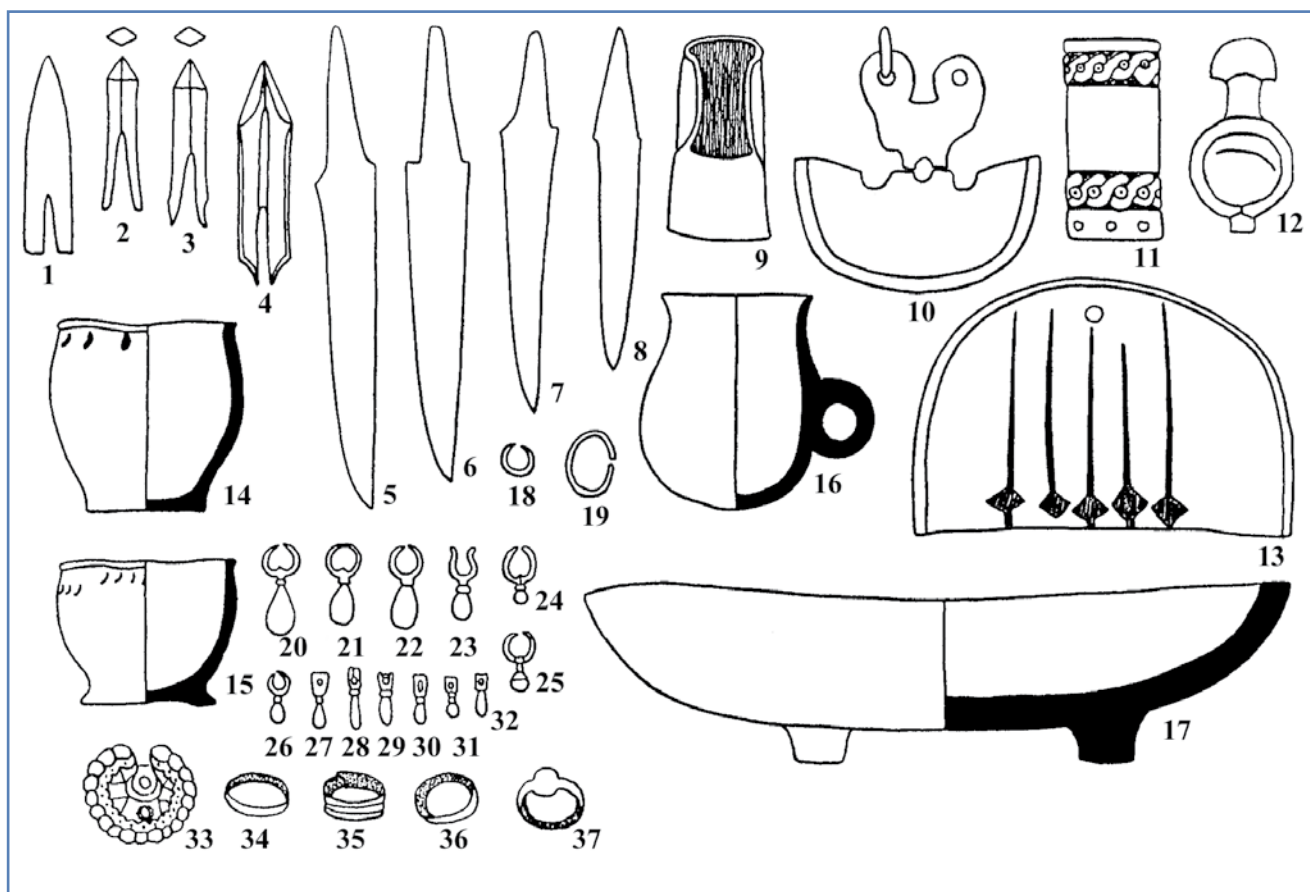
Соотносится с такими историческими событиями, как существование I Тюркского каганата (552–604 гг.), I Восточно-тюркского каганата (604–630 гг.) и пребывание Чабыш-кагана на Алтае (630–650 гг.).

Могильники

Кудыргэ, объекты №1–13, 15, 18, 22–26; Жана-Аул; Кара-Коба-I; Курай-VI; Катанда-3, курган №11; Тыткескень-VI, курган №10; и др.

Поминальные комплексы

Ян-Гобо; Текелю; Нижняя Сору; Макажан и др.

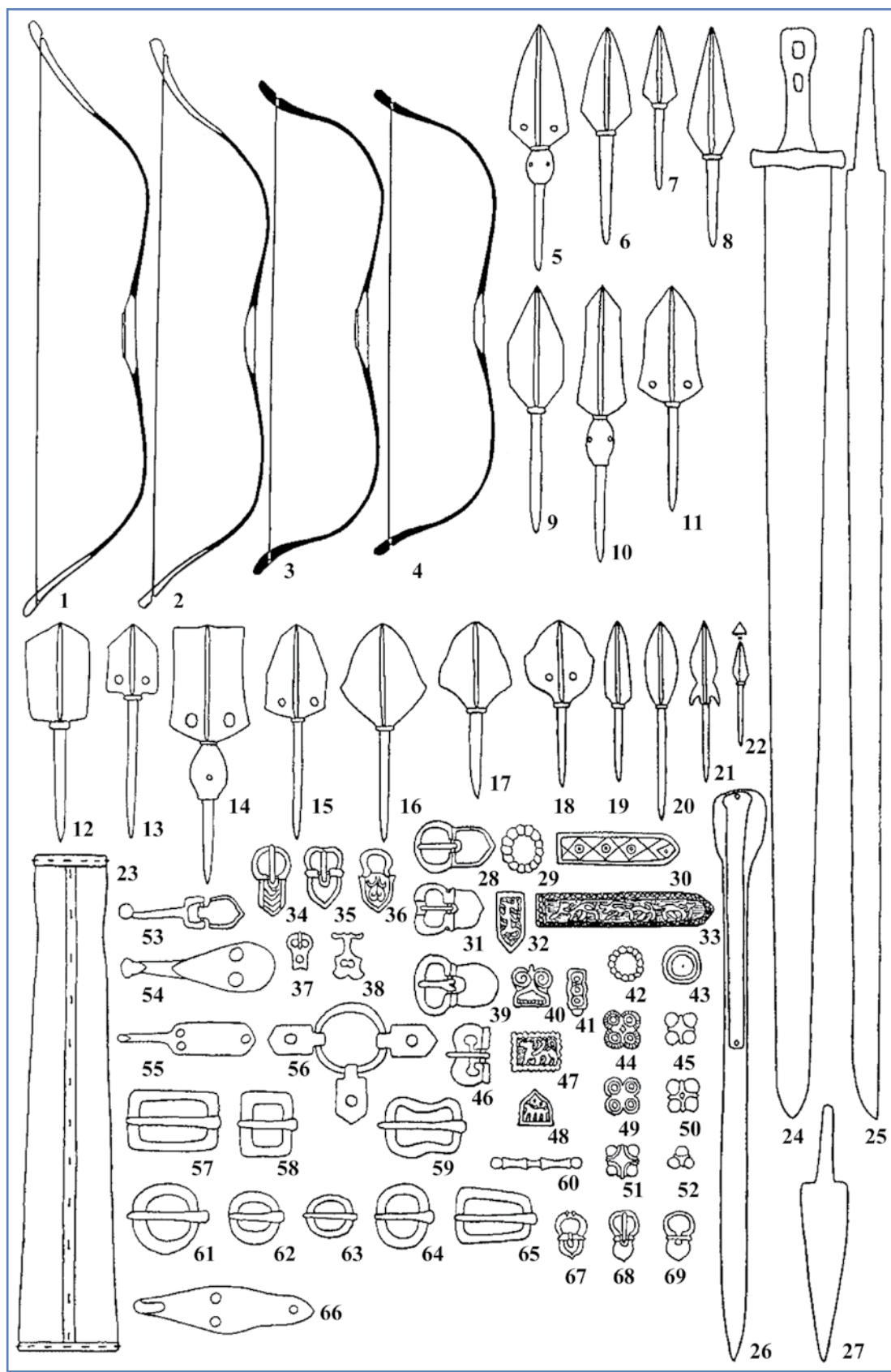
Материалы кудыргинского этапа тюркской культуры (2-я половина VI – 1-я половина VII в. н.э.): орудия труда и предметы быта (1–17), украшения костюма (18–37).

Памятники: Жана-Аул – 16, 17, 36, 37; Катанда-3 – 2, 3, 5;

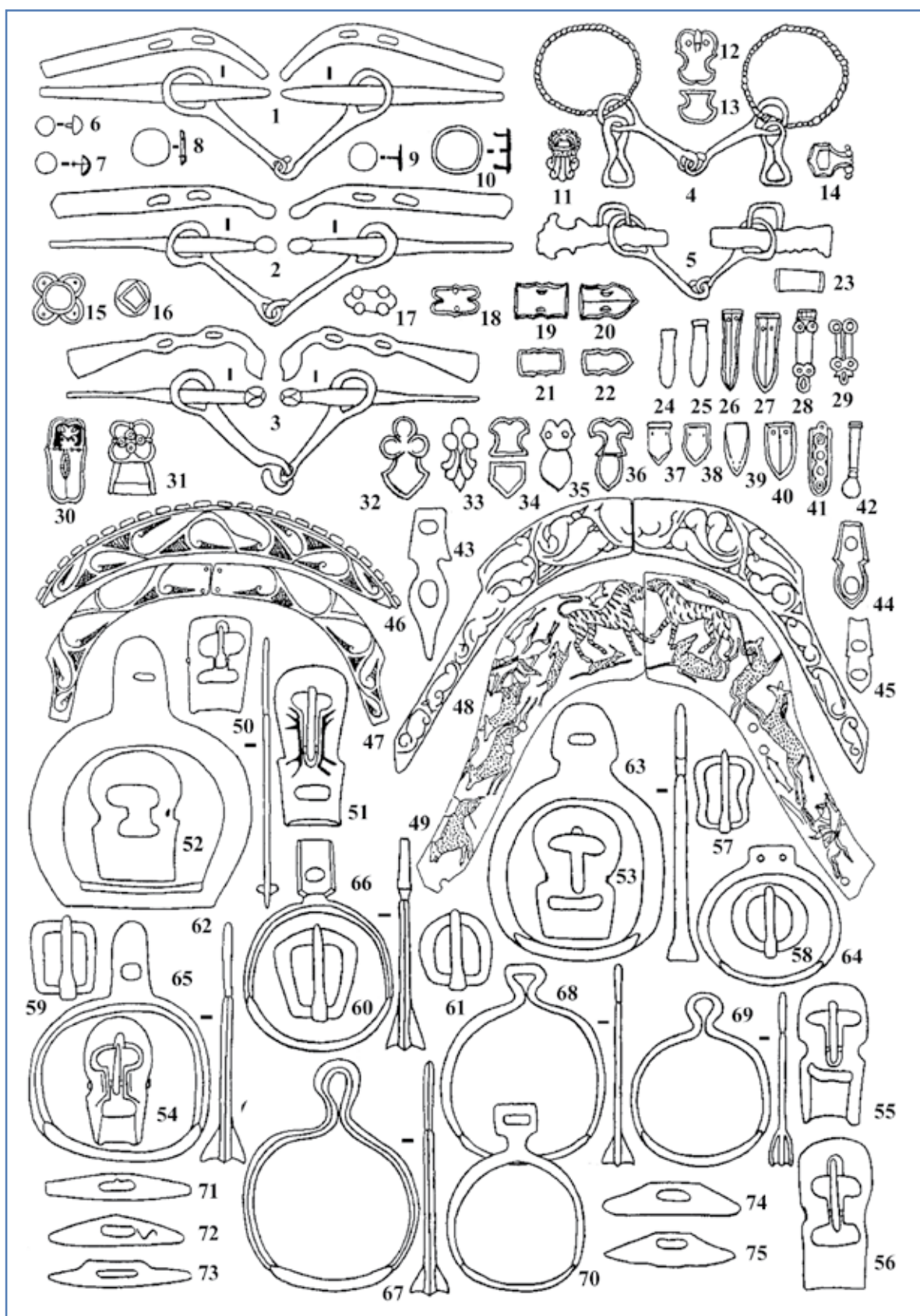
Кудыргэ – 1, 6–8, 11–15, 18, 20–35; Тыткескень-VI – 9, 10, 19; Уландрык-I – 4.

Материал: 1–4, 11 – рог, кость; 5–10 – железо; 12, 13, 16, 17 – дерево;

14, 15 – керамика; 18–37 – цветной металл

Материалы кудыргинского этапа тюркской культуры (2-я половина VI – 1-я половина VII в. н.э.): вооружение (1–27) и снаряжение человека (28–69). Памятники: Кара-Коба-I – 46; Катанда-3 – 39–41; Кудыргэ – 2, 5, 6, 8, 9, 12, 16–38, 42–45, 47–54, 57, 58, 60–65, 67–69; Тыткескень-VI – 1, 7, 10, 11, 13–15, 55, 56, 59; Уландрык-III – 3, 66. Материал: 1–4 – рог, дерево; 5, 10, 14 – железо, рог; 6–9, 11–13, 15–22, 24–27, 55–59, 61–66; 23 – береста, дерево; 28–53, 60, 67–69 – цветной металл; 54 – цветной металл, железо

Материалы кудыргинского этапа тюркской культуры (2-я половина VI – 1-я половина VII в. н.э.): снаряжение верхового коня. Памятники: Жана-Аул – 21–23, 32, 37–39; Кара-Коба-I – 48, 68, 71, 72; Катанда-3 – 5; Кудыргэ – 1–3, 6–14, 17–20, 24–31, 33–36, 40–45, 49, 50, 52–54, 56, 58–63, 65–67, 74, 75; Курай-VI – 4, 15, 16, 64, 70, 73; Тыткескень-VI – 46, 47, 51, 55, 57, 69. Материал: 1, 2, 5 – железо, рог; 3, 4, 57–70 – железо; 6–42 – цветной металл; 43–56, 71–75 – рог, кость

Катандинский этап

2-я половина VII – 1-я половина VIII в.; возрождение культуры и ее господство в центрально-азиатском регионе

Исторические события

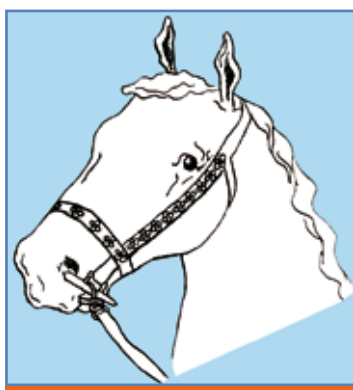
Время существования II Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.).

Могильники

Катанда-II; Катанда-3; Курай-V, VII; Узунтал-V; Тыткескень-VI, курган №1; и др.

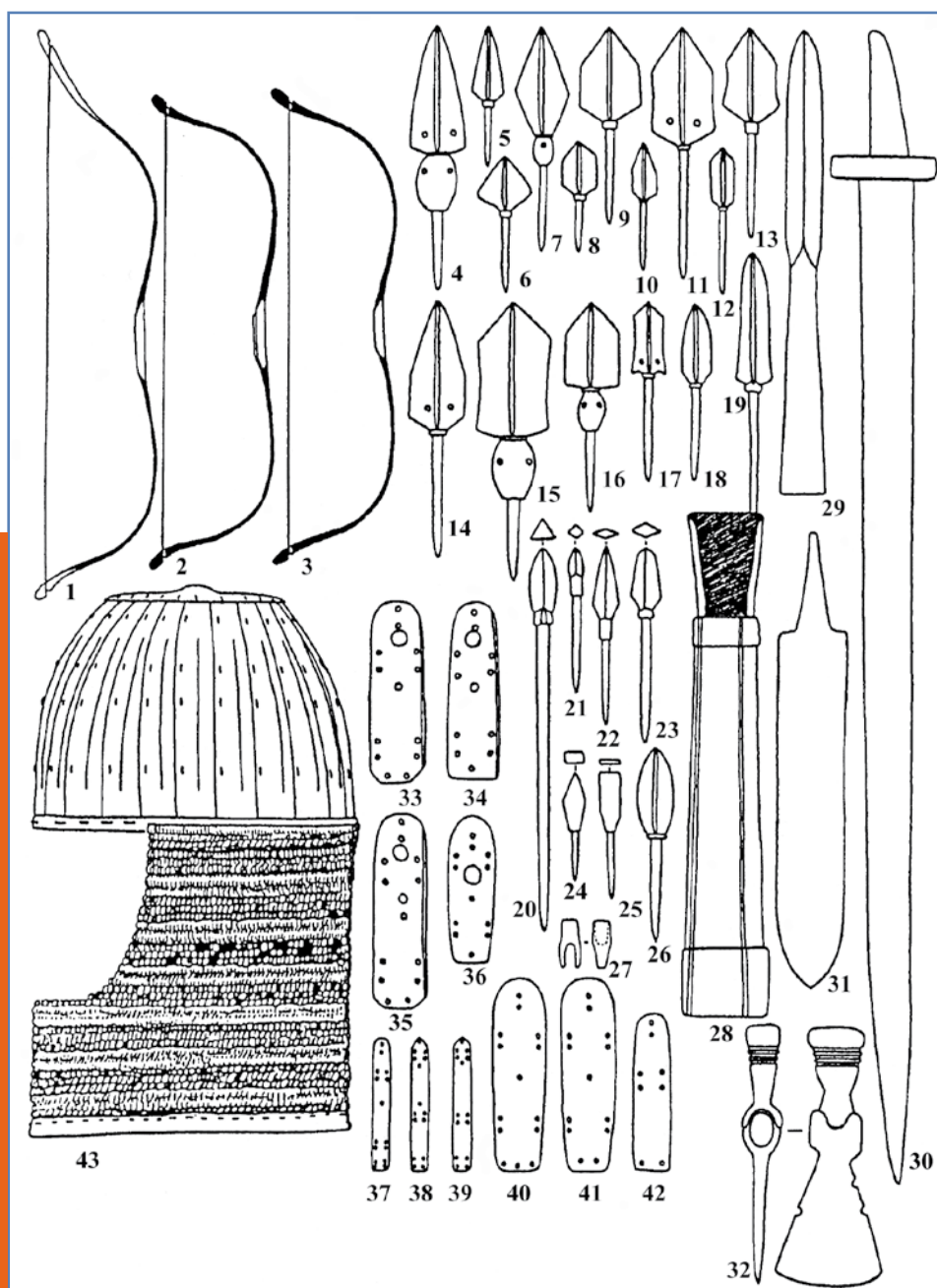
Поминальные комплексы

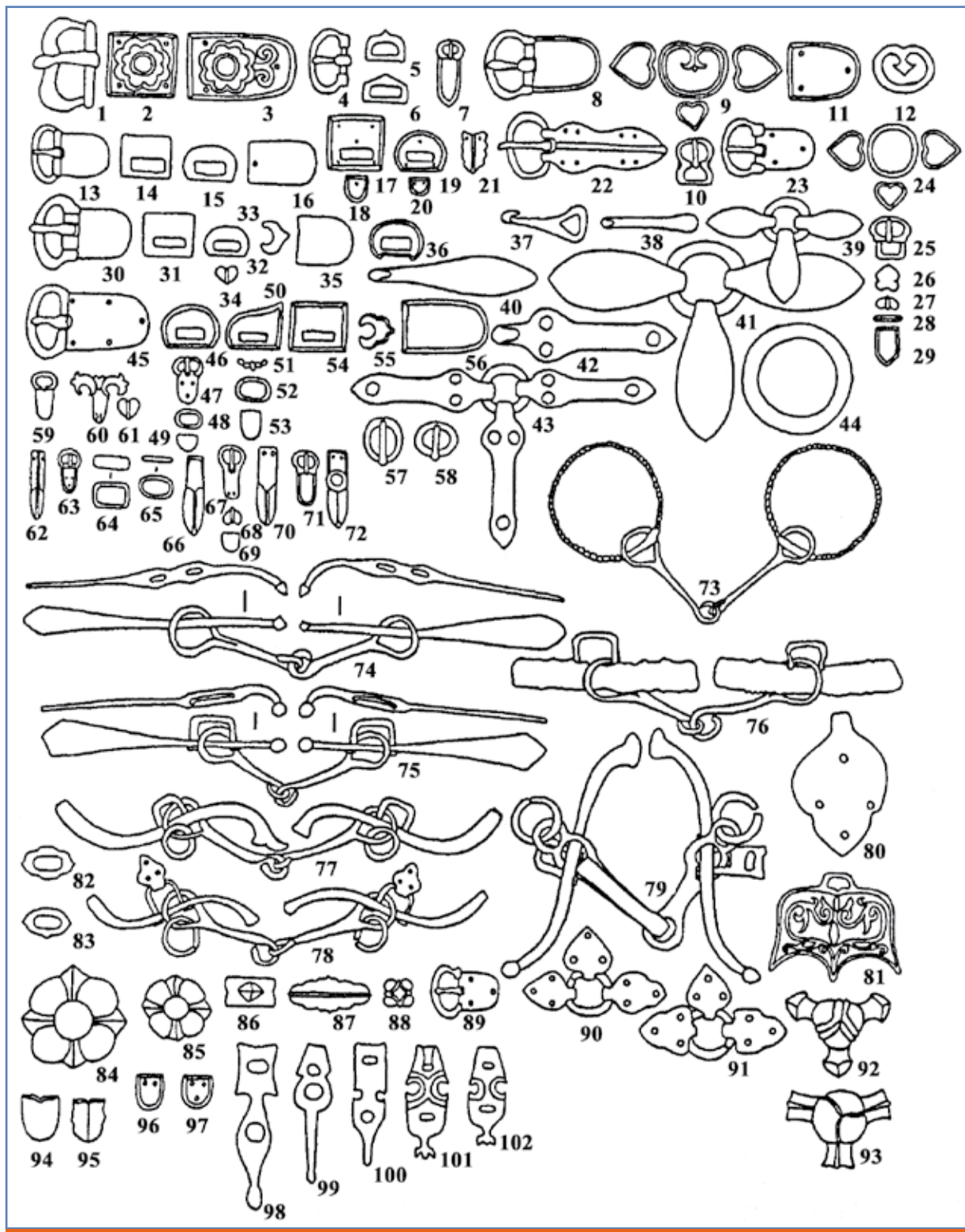
Большой Курманак-1; Кыпчыл; Малталу; Чадыр; Юстыд и др.

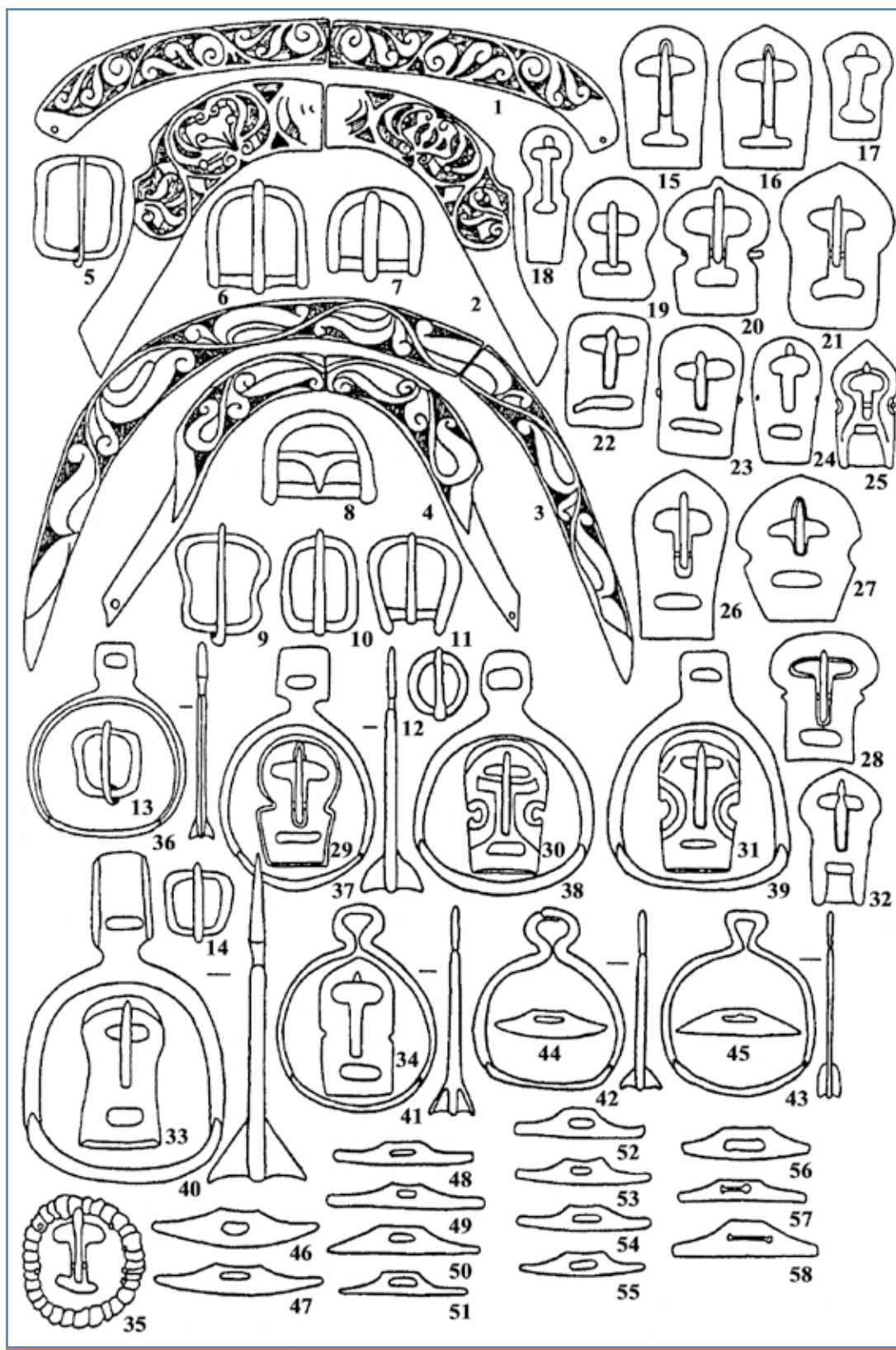
Реконструкция узды
из кургана №1
памятника Курай-IV

Материалы катандинского этапа тюркской культуры (2-я половина VII – 1-я половина VIII в. н.э.): вооружение. Памятники: Балык-Соок-I – 3, 29, 36–41, 43; Горно-Алтайск – 6, 12, 22, 24, 25; Кара-Коба-I – 28, 30; Катанда-3 – 4, 14, 15, 20, 21, 26, 27, 31, 42; Талдуаир-I – 16, 18, 23; Талдура-I – 10, 17; Тыткескень-VI – 2, 5, 7–9, 11, 13; Узунтал-V – 19, 32; Урочище Балчигова-3 – 33–35; Юстыд-XII – 1. Материал: 1–3 – рог, дерево; 4, 7, 15, 16 – железо, рог; 5, 6, 8–14, 17–26, 29–42 – железо; 27 – кость; 28 – береста; 43 – железо, бронза

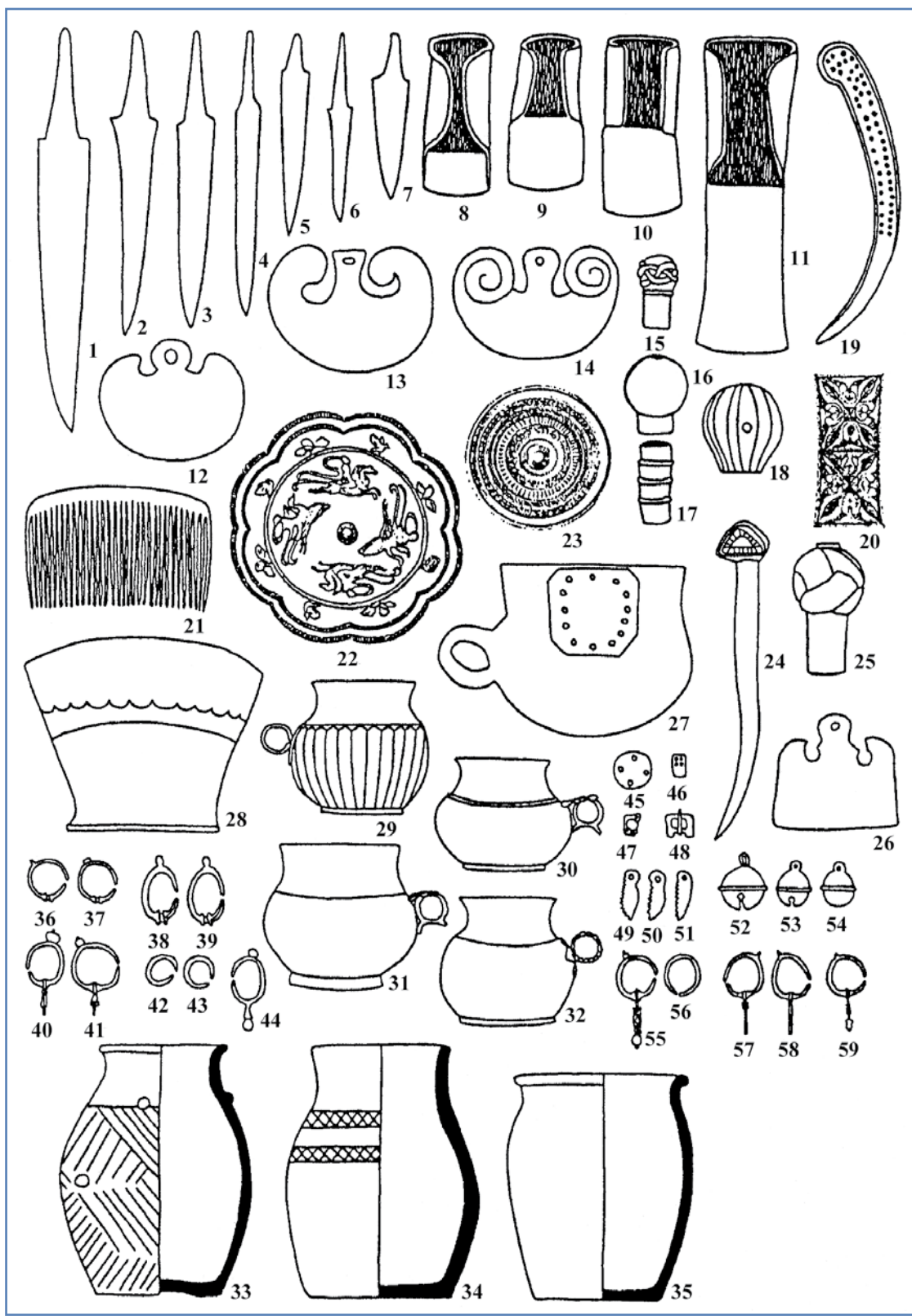

Материалы катандинского этапа тюркской культуры (2-я половина VII – 1-я половина VIII в. н.э.): снаряжение человека (1–72) и верхового коня (73–102). Памятники: Ак-Кообы – 30–35; Балык-Соок-1 – 45–56, 71, 72, 82, 83, 86, 89, 92, 94–97; Барбургазы-II – 8–11; Бертек-34 – 74; Бике-1 – 40, 41; Горно-Алтайск – 6; Кара-Коба-1 – 1–3, 23–29, 58, 67–70; Катанда-II – 76; Катанда-3 – 13–22, 36, 37, 59–66, 73, 75, 78–80, 90, 91, 98; Коо-II – 5; Талдуур-1 – 42, 43; Талдура-1 – 4, 12, 100; Тыткескень-VI – 38, 39, 57, 77, 99; Узунтал-V – 88; Чобурак-1 – 7; Юстыд-XII – 44, 81, 84, 85, 87, 93; Ябоган-1 – 101, 102. Материал: 1–6, 8–21, 23–36, 45–56, 59–72, 82, 83, 86–89, 92–97 – цветной металл; 7, 22, 37–44, 57, 58, 73–75, 77–80, 90, 91 – железо; 76 – железо, рог; 81, 84, 85 – железо, золото; 98–102 – рог, кость

Материалы катандинского этапа тюркской культуры (2-я половина VII – 1-я половина VIII в. н.э.): снаряжение верхового коня. Памятники: Ак-Кообы – 19; Балык-Соок-1 – 7, 40, 47; Бертек-34 – 6, 10, 45; Бике-1 – 35; Боротал – 20, 26, 34, 38, 39, 49; Кальджин-8 – 3, 4, 18, 25, 32; Кара-Коба-1 – 15, 16, 27; Катанда-II – 1, 12, 36, 37, 56; Катанда-3 – 5, 11, 17, 22–24, 28, 29, 42, 43, 52–54; Коо-II – 9, 44; Курота-II – 48; Тыткескень-VI – 13, 41; Усть-Чоба-1 – 21, 33, 46; Чоба-7 – 51, 55; Чобурак-1 – 58; Юстыд – 8, 14; Юстыд-XII – 2; Ябоган-1 – 30, 31, 50, 57. Материал: 1–4, 15–35, 44–58 – рог, кость; 5–14, 36–43 – железо

Материалы катандинского этапа тюркской культуры (2-я половина VII – 1-я половина VIII в. н.э.):
 орудия труда и предметы быта (1–35), украшения костюма (36–59). Памятники:
 Ак-Кообы – 13, 27; Балык-Соок-I – 5, 11, 16, 17, 32, 55, 56; Барбургазы-II – 26; Бертек-34 – 2, 23, 30,
 57, 58; Бике-1 – 10; Боротал-II – 35; Горно-Алтайск – 3; Кальджин-8 – 6, 15, 44; Кара-Коба-I – 7, 14, 18;
 Катанда-II – 19, 40, 41; Катанда-3 – 8, 36, 37, 49–54, 59; Курота-II – 21, 22; Макажан – 33;
 Талдуаир-I – 1, 12, 29; Тынкескен-6 – 9; Узунтал-V – 4, 20, 42, 43; Урочище Балчикова-3 – 38, 39;
 Чадыр – 45–48; Юстыд – 28, 31, 34; Юстыд-XII – 24, 25. Материал: 1–14, 26 – железо; 15–20,
 24–25 – рог, кость; 21, 27 – дерево; 22, 23, 28–32, 36–59 – цветной металл; 33–35 – керамика

Туэктинский этап

2-я половина VIII – 1-я половина IX в.; время распада культуры на локальные варианты, проникновение ее элементов в лесостепную часть Западной Сибири

Исторические события

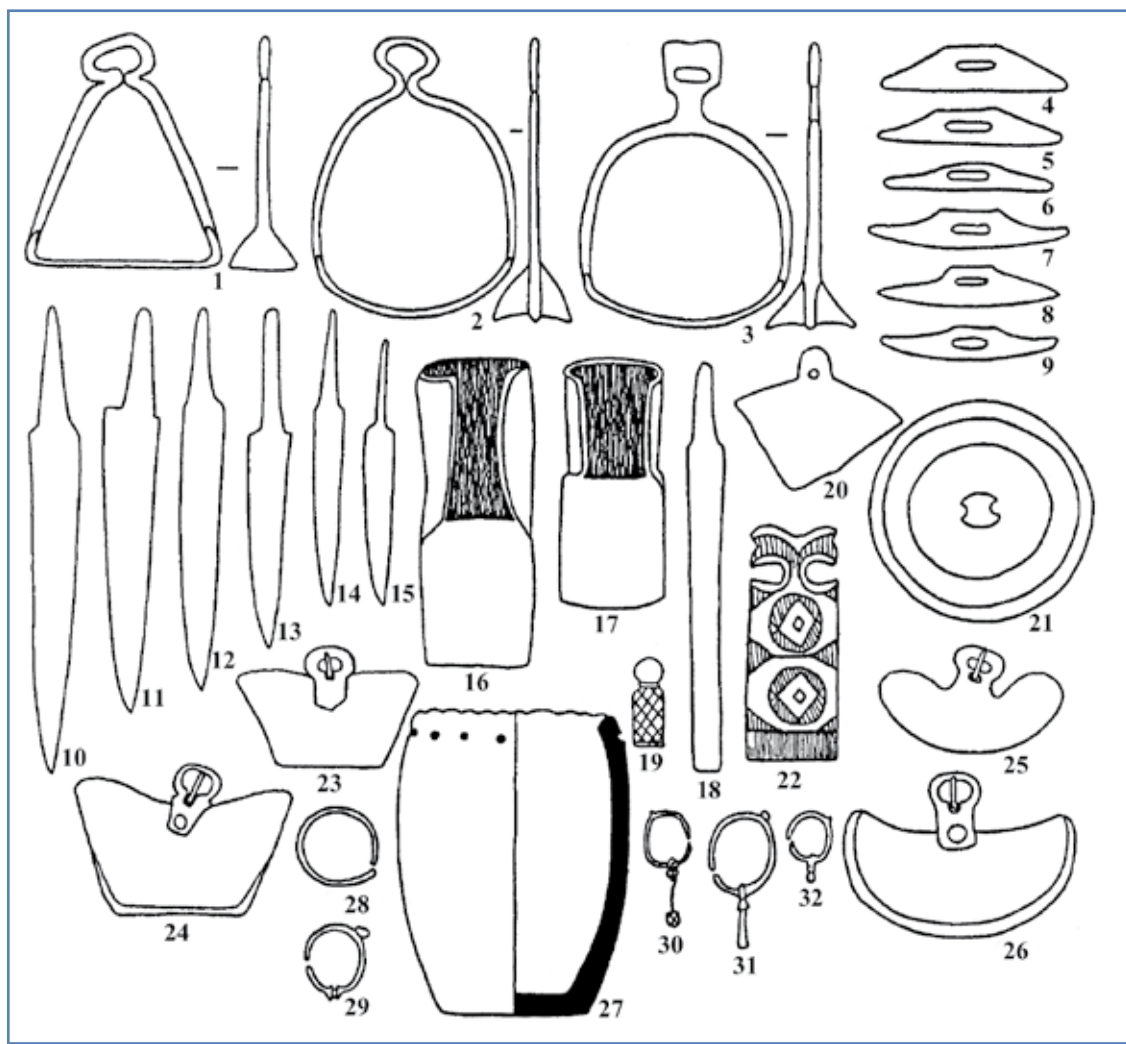
Время существования Уйгурского каганата (745–840 гг.).

Могильники

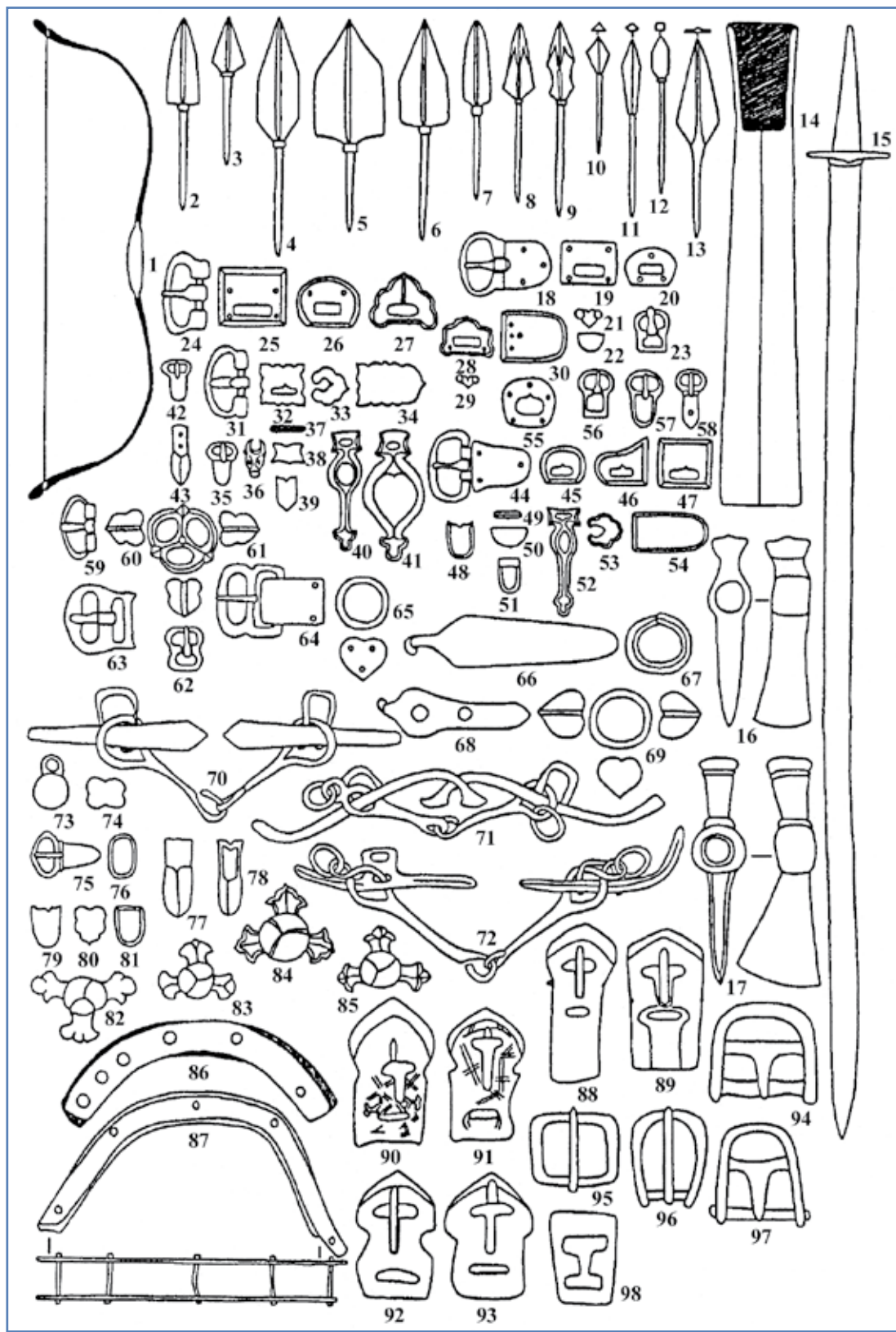
Туэкта; Курай-II, III; Узунтал-VI, VIII; Катанда-II, курган №1, 2; Джолин-I и др.

Поминальные комплексы

Кер-Кечу; Талдура-I; Сары-Коба-II и др.

Материалы туэктинского этапа тюркской культуры (2-я половина VIII – 1-я половина IX в. н.э.): снаряжение верхового коня (1–9), орудия труда и предметы быта (10–27), украшения костюма (28–32). Памятники: Джолин-1 – 5, 6, 9, 11, 25; Катанда-II – 1, 7, 17, 18, 28; Кер-Кечу – 2, 3, 10, 14, 24, 26; Курай-II – 12, 19, 30; Курай-III – 16, 29; Сары-Коба-II – 13; Туэкта – 8, 15, 23, 27; Узунтал-VI – 21, 32; Узунтал-VIII – 4, 20, 22, 31. Материал: 1–3, 10–18, 23–26 – железо; 4–9, 19, 22 – рог, кость; 20, 21, 28–32 – цветной металл; 27 – керамика

Материалы туэктинского этапа тюркской культуры (2-я половина VIII – 1-я половина IX в. н.э.):
 вооружение (1–17), снаряжение человека (18–69) и верхового коня (70–98). Памятники: Джолин-I – 1,
 14–16, 18–23, 42, 43, 68, 69, 93, 94, 96; Катанда-II – 17, 28–30; 56–58, 63, 66, 67, 71, 92, 98;
 Кер-Кечу – 2, 4–13, 55, 70; Курай-II – 77; Сары-Коба-II – 3, 24–27, 64, 65; Туэкта – 44–54, 78, 84,
 87–91; Узунтал-VI – 72–76, 79–83, 85, 97; Узунтал-VIII – 95; Юстыд-XXIV – 31–41; 59–62.
 Материал: 1 – рог, дерево; 2–13, 15–17, 24–27, 63–68, 70–72, 86, 87, 94–98 – железо;
 4 – береста; 18–23, 28–62, 69, 73–85 – цветной металл; 88–93 – рог, кость

Курайский этап

2-я половина IX – 1-я половина X в.; время интеграции культуры с культурой господствующего кыргызского этноса

Исторические события

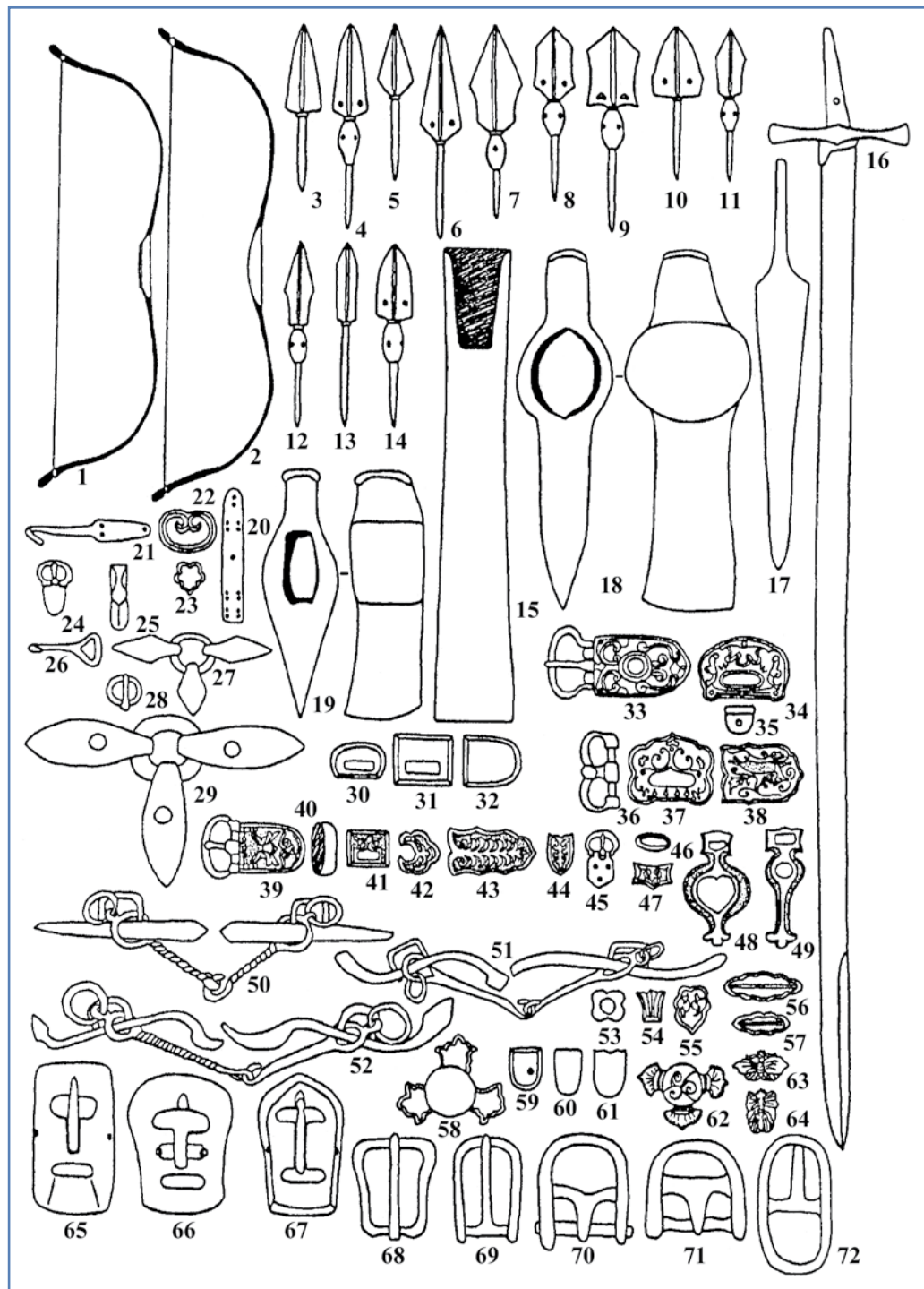
«Эпоха великодержавия» Кыргызского каганата (840 – около 950 гг.).

Могильники

Курай-IV; Узунтал-I, к урган №2; Юстыд-I; Бертек-27; Чобурак-1 и др.

Поминальные комплексы

Дьер-Тебе; Бойтыгем-IV и др.

Материалы курайского этапа тюркской культуры (2-я половина IX – 1-я половина X в. н.э.): оружие (1–20), снаряжение человека (21–49) и верхового коня (50–72). Памятники: Бертек-27 – 52, 66, 68, 71; Беш-Озек – 16; Бойтыгем-IV – 1; Курай-II – 50; Курай-III – 17, 58, 69; Курай-IV – 2, 4, 7–9, 11–13, 15, 21–25, 39–49, 53, 54, 59–65, 67, 72; Отоку-Оозы – 18, 19; Туэкта – 33–35, 55–57; Узунтал-I – 3, 5, 6, 10, 14, 20, 26–28, 30–32, 36–38, 51, 70; Юстыд-I – 29. Материал: 1, 2 – рог, дерево; 4, 7–9, 11, 12, 14 – железо, рог; 3, 5, 6, 10, 13, 16–21, 26–29, 50–52, 68–72 – железо; 15 – береста; 22–25, 30–49, 53–64 – цветной металл; 65–67 – рог, кость

Материалы курайского этапа тюркской культуры (2-я половина IX – 1-я половина X в. н.э.): снаряжение верхового коня (1–10), орудия труда и предметы быта (11–30), украшения костюма (31–35). Памятники: Бертек-27 – 4, 5; Катанда-II – 25; Курай-III – 1, 20, 22, 27, 32, 33; Курай-IV – 2, 6, 7, 10–12, 17, 18, 26, 29, 31, 34, 35; Туэкта – 8, 9, 24, 30; Узунтал-I – 3, 13–16, 23; Юстыд-I – 19, 28. Материал: 1–3, 13–16, 23, 29, 30 – железо; 4–12, 18, 21, 22 – рог, кость; 17 – железо, рог; 19, 20, 24–26, 31–35 – цветной металл; 27, 28 – керамика

Балтарганский этап

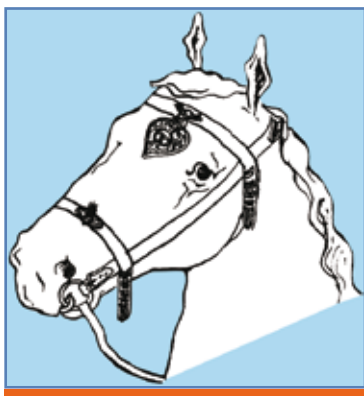
2-я половина X – XI в.; этап постепенной нивелировки культуры и утраты ее самобытных черт

Исторические события

Распад Кыргызского каганата на отдельные княжества «Киргиз» и «Кэм-Кэмджиут» (около 950 г.).

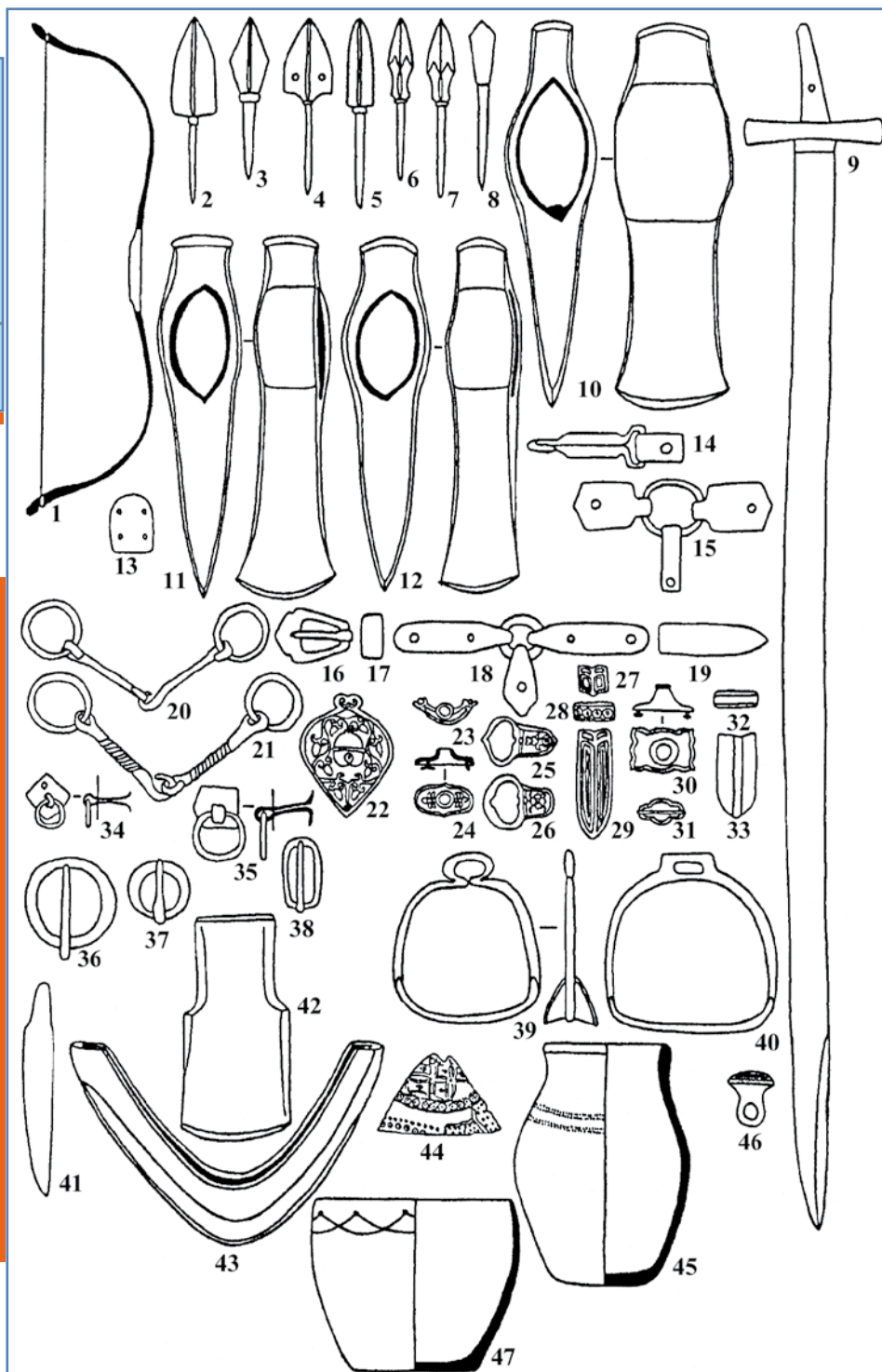
Могильники

Балтарган; Калбак-Таш; Пазырык, курган №5 (вп.); Катанда-II, курган №1 (1865 г.); Барбургазы-I и др.

Реконструкция узды из грота Балтарган

Материалы балтарганского этапа тюркской культуры (2-я половина X – XI в. н.э.): вооружение (1–13), снаряжение человека (14–19) и верхового коня (20–40), орудия труда и предметы быта (41–45), украшения костюма (46). Памятники: Балтарган – 2, 3, 5–9, 16–19, 21–29; Барбургазы-I – 45; Калбак-Таш – 1, 14, 15, 47; Каменный Лог – 30–33, 36, 37, 39, 41, 44; Малый Дуган – 13; НТП-1 – 10; Пазырык – 4, 20, 34, 35, 38, 40, 46; Чобурак-1 – 11, 12, 42, 43. Материал: 1 – рог, дерево; 2–21, 34–43 – железо; 22–33, 44, 46; 45, 47 – керамика

Контрольные вопросы

1. Почему термин «древнетюркская» культура является некорректным?
2. Приведите точки зрения исследователей, которые локализовали тюрков на территории Алтая?
3. Охарактеризуйте хронологические рамки и основные этапы развития тюркской археологической культуры.
4. С каким историческим событием связывается начало тюркской культуры?
5. Какие памятники относятся к периоду формирования тюркской культуры? В каких районах Алтая они локализируются?
6. Назовите исторические события, синхронные кудыргинскому этапу тюркской культуры? Укажите, каким образом они повлияли на историю Алтая в тот период времени?
7. На какой период тюркской культуры приходится наибольшее количество памятников? Выскажите свои предположения о том, с чем можно связывать такую ситуацию?
8. Какие важные исторические и этнокультурные события произошли на туэктинском этапе тюркской культуры?
9. Как называется письменность, которой пользовались тюрки? Известны ли памятники тюркской письменности на Алтае?
10. Какие понятия лежали в основе общественного устройства тюрков? Раскройте их содержание.
11. В чем состояли особенности божественного пантеона тюрков?
12. Соотнесите хронологию памятников и их локализацию по предлагаемой карте (см. с. 13). Ответьте, одинаковым ли для разных этапов тюркской культуры является территориальное распространение археологических объектов? Сравните эти сведения с другой картой в данном разделе (см. с. 15).

Задания

Задание 1. Внимательно прочитайте отрывки из китайских династийных хроник Чжоу-шу и Суй-шу, а также фрагмент из монографии С.Г. Кляшторного и Д.Г. Савинова «Степные империи древней Евразии» [2005]. Сравните информацию и подготовьте эссе на тему: «Происхождение рода Ашина».

Бюллетень общества востоковедов. Прил. I: Лю Маоцай: Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002. С. 10–14.

Чжоу-шу

Туцкое есть особое племя Hiung-nu сюнну (гунны). Их родовое имя Ашина. Они образовывали самостоятельную орду, но позднее были разбиты соседним государством, и все сородичи, кроме десятилетнего мальчика, были уничтожены. Когда солдаты (противника) увидели, что он еще юн, у них не хватило духу убить его. В конце концов, они отрезали ему ноги и бросили в болото, покрытое травой. Там была волчица, которая вскормила мальчика мясом. Так он подрастал и имел связь с волчицей, которая, в конце концов, забеременела. Когда король (соседнего государства) узнал, что мальчик еще жив, он вновь послал туда людей, чтобы убить ребенка. Когда посланцы увидели рядом с мальчиком волчицу, они хотели ее тоже убить. Тут волчица убежала на гору, которая находилась в государстве Гаочан (Турфан). В горе была пещера, внутри которой простиралась равнина, изобиловавшая травой. Она имела несколько сот миль (ли) в обхвате и была окружена горами. Волчица укрылась в горах. Затем она родила десять мальчиков. Когда мальчики стали большими, то женились на женщинах из внешнего мира. Эти [женщины] затем произвели на свет детей. Каждый их потомок присвоил себе родовое имя, а один назвался Ашина. Их дети и внуки размножились и постепенно составили несколько сот семей. Через несколько поколений все они вышли из пещеры, чтобы стать подданными жу-жу. Они жили на южном склоне Kin-schan Цзиньшань (Алтай) и работали кузнецами жу-жу...

...Согласно другому преданию, предки туцое происходили из государства Со, которое находилось севернее сюнну. Вождем их орды был ... Абанбу, имевший 17 братьев. Один из них назывался... Ичжинишиду и был произведен на свет волчицей. ...Абанбу и его братья были ограниченными от природы, поэтому их государство в конце концов было уничтожено (другими)...

Суй-шу

Предки туцое были смешанными варварами Пинляна. Они имели родовое имя Ашина. Когда император Тай-у-ди Поздней Вэй (= Северная Вэй) уничтожил (439) Tsti-ku Цзюй-цзя, Ашина с 500 семьями бежали к жу-жу. Из поколения в поколение они жили на горе Kin-schan Цзиньшань (Алтай) и занимались изготовлением железных орудий. Гора Kin-schan Цзиньшань выглядела как шлем; люди называли шлем туцое, поэтому они сами называли себя этим именем.

По другому преданию, их предки правили за Западным морем. Затем они были уничтожены соседним государством. Мужчины и женщины, старые и молодые люди, все они были беспощадно убиты, кроме одного мальчика, убить которого не хватило духу. Однако мальчику отрезали ноги и руки и бросили его в большое болото. Там жила волчица, которая постоянно приносила ему мясо. Он его ел и таким образом избежал смерти. Позже он общался с волчицей, которая затем забеременела. Тут глава соседнего государства захотел его убить при помощи посланника. Так как волчица была на его стороне, посланник хотел убить и ее. Тут, казалось, в нее вселился дух и она внезапно очутилась восточнее (Западного) моря. Она остановилась на горе северо-западнее Гаочана (Турфан). У подножья горы была пещера. Волчица вошла и обнаружила там равнину, поросшую пышной травой и имевшую в окружности более 200 ли. Вскоре волчица произвела на свет 10 мальчиков. Один из них имел родовое имя Ашина. Он был самым умным из них, поэтому стал их вождем. Перед входом в палатку вождя они ставили флаг, украшенный волчьей головой, чтобы показать, что они не хотят забывать свое происхождение. Один человек по имени Асянь Ше (шад) вывел свою орду из пещеры. (Его люди), в качестве вассалов, служили жу-жу из поколения в поколение...

Кляшторный С.Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 75–81.

«В 1968 г. в Монголии, в 5 км севернее р. Хойто Тамир, был открыт пока единственный эпиграфический памятник начального периода существования Тюркского каганата – четырехсторонняя стела с согдийской надписью по трем сторонам (лицевой и двум боковым) и остатками санскритской надписи по задней широкой поверхности. По месту находки я назвал стелу Бугутским памятником (монг. Бугут, «Оленья падь»)... В навершии памятника изображена волчья фигура, которой приданы некоторые «драконьи» черты. Что знаменовал этот странный барельеф на каганской стеле, содержащей эпитафию четвертого тюркского кагана Таспара и рассказ о временах и правителях, ему предшествовавших и ему близких? Ответ на этот вопрос содержится в генеалогических легендах о происхождении царского рода (племени) тюрков – Ашина.

В китайских династийных историях Чжоу-шу, Бэй-ши и Суй-шу... воспроизведены две легенды, посвященные этому сюжету. Они записаны со слов самих тюрков, чьи посольства не раз посещали столицы китайских Северных дворов и тщательно опрашивались чиновниками внешнеполитических ведомств. В китайских записях отмечено, что эти генеалогические повествования рассказаны разными людьми и, очевидно, в разное время. Наиболее подробно легенды изложены в Чжоу-шу. Для самих тюрков оба повествования и были подлинной историей их предков. ...

Согласно первой легенде, предки правящего рода тюрков, жившие на краю большого болота (по Бэй-ши и Суй-шу – на правом берегу Сихай «Западного моря»), были истреблены воинами соседнего племени... В живых остался лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик (ему отрубили ноги), которого спасла от смерти волчица. Скрываясь от врагов, в конце концов убивших последнего из истребленного племени, волчица бежит в горы севернее Гаочана (Турфанский оазис), т.е. в горы Восточного Тянь-Шаня. Там, в пещере, она рождает десятерых сыновей, отцом которых был спасенный ею мальчик. Сыновья волчицы женятся на женщинах из Гаочана и создают свои роды; их потомки принимают родовые имена матерей. Один из сыновей носит имя Ашина, и его имя

становится именем его рода. Вождем нового племени, составленного из родов десяти потомков волчицы, стал Ашина, который оказался способнее своих братьев. Впоследствии число родов увеличилось до нескольких сот. Вождь племени, один из наследников Ашина, Асянь-шад, вывел потомков волчицы из гор Гаочана и поселил их на Алтае (Циньшань), где они становятся подданными жуаньжуаней, добывая и обрабатывая железо. На Алтае, вобрав в свой состав местных жителей, племя принимает наименование тюрк, которое, согласно легенде, связано с местным названием Алтайских гор...

...По второй легенде, предки правящего рода тюрков происходят из «владения Со»... Владение Со было уничтожено врагами, а спасшиеся роды рассеялись. Благодаря сверхъестественным способностям «сына волчицы» Ичжинишиду, его род оказался в наиболее благоприятном положении. Один из его сыновей стал «белым лебедем» и основал владение Цигу (один из вариантов имени кыргызы), расположенное между реками Афу и Гянь (Абакан и Кем, т.е. Верхний Енисей). Третий сын правил на реке Чжучже, а старший сын, Нодулу-шад, поселился в Цзянсы Чжучжеши (вариант: Басычусиши). К роду Нодулу-шада присоединился и собственный род Абанбу. Нодулу-шад имел десять жен, сыновья которых носили родовые имена матерей. Сыном его младшей жены был Ашина. После смерти Нодулу-шада его сыновья решили, что вождем племени станет тот из них, кто окажется более сильным и ловким, чем другие. Победил в состязании Ашина, который, став вождем, принял имя Асянь-шад. Ему наследовал его сын или племянник Туу. Сын Туу, Тумынь (Бумын рунических текстов), стал основателем государства...

...Мотив «пещерного рождения» предков, отсутствующий в китайском пересказе второй легенды, имеет тем не менее иные веские подтверждения, прежде всего в китайских описаниях обрядовой жизни тюрков. Согласно Чжоу шу, «каган постоянно проживает в горах Юдугень (Отюкен йыш «Отюкенская чернь» рунических текстов. – С.К.). Ежегодно, в сопровождении вельмож, он приносил жертву в пещере предков»...

...Краткий вариант этой же легенды ал-Бируни повторяет в своей «Минералогии»: «Жители Кабула в дни невежества верили в то, что Барахмакин, первый из их тюркских царей, был сотворен в некоей тамошней пещере, называемой сейчас Бугра, и вышел оттуда в царской шапке (калансува)»... Обращаясь к реалиям легенды, следует отметить, что только вариант ал-Бируни очевидно обнаруживает связь «пещерного» рождения с правом на царскую власть, связь, менее ясно проявлявшуюся в китайском варианте записи легенды. Ж.-П. Ру связывает рождение в пещере с древним культом пещеры-матери, рождающей предка (небесного зверя) [Roux, 1966, p. 286–287]. Однако мотив зверя как будто отсутствует в варианте ал-Бируни. В этой связи привлекает внимание имя ее героя – Барах-тегин. Слово *barah baraḡ* имеет совершенно ясную семантику в тюркских языках: «лохматый, покрытый густой шерстью», «лохматая собака» (так у Махмуда Кашгарского).

Исторические сведения, относящиеся к «доалтайскому» периоду существования племени тюрк, наиболее полно сохранены в Суй шу: «Предками туцзюэ были смешанные ху Пинляна. Их родовое прозвание было Ашина. Когда северовэйский император Тай У-ди уничтожил Цзюйцюй (439 г.), Ашина (вождь племени) с пятьюстами семей бежал к жужу (жуаньжуаням). Они (племя Ашина) жили из рода в род у гор Циньшань (Алтай) и занимались обработкой железа» [Liu Mau-tsai, 1958. bd. I, s. 40]. Это сообщение Суй шу тесно связывает раннюю историю племени тюрк (ашина) с историей позднегуннских государств, существовавших на территории Китая в 308–460 гг.

...Таким образом, возможно выделить два основных этапа ранней истории племени тюрк (ашина): ганьсуйско-гаочанский (265–460 гг.) и алтайский (460–553 гг.). Не отрицая возможной связи предков ашина с Алтаем и Сибирью до момента миграции на юг от Великой стены, следует помнить, что лишь после 460 г. в предгорьях Южного Алтая складывается та группировка племен, возглавленная вождями из рода Ашина – Асянь-шадом, «великим ябгу» Туу и Бумынем, которая в 551–555 гг. нанесла смертельный удар Жуаньжуаньскому каганату.

...В больших орхонских надписях, в повествовании о первых каганах, народ, населявший вновь созданную империю, назван *kök türk* – в обычном переводе «голубые (синие) турки». Не касаясь многочисленных интерпретаций слова *kök* в этом сочетании, отметим его идеальное семантическое совпадение с реконструированным... значением имени Ашина. Явное калькирование имени предполагает неутраченное знание его первоначального смысла и чужеродного происхождения, вполне совместимого с полиэтническими слагаемыми культуры Первого Тюркского каганата, утратившими, од-

нако, популярность в «национализированной», по выражению Л. Базена, политической и культурной среде Отюкенской ставки эпохи Бильге-кагана.

Итак, упоминание в орхонских памятниках сочетания *kök türk*, переводимого мною как «кеки и тюрки», «ашина и тюрки», позволяет констатировать присутствие в текстах имени царского рода тюрков и возможное осознание ими, во всяком случае для почти легендарного времени первых каганов, двусоставного характера тюркского племенного союза...»

Задание 2. Используя иллюстрации атласа и сведения из китайских династийных хроник Чжоу-шу и Суй-шу, охарактеризуйте комплекс материальной культуры тюрков, обозначив основные категории предметов, их назначение и особенности.

Бюллетень общества востоковедов. Прил. I: Лю Маоцай: Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002. С. 19–23.

Чжоу-шу

В качестве оружия они имели луки, стрелы, свистящие наконечники стрел, панцири, длинные кавалерийские копья и мечи; в качестве поясного украшения они носили также кинжалы. На концах древков своих знамен они устанавливали золотую голову волка. Офицеры гвардии также назывались Fu-li фули (по-тюркски: бери) – слово, которое в китайском означает «волк». Ведь туцые произошли от волчицы и не хотели забывать своего происхождения.

Если они набирали солдат и лошадей или вносили скот, то засекли их число на куске дерева. Это дерево опечатывалось затем с помощью воска вместе со стрелой, наконечник которой был из металла; в дальнейшем оно имело силу документа.

Их уголовное право было следующее: мятежников, убийц и тех, кто совершил насилие над замужней женщиной или украл конскую сбрую, приговаривали к смерти; кто совершил насилие над чужой дочерью, наказывался тяжелым денежным и вещественным штрафом и принуждался немедленно жениться на упомянутой; кто ранил человека в споре, наказывался в зависимости от степени повреждения вещественным штрафом; кто украл коней или другие вещи, должен был в качестве штрафа возместить украденное в более чем десятикратном размере.

Суй-шу

Их обычаи были таковыми: обычно они занимаются скотоводством. Они движутся туда, где имеется вода и трава, и не живут постоянно на одном месте. Они живут в войлочных палатках, носят свисающие волосы и запахивают свои халаты налево; они едят мясо и пьют сброженное молоко; их одежда из шкур и грубой шерсти. Они презирают старость и ценят молодость.

Туцые обладают украшенными рогом луками..., свистящими стрелами, панцирями, длинными всадническими пиками и мечами. Они опыты в стрельбе из лука и наездничестве. Их характер жестокий и свирепый. У них нет письменности, так что сделки свои они отмечают насечками на куске дерева. Они дожидаются полнолуния и затем отправляются в разбойничьи набеги. Тех, которые становятся мятежными или предательскими, или убивают людей, осуждают на смерть. Того, кто совершает изнасилование, кастрируют и затем его тело разрубает по пояснице на две части. Если кто-нибудь повреждает кому-то в ссоре глаза, он должен отдать пострадавшему свою дочь; если у него нет дочери, то он должен отдать свою жену и свое имущество. Если кто-нибудь ломает кому-либо конечности, должен отдать лошадь. Воры должны возмещать украденное в десятикратном размере.

Задание 3. Опираясь на иллюстративный материал атласа и фрагмент из учебного пособия Ю.С. Худякова «Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии» [1998], составьте таблицу.

Искусство тюрков Горного Алтая

Вид искусства	Особенности	Памятники

Тюркские петроглифы Горного Алтая: 1–4, 6 – Кара-Оюк;
5 – Шалкобы; 7 – Бичекту-Бом (по: [Горбунов, 1998])

Худяков Ю.С. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии: учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1998. С. 32–48.

...Эпоха раннего средневековья в этнокультурной истории Южной Сибири и Центральной Азии охватывает период с VI по X в. н.э. ...Широкое распространение поясной и сбруйной металлической гарнитуры в кочевом мире, а также престижное значение наборных поясов и богато украшенной сбруи в социальных отношениях в качестве знаковых вещей способствовали выделению этих предметов из всего предметного комплекса. Важную знаковую функцию в социальных отношениях играли и другие элементы военнo-дружинной культуры: богато украшенное парадное оружие и пиршественная посуда, изготовленная из драгоценных металлов. Наличие этих предметов не только выделяло их носителей, представителей кочевой знати, воинов-дружинников, из массы рядовых скотоводов, но и подчеркивало престижные виды занятий. Жизнь знатных кочевников и воинов должна была проходить в битвах, богатырских охотах и пирах. Сцены из такой жизни стали предметом эстетизации, были запечатлены в прикладном, изобразительном и эпическом искусстве. Новые формы выражения престижных видов деятельности и нормы поведения могли быть адекватно воспроизведены только в антропоморфных сюжетах и композициях.

Однако в орнаментации торевтики в эпоху раннего средневековья в кочевом мире преобладали растительные мотивы. Это связано с заимствованием большинства сюжетов орнаментики из иноэтничной оседло-земледельческой среды, в которой растительная орнаментация носила символический, преимущественно благожелательный характер. Как правило, мотивы орнаментации восходили к изображениям растений субтропической зоны, стилизованным изображениям виноградной лозы, пальмы, смоковницы и другим видам, не произрастающим в степных районах Южной Сибири и Центральной Азии. Зооморфные и орнитоморфные сюжеты, изображения ихтиофауны на раннесредневековой кочевнической торевтике в редких случаях могут считаться реми-

нисценциями скифо-сибирского звериного стиля. Большинство подобных изображений на торевтике заимствовано кочевниками из декоративно-прикладного искусства государств Среднего и Дальнего Востока...

В изобразительном искусстве центральноазиатских кочевников широко применялась резная техника нанесения рисунков. Получили распространение сюжеты с изображением антропоморфных персонажей: батальные и охотничьи сцены, композиции на религиозные и другие темы. Продолжала применяться и техника точечной вышивки. На петроглифах раннего средневековья в Минусинской котловине, Туве, Прибайкалье, Монголии, на Алтае встречаются как силуэтные, так и контурные рисунки, нередко схематичные, но иногда очень детальные...

...Основным элементом изображения всадников были боевые кони. Они повсеместно изображены в профиль с учетом максимального эффекта для плоскостного рисунка. Кони нарисованы стоя, в движении рысью или галопом. Голова, шея, грива, туловище, ноги и хвост коня прорисованы с большой тщательностью и соблюдением реальных пропорций прототипа. Иногда по рисунку можно определить породу лошади. Встречаются изображения высокопородных, быстроаллюрных аргамаков с маленькой головой и «лебединым» изгибом шеи, поджарым туловищем и длинными тонкими ногами. Изображались и низкорослые кони монгольской породы с большой головой на короткой шее, плотным туловищем, короткими ногами. На петроглифах изображались боевые, ухоженные и прошедшие специальный тренинг, кони. Они нарисованы пущенными в галоп или рысью, управляемые шенкелями, поскольку всадники стреляют из луков или удерживают двумя руками древко копья. Кони показаны с подстриженной зубцами или распущенной гривой, расчесанным, заплетенным или завязанным в узел хвостом. Сбруя изображалась по-разному. На выбитых рисунках показаны, как правило, только натянутые или отпущенные поводья, на резных иногда изображены ремни оголовья и трензеля. Нередко представлены начельные султаны и подшейные кисти... Седла с высокими передними и задними луками, нагрудными подшейными ремнями прорисованы тщательно. Седельные ремни показаны украшенными подвесными бляхами или кистями...

...Значительно больше стилистических различий в изображении всадников. Часто встречаются схематичные, неполные фигуры, условно передающие голову, линию торса и рук. В то же время имеются весьма тщательно, детально проработанные рисунки, у которых пропорционально показаны фигура, характерная посадка всадника, свирепое лицо, одежда, оружие и другие воинские аксессуары... Пропорции тела всадника и коня нередко уменьшены или, наоборот, увеличены. Возможно, это объясняется различиями в изображении разных пород лошадей. У схематичных фигур всадников показаны округлая голова, прямая линия торса и разведенные в стороны руки. Иногда в руках изображены знамя, копье, лук с натянутой тетивой. На выбитых рисунках иные реалии изображались редко. В отдельных случаях показаны головной убор или распущенные волосы. Силуэтный контррельеф, естественно, ограничивал возможности детализации рисунка...

...В охотничьих и жанровых сценах изображались дикие и домашние животные: олени, лоси, горные козлы, архары, верблюды, бараны и др. На некоторых сценах гона животных, поединка верблюдов зооморфные персонажи переданы очень выразительно, с большой экспрессивностью и хорошим знанием морфологии. Более детально изображения женщины и ребенка в богатых одеждах представлены в многофигурной сцене поклонения на Кудыргинском валуе...

Наибольшей степени выразительности кочевническое изобразительное искусство достигло в исполнении резных многофигурных композиций на предметах мелкой пластики из кости и рога. На них представлены как простые сцены охоты с изображением копытных животных и схематичной фигуры пешего лучника, так и сложные композиции гона зверей всадниками, выполненные на высоком профессиональном уровне, например, изображение на передней луке седла из могильника Кудыргэ.

...Предметы торевтики... являются одной из наиболее распространенных категорий вещей в составе тюркского предметного комплекса. В состав наборного пояса входили металлические пряжки, накладки, бляшки, наконечники ремней, подвесные бляшки... В период существования I Тюркского каганата... распространилась мода на наборные пояса с металлическими накладками, оформленными в геральдическом стиле. Бляшки украшались зооморфным и геометрическим орнаментом, фигурными выступами и вы-

резами... Для периода II Восточнотюркского каганата, VII–VIII вв., характерны поясные наборы с гладкими, неорнаментированными бляшками...

В памятниках, относящихся к эпохе I Тюркского каганата, встречаются гравированные изображения на костяных накладках луков. ...совершенной по замыслу и технике исполнения выглядит двойная многофигурная композиция гона животных на роговых обкладках передней луки седла из могильника Кудыргэ на Алтае. Композиции передают сцены загонной охоты всадников-лучников с собаками на диких копытных: оленей, куланов, аргали, косуль. Однако центральное место на обеих композициях занимают изображения тигров в угрожающей позе. Среди бегущих животных показаны также медведь, заяц и даже рыба. Это придает сценам символический смысл...

...Особо значительным явлением тюркской культуры может считаться монументальная культовая скульптура... Широкое распространение антропоморфной культовой скульптуры в эпоху раннего средневековья связано с образованием I Тюркского каганата и расширением границ древнетюркской культуры, в том числе поминальных памятников по территории степного пояса Евразии. Вероятно, первоначально тюркский поминальный культ был культом родовых предков. Однако со временем, под влиянием военизации различных сторон жизни и быта, в условиях создания военно-административной системы и кочевой государственности, он трансформировался, приобретая военно-дружинный характер. Обряд поминания умерших у... тюрков в эпоху существования тюркских каганатов был ориентирован на идеологическое и эстетическое прославление героев-воинов. Воинские подвиги умерших увековечивал ряд каменных столбиков-балбалов, установленных в восточном направлении от поминальной оградки. Количество балбалов соответствовало числу врагов, убитых воином при жизни. Самого поминаемого воина первоначально символизировала необработанная каменная стела, установленная непосредственно с поминальной оградкой с восточной стороны. Со временем ей стали придавать антропоморфные черты. На характере оформления поминальных сооружений тюркской знати сказалось влияние китайской погребальной обрядности, практиковавшееся высшим сословием империи Тан...

Задание 4. Внимательно рассмотрите иллюстрации с археологическими материалами из памятников тюркской культуры. Проведите сравнение материального комплекса различных этапов по таким параметрам, как категориальный набор вещей, особенности оформления элементов вооружения, конского снаряжения, предметов быта и украшений костюма.

Задание 5. Используя текст настоящей главы учебного пособия и фрагмент из монографии С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» [1949], сформулируйте основные точки зрения на происхождение народа «тюрк». Приведите аргументы в пользу той или иной позиции и попытайтесь сформировать собственное мнение по поставленной проблеме.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 276.

Алтай и тюрки

Среди нескольких легенд о происхождении тюрков тугю, записанных в китайскую летопись, одна особенно ценна. Сообщив, что в 40-х гг. V в. тугю жили на Южном Алтае и добывали железо для жуаньжуаней, китайский историк передает версию о том, что Туг-ю происходят из племени Со, обитавшего некогда на север от хунну. Первоначально их было 70 братьев. Старший из них, Нишиду, родился от волчицы. Он мог вызывать ветры и дожди. Жены его были: одна – дочь лета, другая – дочь зимы. Дочь лета родила ему четырех сыновей. Первый превратился в лебедя. Владения второго были расположены между реками Абу и Гянь, его звали Цигу. Третий жил при реке Чу-си, а четвертый около гор Басы Чу-сиши. Старший, которого звали Надулу, «произвел тепло», и ему все подчинились. Он имел десять жен и «все сыновья прозывались по дому матерей». После смерти Надулу вместо отца был избран младший его сын, так как он, по условию, вспрыгнул выше всех на дерево.

Нетрудно увидеть, что эта легенда представляет причудливое сплетение различных повествований. Во-первых, можно выделить тотемические представления: род тугю происходит от волчицы. Эта версия была особенно в ходу у древних авторов. ...Такое же наблюдение позволяет с известным доверием отнести и к историко-географической

части рассказа. Это тем более позволительно, что расселение сыновей Нишиду устанавливается очень легко. Здесь прямая заслуга Аристова. В своих «Заметках об этническом составе тюркских племен» он первый увязал с родом Со в составе населения б. Верхне-Кумандинской волости на р. Бие. Он же увидел в превращении старшего сына Нишиду в лебеда (ку) возможность связи с современными ку-кижи, так называемыми лебединцами Северного Алтая. Области третьего и четвертого сыновей, по-видимому, находятся в бассейне р. Чуи, берущей начало у современной границы с Монголией и впадающей в Катунь. Долина ее, служащая и теперь единственным удобным путем с Алтая на юг, изобилует различными древними памятниками. Наконец, кочевья второго сына Нишиду Аристов помещает между Енисеем (Гянь) и Абаканом (А-бу) и даже считает возможным в его имени Ци-гу видеть одно из искаженных китайцами названий енисейских кыргызов (кики)...

Мы видим, таким образом, что почти весь Алтай, а также юг Хакасской автономной области в эпоху, предшествующую выдвиганию алтайских тюрков, рисуются в легенде заселенными родственными племенами.

Археологические исследования последних лет в Горно-Алтайской области и в Хакасии на Енисее также показали значительное сходство культуры, особенностей и темпов развития населения этих областей в первые века нашего летосчисления. Изучение на Енисее памятников таштыкской эпохи открыло культуру предков будущих кыргызов. Она во многом напоминает культуру Шибэ, явившуюся основой развития культуры алтайских тюрков...

Список литературы к разделу

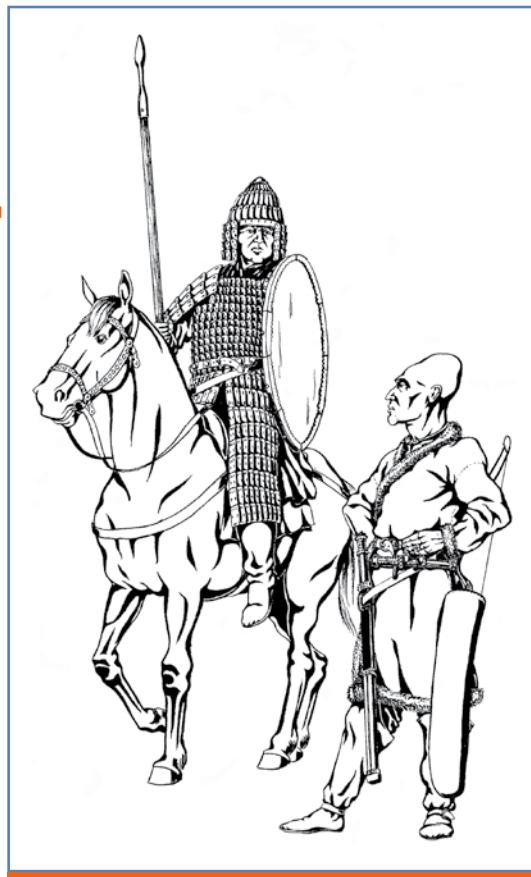
- Атлас Tartarica. История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня: справочно-энциклопедическое издание. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2006. 888 с.: ил., карт.
- Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 208 с. + 2 вкл. (Труды Института востоковедения. Т. XLV).
- Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работы археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Кызыл, 1958. Вып. 6. С. 217–237.
- Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМБ, 1996. 152 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 102–128.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (до-спех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.
- Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука, 2009. 144 с.
- Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник: к шестидесятилетию А.Н. Кононова. М.: Наука, 1966. С. 188–193.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2002. 560 с.: ил.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. XVI. С. 75–117.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА. №9).
- Кляшторный С.Г. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Востоковедение. 9. Филологические исследования / Ученые записки ЛГУ. №412. Серия востоковедческих наук. Вып. 25. Л., 1984. С. 143–153.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. 346 с.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 320 с. (Orientalia).
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 207 с., 156 ил.
- Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 29–43.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 175 с.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Средневековые воины Алтая // Природа. 2002. №9. С. 71–78.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине реки Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.
- Худяков Ю.С. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии: учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1998. 120 с.

ОДИНЦОВСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

На рубеже эр лесостепные районы нынешнего Алтайского края начали активно осваивать племена, пришедшие из северных таежных земель Западной Сибири. Фиксируемые археологические памятники того времени относятся к кулайской культуре. Этническая принадлежность населения определяется как самодийская. «Кулайцы» освоили территорию лесостепи в ходе последовательных миграций с конца I тыс. до н.э. и в течение первых веков I тыс. н.э. За этот период они полностью ассимилировали остававшиеся группы ираноязычных скотоводов, проживавших в предшествующее время. Именно самодийцы стали основными жителями Лесостепного Алтая на протяжении последующих полутора тысяч лет. Во 2-й четверти I тыс. н.э. они подверглись первому серьезному испытанию, пройдя через горнило эпохи «великого переселения народов». В Восточной Азии указанный период начался с распада крупных объединений кочевников хунну/сюнну (215 г.) и сяньби (235 г.), а также Империи Хань в Китае (220 г.). Это вызвало целую череду миграций кочевых племен, которые к V в. изменили этническую и политическую ситуацию. На Алтае эти события также привели к значительным изменениям. На территории лесостепи в середине IV в. появляется население, пришедшее из Средней Азии (Семиречье) – носители кенкольской культуры, а также из Горного Алтая – носители булан-кобинской культуры. Они вступили в контакт с местными самодийскими племенами (кулайская культура), в результате такого взаимодействия образовалась новая общность, получившая в археологии название «одинцовской культуры».

Первые материалы, которые сейчас можно отнести к одинцовскому культурному кругу, были получены в результате работ краеведа Н.С. Гуляева у с. Большая Речка в 1895–1912 гг. [Тишкина, 2010]. Позднее в 1930 г. М.Д. Копытов и С.М. Сергеев раскопали грунтовую могилу у поселка Одинцовка. Именно этот памятник дал имя сначала этапу, а затем и всей культуре. Крупные раскопки одинцовских погребальных памятников осуществлены под руководством М.П. Грязнова в 1946, 1947, 1949 гг. в урочище Ближние Елбаны у с. Большая Речка. Целая серия одинцовских могильников была открыта и исследована А.П. Уманским с 1959 по 1978 г. В 1970 г. значительное количество могил той же культуры раскопал Д.Г. Савинов на некрополе Осинки. На конец 1970-х – 1990-е гг. приходятся целенаправленные работы по выявлению и исследованию одинцовских памятников. Изучались не только погребальные, но и поселенческие комплексы. Наибольший вклад в этот процесс внесли такие археологи, как М.Т. Абдулганеев, А.А. Казаков, Ю.Ф. Кирюшин.

На основе памятников из урочища Ближние Елбаны была выделена верхнеобская культура (II–VIII вв.), происхождение которой связывалось с миграцией угорских племен [Грязнов, 1956]. После пересмотра хронологической схемы М.П. Грязнова Т.Н. Троицкая [1981] отнесла правобережные могильники Верхнего Приобья к переходному этапу (БЕ-III, Татарские Могилки – конец III – IV в.) и раннему этапу (БЕ-XII, XIV и одно погребение с Татарских Могилок – V–VI вв.) одинцовской культуры, определив ее этническую принадлежность как угро-самодийскую. В дальнейшем новосибирские археологи, следуя за мнением О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой, переименовали одинцовскую культуру в верхнеобскую [Троицкая, Новиков, 1998]. С таким возвратом к старому термину не согласились В.А. Могильников, Л.А. Чиндина и барнаульские исследователи [Казаков, Неверов, 1991]. Наиболее детальный анализ памятников Лесостепного Алтая эпохи «великого переселения народов» был предпринят А.А. Казаковым [1996].

Воины Лесостепного Алтая 2-й половины IV – V в. Реконструкция В.В. Горбунова, рисунок Д.В. Позднякова

Орудия труда и предметы быта имеют преемственность с изделиями хуннуской/сюннуской, кулайской, булан-кобинской, кокзельской, таштыкской и джетыясарской культур. Украшения находят некоторые аналогии в кулайской, таштыкской, кенкольской, гуннской культурах и гораздо более значительные в булан-кобинской. В целом по составу предметных наборов памятники Лесостепного Алтая обнаруживают наиболее тесные связи с булан-кобинским и кенкольским материальными комплексами.

Для определения этнокультурных компонентов исследуемой общности решающую роль играют данные погребального обряда. Такие его черты, как грунтовый характер могил (все точно документированные памятники), обряд кремации (Троицкий Елбан-I), наличие в околмогильном пространстве костей животных от поминальной тризны (Нечунаевский Елбан-2, Троицкий Елбан-I, БЕ-III, XII и XIV, Татарские Могилки), отдельные (ритуальные) захоронения животных (БЕ-III), говорят о наличии самодийского (кулайского) компонента. Погребения по обряду одиночной ингумации с конем (Усть-Пустынка, Ераска, БЕ-XIV, Татарские Могилки) отражают булан-кобинские традиции. Могилы по обряду парной ингумации (Чекановский Лог-9, Татарские Могилки), обычай кольцевой деформации головы (Тугозвонovo, Нечунаевский Елбан-2, Усть-Пустынка, БЕ-III, XII и XIV, Татарские Могилки) свидетельствуют о присутствии кенкольского компонента. Для двух последних обычен и обряд одиночной ингумации.

По вещевому комплексу и погребальному обряду памятники с левобережья Оби ничем принципиально не отличаются от правобережных. Обе указанные группы входят в единый культурный ареал. Своеобразные черты, присущие отдельным могильникам, лишь отражают различный уровень исходных компонентов. Все рассматриваемые памятники Лесостепного Алтая могут быть отнесены к раннему этапу одинцовской культуры, который датируется 2-й половиной IV – V в. и демонстрирует процесс ее формирования. За данным этапом, во избежание тиражирования, лучше сохранить название «сошниковский», уже предложенное А.А. Казаковым. Понятие «одинцовская культура» следует сохранить только за памятниками Лесостепного Алтая, которые очень существенно отличаются от одновременных в Новосибирском Приобье, представляющих собой курганные могильники и сохранивших в инвентаре гораздо больше черт таежных традиций.

Основными факторами, повлиявшими на изменение этнокультурной ситуации в Лесостепном Алтае около середины IV в., являлись миграции на эту территорию кенкольского населения из Семиречья и булан-кобинского из Горного Алтая. Их взаимодействие с местными племенами привело к существенным изменениям в материальной культуре и погребальном ритуале, а также к сложению нового (полиэтнического по своему составу) общества. Начало этого процесса, возможно, связано с политическими событиями, происходившими на востоке Азии. К ним, скорее всего, относится военная активность позднесяньбийских государств Северного Китая и Жужанского каганата, которая привела в движение ряд кочевых племен Центральной и Средней Азии. В свою очередь, возникновение одинцовской культуры могло послужить первым толчком к дальнейшему распаду единой кулайской общности на самостоятельные культурно-исторические образования.

Самодийским памятникам Лесостепного Алтая присущи грунтовые погребения по обрядам ингумации и кремации. Самые ранние памятники по обряду ингумации с конем на этой территории определены 2-й половиной IV – V в. (Ераска, Татарские могилки,

Железное тесло.

Новозыково.

МАЗА АлтГУ (колл. №176)

Рукоять палаша, окончание гривны и кинжал в ножнах из погребения знатного воина в Тугозвонovo на р. Чарыш (по: [Соловьев, 2003, с. 101–102])

*Керамический сосуд.
Малый Гоньбинский Кордон-2/6.
МАЗА АлтГУ (колл. №200)*

для распада «самодийской конфедерации» (кулайская историко-культурная общность). Первой обособилась территория Лесостепного Алтая, где при непосредственном участии кенкольско-го и булан-кобинского компонентов сложилась одинцовская культура. Число мигрантов, судя по памятникам, было небольшим, и они достаточно быстро ассимилировались в самодийской среде. Данный факт подтверждается господством местных норм погребальной обрядности в памятниках VI–VII вв.

Большое культурное влияние в VI–VII вв. на местное население оказало существование Тюркских каганатов. В то время появляются наборы предметов (вооружение, конская амуниция, украшения), выполненные в тюркской традиции. Но все вещи находятся в погребениях, совершенных по местным обрядам. Кроме изделий тюркского облика, в этих могилах присутствует и инвентарь, выполненный в самодийской традиции: наконечники стрел, ножи и ножны к ним, поясные наборы, керамика, украшения костюма. Обращает на себя внимание и факт использования многих тюркских вещей не по первоначальному назначению. Так, различные уздечные украшения начинают входить в состав поясной гарнитуры и наоборот. Сделанные наблюдения свидетельствуют только о влиянии материальной культуры тюрков на население Западно-Сибирской лесостепи. До сих пор здесь не найдено и погребений VI–VII вв., соотносимых с каким-либо тюркоязычным этносом. Правда, три могилы по обряду ингумации с конем исследованы на одинцовском памятнике Горный-10 [Абдулганеев, 2001], расположенном в северных предгорьях Алтая. Однако размещение животных в могилах не соответствует тюркским канонам: лошади находились под человеком. Это свидетельствует о переосмыслении исходного обряда, и принадлежность данных захоронений тюркам маловероятна.

Памятники одинцовской культуры сейчас уже известны на большей части территории Лесостепного Алтая. Это поселения и грунтовые могильники.

Поселения располагаются в боровых массивах по берегам рек и озер, у кромки крутых и высоких террас. Значительная их часть окружена валом и рвом, иногда фиксируются две линии таких сооружений. Внутри огороженной площадки находились жилищные и хозяйственные постройки, от которых сохраняются западины. Число построек могло быть от 5 до 90, в зависимости от общей площади поселения (400–3000 кв. м). Жилища сооружались в неглубоких (до 70 см) котлованах, в которые устанавливался сруб, перекрытый жердями и корой деревьев. Такая крыша утеплялась слоями дерна и могла иметь дымовое отверстие. Отапливалось жилище очагом открытого типа, на нем же готовили пищу. Дом имел одни двери с небольшой предвходовой частью. Хозяйственные постройки были меньших размеров, в них отсутствовали очаги. Основными находками в жилищах являются развалы керамических сосудов. Культурный слой по-

*Керамический сосуд.
Акутиха-1.
МАЗА АлтГУ (экспозиция)*

Железные наконечники стрел и бронзовая зривна. Троицкий Елбан-I. МАЭА АлтГУ (колл. №160)

селений слабый и небогат артефактами, что свидетельствует о достаточно подвижном образе жизни населения.

Могильники устраивались либо на елбанах в речной пойме, либо на длинных мысах, глубоко вдающихся в ту же пойму. Есть несколько тайных захоронений, сделанных на высоком берегу и на большой глубине. Они принадлежат наиболее знатным и богатым представителям одинцовского общества. Могила сооружалась, как правило, в форме прямоугольной грунтовой ямы, обычная глубина 0,5–1 м. Для внутримогильных конструкций использовались деревянные рамы, перекрытые плахами или листами бересты. Известно три способа погребений одинцовской культуры: трупосожжение на стороне, трупоположение и трупоположение в сопровождении коня. Первый тип обряда восходит к самодийскому населению предыдущего времени. Второй тип привнесен мигрантами из Средней Азии, и его переняла основная часть самодийцев. И, наконец, третий тип захоронений – пришлый, появившийся с новым населением из Горного Алтая, которое было ассимилировано в местной среде.

Основным занятием носителей одинцовской культуры являлось полукочевое скотоводство. Ведущая роль в стаде, судя по поселенческому остеологическому материалу, принадлежала лошади. Разводился также мелкий рогатый скот и в небольшом количестве крупный рогатый скот. Занятие скотоводством носило сезонный характер. В теплое время года скот выпасали на луговых поймах и степных участках, зимой из-за большого покрова снега скот переводился в загоны на заготовленные корма.

Важную роль в хозяйстве играла охота. Охотились на крупных копытных животных – лосей, оленей, косуль. Встречаются кости медведя, лисы, зайца. Орудиями охоты были лук и стрелы с костяными наконечниками. Находки рыболовных железных крючков свидетельствуют о существовании рыболовства.

Среди одинцовских погребальных комплексов встречаются захоронения с полным набором вооружения. Эти могилы позволяют говорить о выделении в обществе особой

*Бронзовая пряжка.
Троицкий Елбан-I
МАЭА АлтГУ
(колл. №160)*

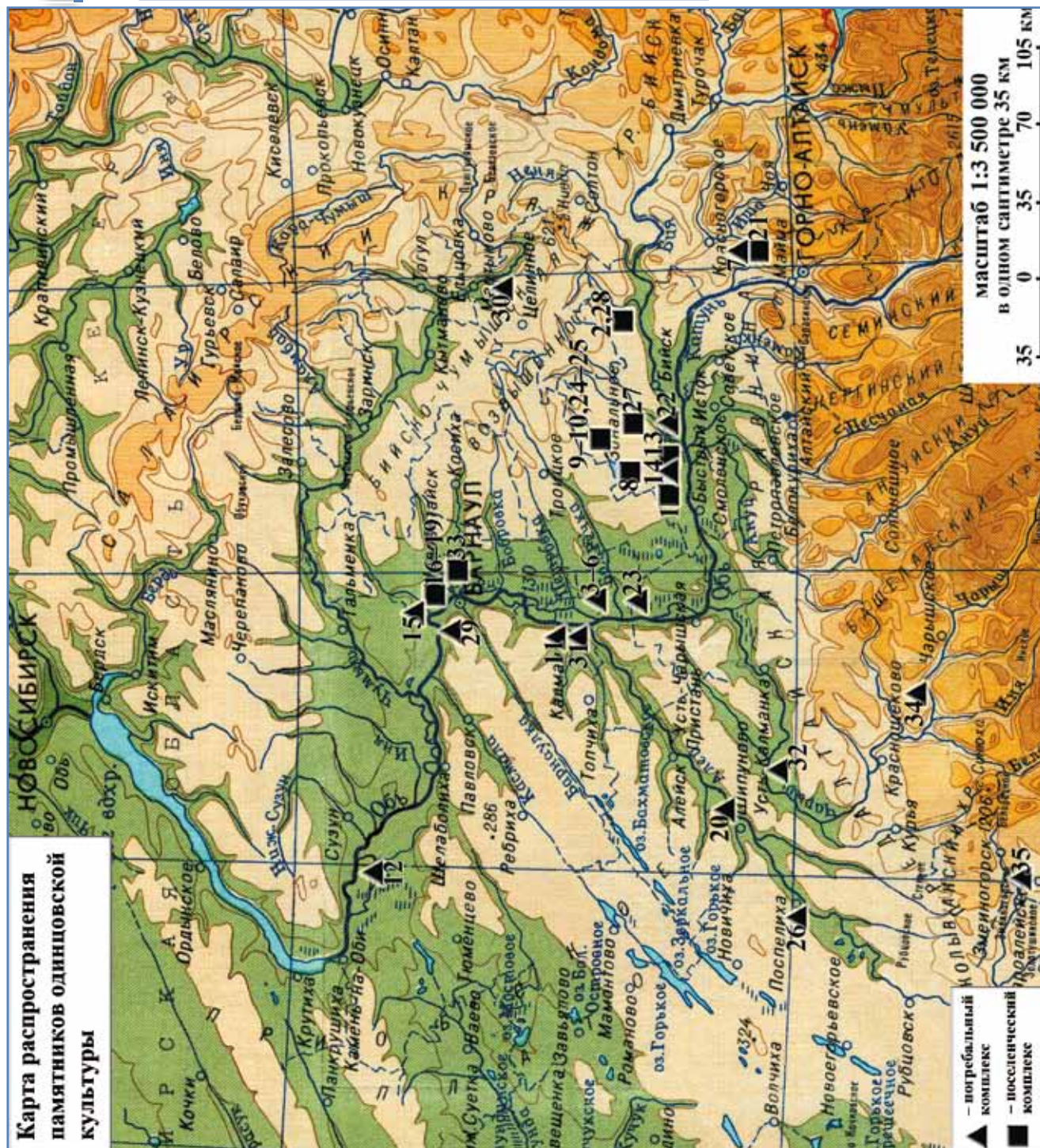
*Железные ножи.
Троицкий Елбан-I.
МАЭА АлтГУ
(колл. №160)*

ЛЕГЕНДА КАРТЫ

1 – Акутиха-1;	22 – Одинцовка;
2 – Бехтемир;	23 – Осинки;
3–6 – Ближние Елбаны-III, XII, XIV, XVI;	24–25 – Поселение Малый Иткуль-1/7, 2/2;
7 – Горный-10;	26 – Поспелиха;
8 – Городище-2;	27 – Сошниково-1;
9–10 – Городище Малый Иткуль-5, 6;	28 – Стан-Бехтемир;
11 – Ераска;	29 – Страшный Яр;
12 – Заломное-1;	30 – Татарские Могилики;
13 – Комарово-1;	31 – Троицкий Елбан-1;
14 – Комарово-5;	32 – Тугозвонovo;
15 – Малый Гоньбинский Кордон-2;	33 – Усть-Лог-Кордон-2/3, 2/6, 2/10, 2/11;
16–19 – Малый Гоньбинский Кордон-2;	34 – Усть-Пустынка;
20 – Нечунаевский Елбан-2;	35 – Чекановский Лог-3;

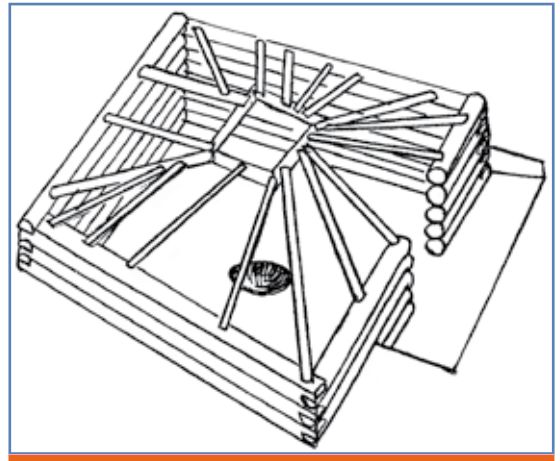
Бронзовые серьги.
Троицкий Елбан-1. МАЭА АлтГУ
(колл. №160)

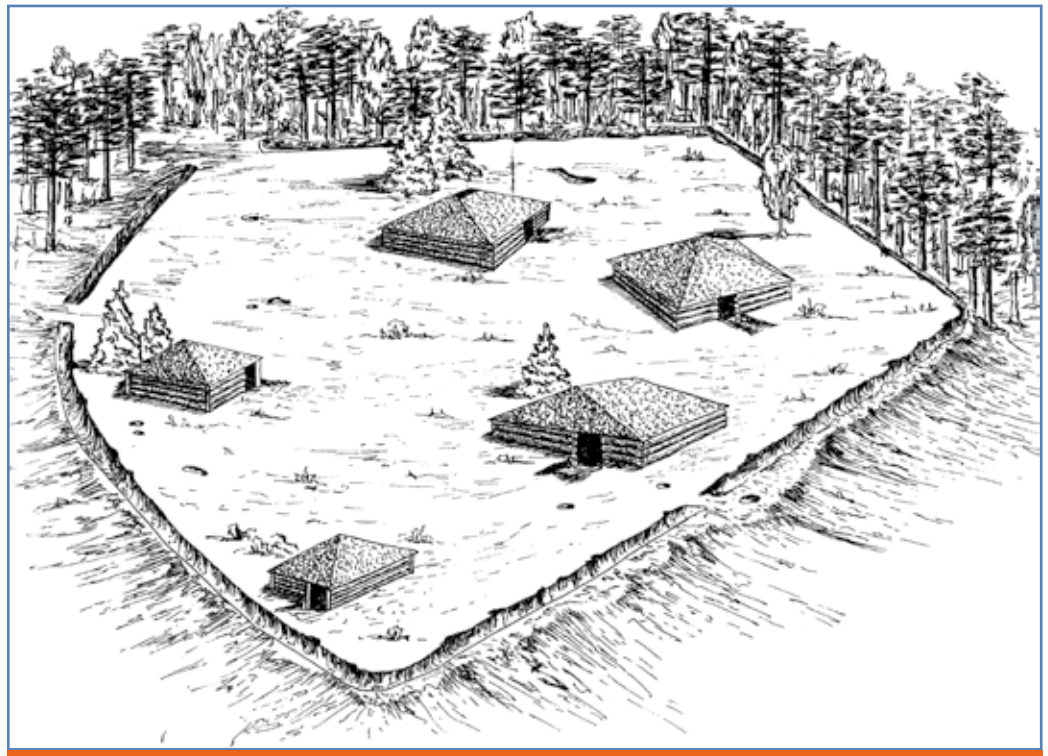
прослойки воинов-дружинников. Исследование «княжеского» погребения в Тугозвонovo [Уманский, 1978] демонстрирует наличие знати и института военного вождя – предводителя дружины. Одинцовские воины использовали развитый комплекс вооружения, в который входил защитный доспех воина и наступательное оружие. Их войско состояло из двух родов: легкой и средневооруженной конницы. Первая применяла двух- и однолезвийные мечи, кинжалы, сложносоставной лук с костяными накладками и стрелы с железными наконечниками. Вторая – такое же оружие, плюс копья с железными наконечниками и более полный доспех из шлема с бармицей, панциря и круглого деревянного щита, оббитого по краю железным кантом. Из военного снаряжения известны берестяные колчаны для стрел, которые носились с помощью железных крючков, деревянные ножны мечей, снабженные обоймами или скобами для портупейных ремней. Богатством отделки отличаются ножны и рукояти меча и кинжала из могилы «князя». Они имели золотые и серебряные оковки, выполненные в технике полихромного стиля: гнезда, напаянные рядами на оковках и окруженные зернью, инкрустированы полированными альмандинами, сердоликом, цветной пастой и стеклом. Кинжал крепился к поясу при помощи двух серебряных пряжек.

Значительного развития достигли ремесленные занятия одинцовского населения, особенно металлообработка. Много самых разных изделий делалось из железа – это вооружение, часть снаряжения верхового коня, орудия труда и предметы быта (тесла, ножи и их обоймы с цепочками для подвешивания к поясу, котлы), детали одежды (пряжки, поясные бляхи-накладки). Из бронзы изготавливали украшения (гравны, браслеты, серьги, подвески, нашивные и подвесные бляхи), поясную гарнитуру (пряжки, бляхи, наконечники), предметы быта (зеркала, котлы). На высоте было ювелирное искусство, хотя здесь правомерно допустить, что драгоценные изделия в полихромном стиле привозились из ювелирных центров Средней Азии. Разносторонним являлось применение костерезного дела: охотничьи наконечники стрел, псалии, подпружные пряжки, застежки, различные накладки (на лук, седло, колчан), подвески на ожерелья. Еще из домашних производств наиболее полно представлено гончарство. Сосуды изготавливали из сырой глины, наносили орнамент, просушивали и обжигали открытым способом на кострах. На крупных поселениях существовали специализированные помещения – навесы для обжига керамики.

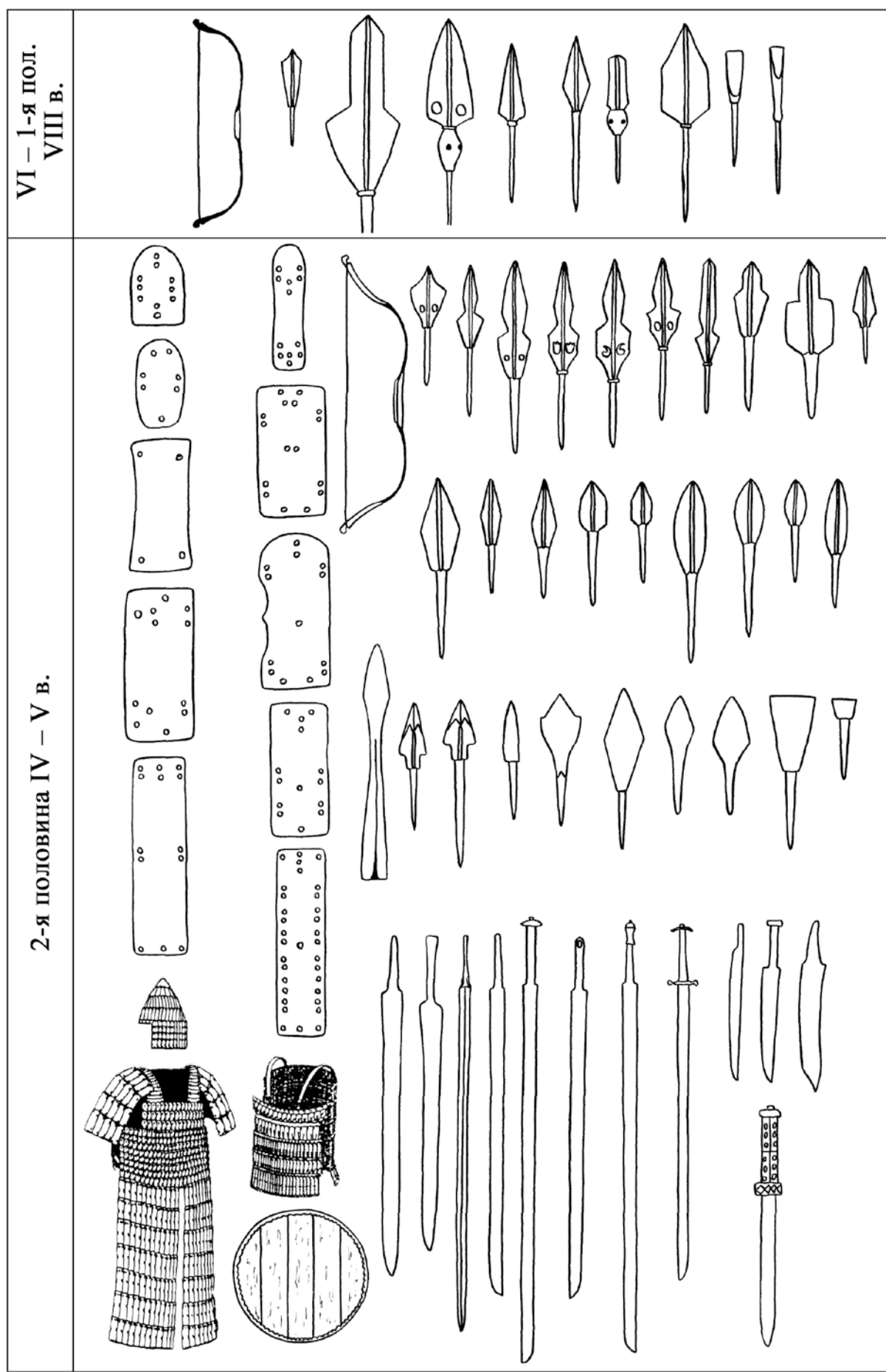
Социальная структура одинцовского общества может быть определена как позднеродовая, вступившая в фазу военной демократии.

Каркасно-столбовая конструкция одинцовского жилища с поселения Сошниково-1. Реконструкция А.А. Казакова, рисунок О.А. Семибратовой

Поселение Сошниково-1. Реконструкция А.А. Казакова, рисунок О.А. Семибратовой

Комплекс вооружения одинцовской культуры (по: [Горбунов, 2006])

Контрольные вопросы

1. Каковы хронологические рамки существования одинцовской культуры?
2. Какие события в Восточной Азии изменили этническую и политическую карту Евразии в III–IV вв.?
3. Охарактеризуйте основные этапы одинцовской археологической культуры.
4. С какими историческими событиями соотносится время существования одинцовской культуры?
5. Продемонстрируйте на конкретных примерах особенности поселенческих комплексов одинцовской культуры.
6. Каким образом носители одинцовской культуры устраивали погребения?
7. Охарактеризуйте круг занятий одинцовского населения.

Задания

Задание 1. Проследите по карте равномерность/неравномерность распространения памятников на различных этапах одинцовской культуры.

Задание 2. Изучите фрагменты из статьи Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163. Раскройте специфику зафиксированного погребального обряда, основываясь на результатах доисследования разрушенного памятника. Охарактеризуйте содержание понятия «полихромный стиль», поясняя на примерах находок из Тугозвонovo.

...Найденное захоронение является самым восточным пунктом распространения изделий полихромного стиля. Наконец, по богатству, по обилию инвентаря, а также по разнообразию материалов, употребленных на изготовление вещей погребального комплекса, Чарышское захоронение значительно превосходит не только другие находки 1959 г., но и многие находки IV–V вв., обнаруженные ранее на территории нашей страны и за ее пределами. Все это побуждает нас подробно остановиться на обстоятельствах находки и на детальной характеристике всех ее компонентов...

...Нам удалось собрать несколько предметов... – навершие палаша, подвеску типа колта, ремennую обоймицу с шарнирной подвеской, обувную пряжку и др., а также часть золотой гривны...

...В результате доисследования могилы, изучения костей скелета и опроса находчиков установлено следующее:

1. Могила находилась на самом конце центрального мыса, под склоном его, почти на уровне основания надлуговой террасы. Характер погребального сооружения установить не удалось. Но его нельзя считать захоронением курганного типа: никакой насыпи, по единодушному свидетельству местных жителей, над погребением не было да и быть не могло, поскольку могила находилась под склоном. Каких-либо конструкций (сруб, перекрытие и пр.) внутри могилы не замечено.

Это могла быть обычная грунтовая яма либо яма с подбоем, или, наконец, катакомба со входом в склоне мыса. Правда, ...земля над захоронением была мягкой, а в глине встречались комья гумуса, но это не дает точного ответа на вопрос о типе погребального сооружения.

2. Размеры могилы по дну равны приблизительно 2,2х0,8 м, а глубина ее от поверхности склона – около 1,7–1,8 м. Могильная яма (или катакомба) ориентирована по линии ВЮВ–ЗСЗ.

3. Скелет был ориентирован на восток–юго-восток, положение его – лежа на спине, руки вытянуты вдоль тела.

4. Сохранность костей скелета отличная: мощный слой глины, прикрывавший погребение сверху, хорошая задернованность склона, на котором не задерживалась вода, предохранили костяк от быстрого разрушения (кости левого предплечья перерублены лопатой, следы рубящего удара хорошо заметны и на двух нижних поясничных позвонках).

Скелет принадлежит физически крепкому, богатырски сложенному мужчине в возрасте около 30 лет. Рост его достигал около 1,87 м. Особенности строения костей рук и ног говорят о необычайно развитой мускулатуре покойного и о его недюжинной физической силе.

Череп человека подвергся прижизненной деформации кольцевого типа, отчего черепная коробка приобрела огуречеподобную форму...

...Клинок палаша заключен в деревянные ножны. Верхняя часть их покрашена красной краской (киноварь?), а нижняя половина (длиной около 50 см) окована листовым серебром. Кроме того, ножны в трех местах схвачены золотыми обоймицами, из которых сохранилась одна – средняя, сделанная из прямоугольной золотой пластинки (10х2 см). Вдоль ее краев припаяны золотые жгутики из тонкой проволоки. На поверхность пластинки напаяно 16 круглых гнезд диаметром около 4 мм, сгруппированных по 4 шт. (восемь из них приходится на лицевую, восемь – на тыльную сторону). Каждая из этих групп делится на две: на тыльной стороне – швом, а на лицевой – вертикальным выпуклым поясом. Все гнезда окружены рядками зерни. Кроме того, внутри каждой группы из четырех гнезд располагаются четыре треугольника из зерни (по три ядрышка), обращенные вершинкою к центру, а основанием – к гнезду. Гнезда тыльной стороны заполнены бледно-зеленой пастой и стекловидной пастой синего цвета (из трех гнезд вставки выпали). На лицевой стороне инкрустация поярче и побогаче: это синие стекла (?), синяя, зеленая и голубоватая стекловидная паста.

...Полусфера наверху поделена на четыре равных сферических сектора. Роль границ выполняют неглубокие желобки, окаймляющие их выпуклые пояски и напаянные вдоль последних рядки зерни. В центре каждого сектора – овальное гнездо, также обрамленное зернью. Гнезда инкрустированы стекловидной пастой черного цвета (из одного вставка выпала). На самом верху набалдашника расположено круглое гнездо, окруженное рядом зерни. Вставка его не сохранилась, но, судя по сочетанию цветков на поле наверху, можно предположить, что центральное гнездо украшал камень или паста бело-голубого цвета.

...Палаш был очень наряден, он блистал золотом и серебром отделки. Особую нарядность, богатство и красоту придавали ему золотые оковки ножен и рукояти. Каждая из них исполнена в технике полихромного стиля: гнезда, напаянные рядами на оковках, инкрустированы полированными альмандинами, цветной пастой и цветным стеклом.

...Две обувные пряжки (в них продевались ремешки, стягивающие по щиколотке кожаную обувь типа мягких бескаблучных сапог). Обе пряжки серебряные. Овальные дужки их в передней части утолщены и круглы в сечении. Щитки пряжек двойные. Верхние половинки их имеют также овальную форму и по размерам чуть превосходят дужки. Нижние половинки щитков отличаются секирообразной формой. Обе половинки каждого щитка соединены серебряной заклепкой. Язычки пряжек изогнуты, в меру удлиненны, кончики их уплощены снизу и загнуты.

Верхняя половина щитка обложена золотой пластинкой, края которой загнуты на тыльной стороне. К обкладке по краю щитка припаян жгут из золотой проволоки, образующий сердцевидную фигуру. В центре оковки – полукруглое гнездо, у стенок которого напаян рядок зерни. В гнезде – вставка полированного альмандин. Пряжки отличаются друг от друга размерами (одна несколько больше другой), конфигурацией тыльной половинки щитка и гнезд.

...Две поясных пряжки того же типа, что и обувные. Обе они серебряные, имеют двойные щитки, обложенные золотыми пластинками. Щитки и дужки их по форме близки к овалу. Язычки изогнутые, удлиненные, с уплощением кончиков снизу, прямоугольными выступами у петельки и продольным ребристым выступом. Конструктивное отличие их от малых обувных пряжек состоит лишь в том, что половинки щитков у поясных пряжек соединены не одной, а тремя заклепками, которые маскируются гнездами.

Дужки поясных пряжек имеют шестигранное сечение, особенно четко выражены грани лицевой стороны. От долгого употребления дужки (особенно у пряжки №1) заметно износились, а вырезы в щитках приобрели форму пятиугольников с округлыми углами. Две ниточки скани из золотой проволоки, припаянные к золотой обкладке щитка по его краю, образуют фигуру, подобную слегка ущербленной полной луне. В отличие от жгутиков на обувных пряжках сканные ниточки на поясных пряжках смыкаются концами. На щитке каждой пряжки не по одному, как у обувных пряжек, а по четыре гнезда. Все гнезда окружены поясками зерни...

...При всем многообразии предметов Тугозвоновского комплекса, при всем разнообразии материалов, употребленных на их изготовление, легко заметить, что в инвентаре почти нет разновременных или чужеродных по своему происхождению предметов. Все они органично связаны друг с другом, и причина этого кроется в единстве художественного стиля, в котором они выполнены. Больше того, есть основания утверждать, что если не весь комплекс, то значительная часть его изготовлена в одной мастерской, руками одного мастера. Отделка основных предметов из погребения в Тугозвонovo произведена в канонах художественного стиля так называемой полихромной инкрустации, расцвет которого падает на IV–V вв. н.э.

...Замечателен и найденный в погребении перстень. Основой его является серебряное кольцо с широким овальным щитком, размером 2,4х2,2 см. По краю щитка (он поврежден и частично выкрошился) видна узкая полоска, по-видимому, от припоя, с помощью которого к щитку был прикреплен «штон»-оковка, выполненная из так называемого бледного золота. Оковка имеет форму слегка растянутой полусферы. Внутри она полая, а снаружи вся поверхность ее занята семью гнездами с инкрустацией. Каждое из них окружено пояском зерни. Три гнезда, расположенные в линию вдоль оковки, имеют по сравнению с остальными большие размеры; центральное из них – круглое, а боковые – овальные. Четыре малых гнезда располагаются попарно с двух других сторон от центрального гнезда. Они отличаются подпрямоугольной формой. Эти гнезда были заполнены красной пастой (ныне она имеет бледно-розовый цвет). В овальных гнездах – вставки из стекла либо из полупрозрачной стекловидной пасты: одна зеленая, другая синеватая.

...Тугозвоновская находка существенно заполняет серьезные пробелы в истории Алтая 1-й половины I тыс. н.э., изученной пока еще очень слабо: политическая, культурная и этническая история Алтая «предтюрокской» эпохи предстает перед нами более сложной и богатой, нежели это представлялось раньше...

Реконструкция по материалам погребения у с. Тугозвонovo (по: [Соловьев, 2003, с. 103])

Задание 3. Используя таблицу «Комплекс вооружения одинцовской культуры» и фрагмент из монографии В.В. Горбунова «Военное дело населения Алтая...» [2006], составьте описание основных видов вооружения носителей указанной культуры. Оцените состав войска. Укажите на истоки формирования одинцовского комплекса вооружения.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 95.

Вооружение одинцовской культуры включает средства защиты и нападения. Доспех состоит из 244 панцирных пластин, двух панцирей, одного шлема и одного щита.

Оружие представлено 34 накладками луков, восемью луками, 116 стрелами, одним копьем, девятью мечами, семью боевыми ножами и одним кинжалом. Среди классифицированных материалов выделено: восемь типов панцирных пластин, два типа пан-

цирей, один тип шлемов, четыре типа накладок луков, два типа сложносоставных луков, 18 типов наконечников стрел, один тип копий, три типа мечей, два типа боевых ножей и один тип кинжалов.

О составе войска у населения одинцовской культуры можно судить только по наличию различных видов вооружения в погребальных памятниках. Среди них выделяются две основные группы. Первая, из 25 могил, содержит луки, стрелы, боевые ножи. Во второй, из 9 могил, кроме этого оружия, встречены панцири, шлем, щит, копье, мечи и кинжал. Первую группу погребений можно сопоставить с легкой пехотой и конницей. Вторая группа могил отражает принадлежность к средневооруженной коннице.

Набор вооружения легкой пехоты и конницы состоял из «мягкого» доспеха, луков со стрелами и боевых ножей. Паноппия средней конницы включала панцири, шлемы, щиты, копья, мечи, луки со стрелами, боевые ножи или кинжалы. Формирование одинцовского комплекса вооружения связано с взаимодействием кенкольской и булан-кобинской традиций.

...На начальном этапе (2-я половина IV – V в. н.э.) своего развития одинцовский комплекс вооружения выделяется многими передовыми для своего времени типами защиты и нападения. Это панцирные пластины, панцири, шлемы, щиты, сложносоставные луки, стрелы, копья, мечи, боевые ножи и кинжалы, не известные в западносибирском регионе в предыдущее время. Происходят изменения и в составе войска. Основной ударной силой становится средняя конница, которая выделяется в самостоятельное подразделение. Раннеодинцовский комплекс по уровню оснащенности почти не уступал кенкольскому и булан-кобинскому, соединив в себе их лучшие достижения.

...Одинцовский комплекс сформировался на юге Западной Сибири раньше других, что определило его посредническую роль в распространении новых оборонительных и наступательных средств у родственных культурных общностей.

Список литературы к разделу

Абдулганеев М.Т. Могильник Горный-10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 128–130.

Алехин Ю.П., Гельмель Ю.И. Курган гунно-сарматского времени у с. Усть-Пустынка Краснощековского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 94–96.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Этнокультурная ситуация на территории Лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 92–95.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. «Одинцовцы» – предшественники тюрков // Наследие народов Российской Федерации: Алтайский благодатный край. М.: НИИЦентр, 2007. С. 43–44.

Горбунов В.В. Военное искусство населения Лесостепного Алтая в середине I тыс. н.э. // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 24–27.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 162 с. + прил. (МИА. №48).

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 77–80.

Казаков А.А. К вопросу о формировании одинцовской культуры // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 166–177.

Казаков А.А., Неверов С.В. Хронология и периодизация памятников середины – второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 167–170.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9. С. 82–91.

Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул: Азбука, 2010. 288 с.: ил.

Троицкая Т.Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 101–120.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Уманский А.П. Памятники эпохи «Великого переселения народов» на Алтае // Урало-Алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 55–63.

СРОСТКИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Сросткинская культура демонстрирует крупное кочевое объединение, существовавшее в период раннего – начала развитого средневековья. Его создали тюркские племена, которые переселились после падения II Восточно-тюркского каганата (744 г.) из Монголии на территорию Лесостепного Алтая, где они подчинили местное самодийское население одинцовской культуры. На протяжении 450 лет (2-я половина VIII – XII в.) сросткинское объединение играло значимую военно-политическую и этнокультурную роль на стыке таких регионов, как Западная Сибирь, Центральная и Средняя Азия.

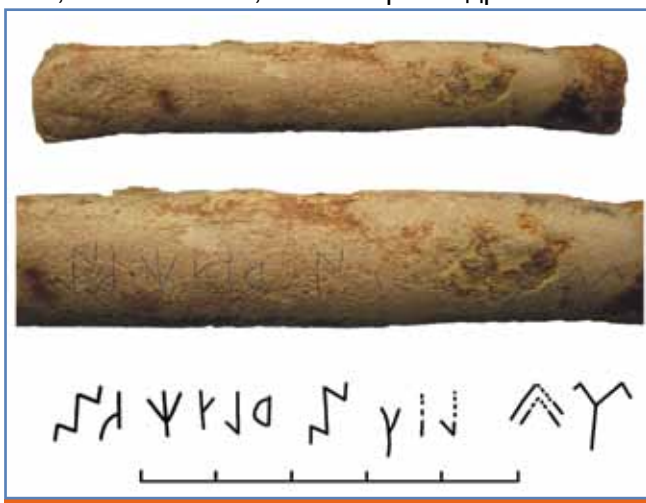
Наиболее ранние материалы, отнесенные впоследствии к сросткинской культуре, получены еще Первой Академической экспедицией в 1733–1744 гг. Раскопки сросткинских погребальных памятников были проведены Л.И. Шренком в 1856 г., Г. Менье – в 1861 г., В.В. Радловым – в 1862 г. Следует отметить деятельность краеведов Н.С. Гуляева и М.Д. Копытова. Дальнейшее накопление источников продолжилось в 1-й половине XX в. Оно связано с именами таких археологов, как М.П. Грязнов, Н.М. Комарова, А.П. Марков, С.М. Сергеев. В результате были открыты и изучены памятники в урочище Ближние Елбаны, а также могильники Змеевка, Солоновка и Сростки-I. В 50–60 гг. XX в. целую серию сросткинских комплексов открыл и начал исследовать А.П. Уманский. Среди них особо следует выделить крупный курганный некрополь Иня-1. В те же годы Т.Н. Троицкой производились раскопки могильника Чингиз-2. На 1970–1990-е гг. приходится масштабные исследования памятников сросткинской культуры. Свой вклад в их изучение внесли многие археологи: М.Т. Абдулганеев, А.А. Адамов, Ю.П. Алехин, А.С. Боровков, В.Б. Бородаев, В.В. Горбунов, П.К. Дашковский, А.М. Илюшин, А.А. Казаков, Ю.Ф. Кирюшин, А.В. Кондрашов, А.Л. Кунгуров, В.А. Могильников, С.В. Неверов, А.В. Новиков, Д.Г. Савинов, С.М. Ситников, А.Н. Телегин, А.А. Тишкин, В.С. Удодов, Я.В. Фролов, А.Б. Шамшин, Ю.В. Ширин и др.

За прошедшее время накоплена обширная источниковая база, включающая 127 могильников, шесть поселений и значительное число случайных находок, которые можно с полным основанием отнести к сросткинской культуре.

В 1950–1951 гг. М.П. Грязнов предложил, а в 1956 г. обосновал выделение самостоятельной сросткинской культуры (дав ей название по могильнику Сростки-I). За прошедшее время публикации материалов сросткинской культуры и их осмыслению посвящены десятки статей, диссертационные работы [Неверов, 1988; Адамов, 1995; Кондрашов, 2004], разделы в монографиях [Грязнов, 1956; Савинов, 1994; Могильников, 2002; и др.]. Однако разброс мнений среди ученых по оценке сросткинской культуры достаточно велик:

Воины Лесостепного Алтая 2-й половины VIII – 1-й половины XI в. Реконструкция В.В. Горбунова, рисунок Д.В. Позднякова

Роговая накладка лука с рунической надписью. Архангельское (по: [Горбунов, Гельмель, 2007])

Железный
наконечник
копья. Грань.
МАЭА АлтГУ
(колл. №166)

от признания ее государственной культурой Кимакского каганата [Савинов, 1984] до отрицания самого факта существования такой культуры [Илюшин, 1993].

Хронология сросткинских памятников постоянно менялась и уточнялась. В целом же даты охватывали период от VII до начала XI в. Первую периодизацию сросткинской культуры разработал В.А. Могильников [1981], выделив в ее развитии три последовательных этапа: 1) VIII–IX вв.; 2) IX–X вв.; 3) XI – начало XIII в. Затем А.А. Адамов [1995] довел верхнюю границу сросткинской культуры до XIV в. включительно. С.В. Неверов [1988] на основе детальной классификации разработал типологию основных комплексов инвентаря (конское снаряжение, вооружение, украшения из памятников 2-й половины I тыс. – 1-й четверти II тыс. Верхнего Приобья), которая позволила создать более дробную хронологическую схему для сросткинской культуры. Сначала ее памятники были распределены по пяти последовательным этапам, один из которых позднее был сокращен, с общей датировкой конец VII – XII в. Дальнейшая работа по классификации и типологии инвентарных комплексов внесла определенные коррективы. Памятники раннего периода сросткинской культуры объединились в рамках одного этапа с ограничением его нижней границы серединой VIII в., а в позднем периоде был выделен заключительный этап.

На современном уровне изучения все памятники сросткинской культуры делятся на четыре хронологические группы, соответствующие определенным этапам ее развития. Нижние границы первых двух этапов хорошо маркируются находками в могилах монет. Это тюркешские (735–742 гг.), арабские (760–

761 гг.) и китайские (732–759 гг.) монеты из памятников Иня-1 и Чингис-2, и китайские монеты (806–845 гг.) из памятников Сростки-1 и Кукушкин Елбан-2. Все четыре выделенные группы памятников отличаются типовыми наборами инвентаря. На каждом следующем этапе появляются новые типы вещей, а также видоизменяются старые. Причины подобных изменений тесно связаны с важнейшими историческими событиями (войны, миграции), которые оказывали прямое или опосредованное влияние на определенное общество. В этом отношении разработанная периодизация сросткинской культуры может быть соотнесена с известными по письменным источникам событиями в истории Центральной и Средней Азии.

1. Инской этап (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.) соответствует периоду формирования сросткинской культуры. Памятники инского этапа локализируются только на территории Лесостепного Алтая. Располагаются они в восточной части Предалтайской равнины (могильник Точильное-5); на Приобском плато (могильники Кипринский Борок-7а, Мало-Панюшово, Плотниково, поселения Кипринский Борок-7, Селезневский Борок); на северо-востоке Кулундинской равнины (могильники Кулунда, Кулундинская волость, Николаевка); вдоль кромки поймы правого берега Оби, в пределах Бийско-Чумышской возвышенности (могильники Ближние Елбаны-V, Борковский Елбан-6, Тузовские Бугры-2) и севернее нее (могильники Иня-1, Чингис-2). Таким образом, комплексы занимают широкую полосу вдоль верхнего течения Оби, от предгорий Алтая до Новосибирского Приобья. Центральным

Железные наконечники стрел.
Чингис-II. МАЭА АлтГУ (колл. №185)

Железная сабля.
Займище.
МАЭА АлтГУ
(колл. №146)

Бронзовая
серьга. Иня-1.
МАЭА АлтГУ
(колл. №145)

районом выступало Приобское плато, являвшееся ядром территории, на которой происходило формирование сросткинского объединения.

Начало инского этапа связано с гибелью II Восточно-тюркского каганата (744 г.) и переселением тюркских племен на юг Западной Сибири. Тюрки из Монголии, через Горный Алтай и левобережные предгорья вышли в лесостепь и заняли Приобское плато. Прилегающие к нему земли на этом этапе еще не были полностью освоены, за исключением небольшого участка Кулундинской степи и правобережной поймы Оби напротив плато. В то время ведущей державой в Центральной Азии являлся Уйгурский каганат (745–840 гг.), который проводил активную экспансию в северном направлении на земли Южной Сибири. В 750–751 гг. уйгуры завоевали Туву, а в 758 г. совершили победный поход на кыргызов в Минусинскую котловину. К IX в. все более усиливаются кыргызы, которые начинают оспаривать у уйгуров господство в Южной Сибири. Это противостояние вылилось в длительную войну 820–840 гг. Основным театром военных действий находился на территории Тувы. Вместе с кыргызами выступили алтайские тюрки. Не исключено, что сросткинские племена поддерживали этот союз в борьбе с уйгурами.

2. Грязновский этап (2-я половина IX – 1-я половина X в.) отражает завершение процесса консолидации сросткинских племен и складывания самобытных черт в их культуре. Памятники грязновского этапа выявлены на Предалтайской равнине (могильники Белый Камень, Гилево-I–VI, VIII, IX, XI, XIV, XVI, Ивановка-IX, XVII, XX, XXVI, Комаришинский карьер, Кондратьевка-IV, Корболиха-II, IV, VII, VIII, X, Кукушкин Елбан-2, Кураевка-I, Луговское-1, Михайловка, Новофирсово-VII, Павловка-II, Сибирь, Солоновка, Сурья Сопка, Хлебоборбный Елбан-I, Черный Камень, Чинета-II), на Приобском плато (могильники Быково, Быково-IV, Грязново-I–IV, Коловый Мыс, Нечунаевский Елбан-2, Обьездное-2, Успенровка-II, Хабазино-4, Яровское-III, поселение Троицк-3), в восточной части Кулундинской равнины (могильники Архангельское, Екатериновка-3, Кирилловка-V, Ключи), на Бийско-Чумышской возвышенности (могильники Ближние Елбаны-VI и XVI, Дмитротитово) и южнее нее в правобережных предгорьях (могильник Сростки-I), на Предсалаирской равнине (могильник Усть-Шамониha-I). Они занимают уже всю территорию Лесостепного Алтая, а их число значительно увеличивается. Данный факт свидетельствует о росте населения и расширении ареала сросткинского объединения.

Начало грязновского этапа можно сопоставить с военной экспансией Кыргызского каганата (840–847 гг.) и образованием Кимакского каганата (около 850 г.). Интересы этих держав столкнулись в междуречье Иртыша и Алей. На территории Предалтайской равнины (в частности, в Алейской степи) зафиксированы сросткинские могильники, ряд из которых соседствует с курганами кыргызов (например, Гилево-III, Чинета-II). Это позволяет предположить, что срост-

Бронзовый султанчик
на наносный ремень
узды. Рогозиха-1.
МАЭА АлтГУ
(колл. №141)

Натуральная копия панциря сросткинского времени. Реконструкция В.В. Горбунова, мастер Г.Л. Нехведавичюс

Фрагмент железной кольчуги. Случайная находка из кургана у с. Маралиха. МАЭА АлтГУ (колл. №173/12)

Железные удила с псалиями
и поводными кольцами. Филин-1.
МАЗА АлтГУ (колл. №168)

XII–XIII и XV, Ивановка-III и XXIV, Корболиха-III, V, VIII–IX, Павловка-I, Усть-Козлуха, Щепчиха-I), на Приобском плато (могильники Грань, Заковряшино, Казачий Взвоз, Камень-I–II, Кучук-1, Нечунаево-3, Обьездное-1, Поповская Дача, Прудской, Поспелихинский, Рогозиha-I, Филин-I, Шелаболиха-3, Яровское-V, поселение Серебренниково-3), на востоке Кулундинской равнины (могильники Займище, Кайгородка-V, Нижний Кучук-VII, Степной Кучук-1), на Бийско-Чумышской возвышенности (могильники Ближние Елбаны-VII–VIII, Лесной, Новотроицкое-I, Шадринцево-1, поселение Комарово-5); по обоим берегам Оби в Новосибирском Приобье (могильники Батуринский Мыс, Березовый Остров-1, Быстровка-1, Высокий Борок, Крохалевка-13), в западной части Кузнецкой котловины (могильники Мусохраново-3, Торопово-1, Сапогово-1, Шанда, Бекково). Таким образом, происходит дальнейшее расширение ареала сросткинской культуры. Ее памятники зафиксированы в Новосибирском Приобье и Кузнецкой котловине.

Начало шадринцевского этапа можно связать с активностью империи Ляо, основанной монголоязычными киданями. Их походы в Монголию (924–994 гг.) привели к вытеснению ряда тюркоязычных племен на запад и ослаблению Кыргызского и Кимакского каганатов. На этот этап приходится наибольший территориальный рост сросткинского объединения, за счет соседних северных и восточных земель, которому способствовала благоприятная внешнеполитическая обстановка. Наряду с территориальной экспансией, его материальная культура оказывает воздействие на соседей: кимаков – на западе, кыпчаков – на северо-западе, тюрков – на юге, кыргызов – на юго-востоке, самодийцев – на севере. Отдельные вещи «сросткинского типа» проникают до Урала, Семиречья, Забайкалья и Среднего Приобья.

4. Змеевский этап (2-я половина XI – XII в.) соответствует постепенному распаду сросткинского объединения. Памятники змеевского этапа локализуются на Предалтайской равнине (могильники Гилево-II, Змеевка, Маралиха), на Приобском плато (могильники Барчиха, Боровиково-IV и V, Ильинка, поселение Елбанка), на Бийско-Чумышской возвышенности (могильники Ближние Елбаны-VI, IX и XVI, Осинки, Татарские Могилки) и в правобережных предгорьях (могильник Солонцы-4). Их число заметно сокращается, а территория снова ограничивается Лесостепным Алтаем.

Начало змеевского этапа совпадает с новыми миграциями кочевых племен из Цент-

Роговые подпружные пряжки.
Иня-1, Щепчиха-I.
МАЗА АлтГУ (колл. №145, 150)

Железные стремена. Иня-1, Щепчиха-1. МАЭА АлтГУ (колл. №145, 150)

ральной в Среднюю Азию (1030–1040-е гг.). Это привело к распаду Кимакского каганата и усилению кыпчаков, которые занимают часть ареала сросткинской культуры, в первую очередь Кулундинскую равнину и другие степные участки. Последние сросткинские могильники находятся преимущественно в предгорьях и вдоль поймы Оби. В начале XIII в. территорию Лесостепного Алтая завоевывают монголы (1207 г.), и здесь складывается новая общность, получившая название кармацкой культуры, одним из основных компонентов которой становятся потомки сросткинского населения.

Наиболее сложной проблемой в изучении сросткинской культуры является определение ее компонентов, которые трактуются исследователями по-разному. М.П. Грязнов считал сросткинское население тюркским, А.А. Гаврилова – уйгурским. По мнению Д.Г. Савинова [1994], сросткинская культура была полиэтнической государственной культурой кимако-кыпчакского объединения, причем население западных и северных предгорий Алтая связывается им с кыпчакским этносом. В.А. Могильников [1981] полагал, что в формировании сросткинской культуры приняли участие тюрки Горного Алтая и кимаки, ассимилировавшие местные угро-самодийские племена. По А.А. Адамову [1995], сросткинские памятники оставили кыпчаки.

Специфика инвентаря позволяет отличать сросткинский материальный комплекс от других. Она указывает на его тюркские корни в преобладающей степени и в меньшей – на самодийские.

Однако при определении этнокультурных компонентов гораздо более важную информацию дает изучение погребального обряда. На сросткинских некрополях зафиксировано пять способов захоронения людей: ингумация; кремация; ингумация с конем; кремация с конем; ингумация со шкурой коня. Все они могут встречаться на одном кладбище и

Наконечник и бляхи-накладки на уздечный ремень (бронза с позолотой). Грань. МАЭА АлтГУ (колл. №166)

Наконечник уздечного ремня (бронза с позолотой). Белый Камень. МАЭА АлтГУ (колл. №149)

Тройник-распределитель уздечных ремней (бронза с позолотой). Екатериновка-3. МАЭА АлтГУ (колл. №144)

Роговая поясная пряжка.
Боровиково-IV. МАЭА
АлмГУ (колл. №186)

Набор украшений от женского
костюма (бронза с позолотой)

Поясная бляха-
накладка (бронза
с позолотой)

Серьга

Екатериновка-3.
МАЭА АлмГУ (колл. №144)

даже под одной насыпью. Их также объединяет наличие общих черт погребальной обрядности: рядное расположение могил в кургане; восточная ориентация погребенных; надмогильные перекрытия из дерева и бересты; сооружение в «изголовье» могил деревянных столбов. Сами способы захоронений можно связать с определенными этническими компонентами в составе сросткинской общности.

Погребения по обряду ингумации напрямую восходят к традиции предшествующей одинцовской культуры и могут трактоваться как самодийские. Они известны в памятниках всех этапов и численно преобладают над другими типами захоронений. Однако инвентарь этих могил в среднем небогат. Если они находятся в одном кургане с погребениями иного способа, то занимают по отношению к ним окраинное (подчиненное) положение. Погребения по обряду кремации малочисленны и известны только в памятниках инского и грязновского этапов. Они также восходят к самодийской, но более древней кулайской традиции. Она сохранила свои особенности в составе одинцовской культуры, а затем и в рамках сросткинской общности. Погребения по обряду ингумации с конем встречаются в памятниках всех этапов. Этот обряд является отличительной чертой тюркской культурной традиции, и его появление в Лесостепном Алтае связано с миграцией части тюркских племен после падения II Восточно-тюркского каганата. Тюркские могилы содержат богатый инвентарь и занимают в сросткинских курганах центральное (господствующее) положение. Только для данного обряда сооружались большие курганы, диаметром до 30 м. Погребения по обряду кремации с конем пока единичны и выявлены в памятниках инского и грязновского этапов. По инвентарю и положению в курганах они не отличаются от собственно тюркских. Их происхождение может объясняться смешением самодийско-кулайской и тюркской погребальных традиций. Погребения по обряду ингумации со шкурой коня редки и встречены преимущественно в памятниках шадринцевского и змеевского этапов. Данный обряд можно отождествить с кыпчакским этносом. Основная территория его распространения находилась северо-западнее сросткин-

Бляха-подвеска.
Чинета-II. МАЭА АлмГУ
(колл. №185)

Бронзовые поясные пряжки
с железными язычками. Филин-I, Пруд-
ской. МАЭА АлмГУ (колл. №168–169)

Бронзовые застёжки.
Поповская Дача.
МАЭА АлмГУ (колл. №167)

ского ареала, в Барабе и Среднем Прииртышье, вплоть до Южного Урала. С середины X в. часть кыпчаков включается в сросткинское объединение, что могло быть связано с началом территориальной экспансии и необходимостью привлечения дополнительных воинских контингентов. Однако в середине XI в. политическая ситуация меняется. Происходит усиление собственно кыпчакских племен и их широкая миграция на соседние земли в западном и восточном направлениях.

Анализ погребального обряда показывает, что ведущим компонентом в процессе формирования сросткинской общности был пришлый тюркский. Вторым компонентом являлся местный самодийско-одинцовский. Их сочетание и дало начало новому культурному образованию, чей состав можно определить как тюрко-самодийский. Несмотря на длительное совместное развитие (около 450 лет), полного слияния их в один этнос не произошло, что, вероятно, определялось сложившимися социальными отношениями. Помимо двух основных, выделяются еще два компонента сросткинской культуры: самодийско-кулайский и кыпчакский. Причем, судя по хронологии памятников, как бы происходит замена одного из них на другой.

Археологические памятники сросткинской культуры представлены могильниками и поселениями. Курганные могильники сооружались на высоких открытых местах, с хорошим обзором, каковыми являлись речные террасы, возвышенности, большие елбаны. Насыпь кургана возводилась из земли и имела округлую форму. Вокруг нее мог выкапываться ров с входом-перемычкой. Изредка к одной насыпи присыпались еще несколько, и курган приобретал вытянутую неровную форму. В предгорьях для сооружения насыпи зачастую использовался камень. Под насыпью находилась одна или несколько (от двух до пяти) могил, расположенных в ряд. Над могилой устанавливалось перекрытие из продольно-поперечных бревен, плах, досок. Такое перекрытие могло устраиваться и внутри могильной ямы, где оно опиралось на деревянную раму. Для подстилки на дно могилы и для покрытия нередко использовались листы бересты. Обычно в «изголовье» могилы, на некотором расстоянии, вкапывался деревянный столбик; реже несколько столбиков размещалось вокруг погребальной ямы. Грунтовые могильники устраивались на елбанах, расположенных в речной пойме. Их захоронения, кроме отсутствия насыпи, ничем не отличались от курганных.

Сросткинские поселения располагались в речных поймах на елбанах или на мысах коренного берега. Культурный слой их не превышает мощности 30–40 см. На площади поселков находились жилища, хозяйственные постройки, ямы, кострища. Котлован жилища, глубиной 45 см, имел подпрямоугольную форму с немного выступающей предвходовой частью. Стены каркасно-столбовой конструкции, двухскатная крыша – с центральным опорным столбом. Два очага отапливали помещение: один – у входа, второй – ближе к задней стене. В постройках, ямах, кострищах и в меньшей степени просто в слое встречаются целые и разбитые керамические сосуды, отдельные вещи, кости животных.

В хозяйственных занятиях сросткинского населения главная роль принадлежала полукошечному скотоводству, с преобладанием коневодства. В костном материале могильников и поселений наибольшее количество остатков принадлежит лошади. Имеются кости овцы и коровы. Нередки захоронения собаки. Конь, используемый для передвижения, на войне и на охоте, окружался наибольшей заботой. На уровне было и развитие конского снаряжения. Применялась узда из четырех-шести ремней, снабженных тройниками, бляхами-накладками, пряжками, наконечниками, тренчиками, наносными султанчиками и крупными налобными бляхами. Иногда украшали даже поводья. Часто бляхи-накладки имели сквозное ушко, в которое продевалась кисть для дополнительного оформления амуниции. Управляли конем с помощью желез-

*Керамический сосуд. Иня-1.
МАЭА АлтГУ (колл. №145)*

*Керамический сосуд. Чинета-II.
МАЭА АлтГУ (колл. №185)*

Железный казан. Филин-І.
МАЗА АлтГУ (колл. №168)

ных удил с роговыми или железными псалиями разных форм: в виде S-образного стержня или кольца. Седло имело деревянные полки, высокую переднюю луку и более низкую заднюю, оно оформлялось резными накладками из рога и крепилось подпружными ремнями с пряжками. От полок седла шли ремни, охватывающие грудь и круп коня, а нагрудный ремень соединялся с подпружным дополнительным ремнем. Всадник держался в седле на железных стременах с петельчатым или пластинчатым ушком и широкой подножкой с ребром жесткости. В одной из могил были найдены роговые стремена. Для стреноживания коня использовали роговые застёжки-цурки.

Вторым по значению хозяйственным занятием являлась охота, орудиями которой

оставались лук и стрелы с роговыми и деревянными наконечниками. Кости диких животных (лось, косуля, волк, заяц, барсук, бобр, соболь) встречаются на поселениях. Там же есть кости птиц, кости и чешуя рыбы, которые свидетельствуют об охоте на дичь и занятии рыбной ловлей.

Из ремесел следует отметить кузнечное, бронзолитейное, ювелирное и костерезное дело, а также деревообработку и гончарство. Высокой специализации достигла металлургия. Это заметно по широкому ассортименту изделий, а также по существовавшей стандартизации при изготовлении однородных вещей. На поселениях встречаются остатки шлаков, тиглей и сопел от плавильных печей. Местные ювелиры оформляли металлические вещи орнаментом, знали способы горячего и холодного золочения. Значительная часть ремесленных изделий была деталями костюма, в изготовлении которых применялись различные материалы: бронза, серебро, золото, стекло, камень, рог и кость. Мужские пояса снабжались гарнитурой из накладных блях, пряжек, тренчиков, наконечников и распределителей. Разнообразны нательные украшения: серьги, перстни, браслеты, разного рода подвески, ожерелья из бус и бисера. Головные уборы и обшлаги рукавов расшивались разноцветными нитями бисера в виде орнамента. Бляхи из цветных металлов могли нашиваться или подвешиваться на верхнюю одежду, а ее части скреплялись нарядными застёжками. Из предметов туалета в широком обиходе были зеркала, игольники, гребни. Орудия труда (тесла и ножи) и вооружение делались преимущественно из железа. Посуда, за исключением крупных железных казанов, изготавливалась из глины. Ее лепили ручным способом и обжигали на сильном огне, получая различные по размерам керамические плошки, горшки и кувшины.

Набор бронзовой гарнитуры на ремни суголовья.
Филин-І. МАЗА АлтГУ (колл. №160)

за, серебро, золото, стекло, камень, рог и кость. Мужские пояса снабжались гарнитурой из накладных блях, пряжек, тренчиков, наконечников и распределителей. Разнообразны нательные украшения: серьги, перстни, браслеты, разного рода подвески, ожерелья из бус и бисера. Головные уборы и обшлаги рукавов расшивались разноцветными нитями бисера в виде орнамента. Бляхи из цветных металлов могли нашиваться или подвешиваться на верхнюю одежду, а ее части скреплялись нарядными застёжками. Из предметов туалета в широком обиходе были зеркала, игольники, гребни. Орудия труда (тесла и ножи) и вооружение делались преимущественно из железа. Посуда, за исключением крупных железных казанов, изготавливалась из глины. Ее лепили ручным способом и обжигали на сильном огне, получая различные по размерам керамические плошки, горшки и кувшины.

Ранние сросткинские сосуды еще имеют ряд одинцовских признаков: круглодонность, не сильно профилированные венчики, квадратный гребенчатый штамп по шейке и плечикам. Начиная с грязновского этапа,

сросткинские сосуды становятся плоскодонными и в их оформлении закрепляются новые черты: вытянутое подтрапиевидное тулово с округлыми плечиками, короткая шейка, сильно отогнутый наружу венчик с внешним бортиком. Основным элементом орнамента является гребенчатый штамп с треугольными зубьями, а также ряд ямок по шейке. Реже встречаются прочерченные линии, наколы, «жемчужник». Орнаментальные композиции состоят из одного-двух гребенчатых поясов, от которых часто отходят гребенчатые фестоны или треугольники; из поясов и узорных фестонов, выполненных прочерченными линиями; из разных фестонов и треугольников, отходящих от ряда ямок. Зоны орнаментации охватывают венчик сосуда со всех сторон, шейку и верхнюю часть тулова.

Новой страницей в изучении сросткинской культуры стало открытие первого памятника с рунической надписью. Такая находка сделана Ю.И. Гельмелем в 2004 г. при аварийных раскопках на курганном могильнике Архангельское (Славгородский район Алтайского края). Руническая надпись была нанесена на лицевую поверхность роговой накладки лука. Там различимо 12 знаков, расположенных в одну строку и выполненных тонкими резными линиями. Палеографические особенности надписи показывают присутствие в ней специальных знаков орхонского и енисейского алфавитов. Это характерно и для многих надписей из Горного Алтая. Орхонское письмо принадлежит тюркам, появившимся в Лесостепном Алтае после 744 г. Енисейское письмо связывается с кыргызами, чье активное культурное влияние на сросткинское население становится возможным после 840 г. На сегодняшний день надпись из могильника Архангельское является самым северным памятником рунической письменности и пока единственным в ареале сросткинской культуры. Ее обнаружение свидетельствует о знакомстве и применении населением Лесостепного Алтая в раннем средневековье тюркоязычной письменной традиции. Импортный характер надписи исключается, поскольку она нанесена на предмет местного производства. Такие срединные тыльные накладки характерны для сложносоставных луков «сросткинского» типа.

Военное дело было наиважнейшей сферой жизнедеятельности сросткинского населения. Комплекс вооружения сросткинской культуры включал развитые средства защиты и нападения. Индивидуальная защита воинов состояла из панцирей и шлемов. Панцири собирались из железных пластин, соединение которых производилось через систему сквозных отверстий при помощи кожаных ремешков или тесьмы. Археологические находки представлены именно такими пластинами, имевшими овально-прямоугольную форму. Наиболее распространенным покровом панциря являлась «катафракта», состоявшая из нагрудника с двухчастным подолом и наспинника, соединенных оплечными и боковыми ремнями. К оплечным ремням часто крепились лопастевидные нарукавья. Еще один покров панцирей – это «халат». Он кроился из одной части со сплошным вертикальным разрезом впереди и разрезом от крестца до края подола, удерживался на плечах ремнями и шнуровался на груди до пояса. Сросткинские воины были знакомы и с кольчатой броней – кольчугами. Шлемы собирались из железных деталей, которые крепились между собой при помощи металлических заклепок. Тулья шлема формировалась из нескольких трапиевидных пластин, дополнительно соединенных наверху и обрубком. Известны шлемы двух основных форм: конические и сфероконические. Для защиты шеи к шлемам крепилась пластинчатая или кольчужная бармица. Еще одним средством защиты являлись щиты. Они имели округлую форму диаметром до 80 см и собирались из деревянных досок.

Для поражения противника сросткинские воины применяли внушительный набор наступательного вооружения. Как и большинство кочевников, они умело пользовались оружием дальнего боя, состоявшим из луков и стрел. Луки по своей конструкции были сложносоставными. Их основа – кибыть – изготавливалась из деревянных деталей, которые усиливались роговыми накладками, обклеивались пучками сухожилий и полосками бересты. В археологических памятниках обычно

Зооморфное украшение поясной сумочки. Екатериновка-3. МАЭА АлтГУ (колл. №144)

Бронзовый игольник. Чинета-II. МАЭА АлтГУ (колл. №185)

Бронзовая китайская монета
«кайюань тунбао». Иня-1.
МАЭА АлтГУ (колл. №145)

находят комплекты накладок на рукоять лука. Весьма разнообразны сросткинские наконечники стрел. Их боевые экземпляры выковывались из железа. Преобладали образцы с трехлопастным и граненым пером. Первые предназначались для поражения незащищенных мест, а последние – для пробивания брони. Хранились и носились стрелы в специальных берестяных футлярах – колчанах. Главную роль в бою у сросткинских воинов играло оружие таранного удара – копьа. Они имели деревянные древки длиной до 4 м и железные наконечники. Среди них выделяются бронбойные экземпляры с узким граненым пером (пики) и универсальные экземпляры с

широким массивным пером (рогатины). Разнообразно и сросткинское оружие ближнего боя. Мечи предназначались для нанесения рубяще-колющего удара и могли иметь двухлезвийный клинок. Более часто использовались мечи с однолезвийным клинком, окончание которого могло быть обоюдоострым. Применяли сросткинские воины и сабли, обладающие еще и режущей функцией. Кинжалы и боевые ножи являлись дополнительным оружием колющего и режущего действия. В правильном бою они почти не применялись, но были обязательным атрибутом воинской экипировки постоянного пользования. Боевые топоры обладали ударно-рубящей функцией и использовались для разрушения доспехов. Кистени с их ударно-дробящим действием служили для контузии бронированного противника.

Наборы вооружения демонстрируют наличие двух основных родов войск: легкой и средней конницы. Комплект легкого всадника состоял из лука со стрелами, коротко-клинкового оружия и иногда мог дополняться мечом или саблей. Набор средней конницы включал воинский доспех из панциря и шлема, щит, копье, меч или саблю, лук со стрелами, боевой нож или кинжал, боевой топор или кистень.

Военная организация населения сросткинской культуры воссоздается на основе археологических материалов. Среди сросткинских памятников можно выделить несколько групп воинских погребений, соответствующих различным военно-иерархическим уровням.

В первую группу входят могилы, содержавшие один или два вида стрелкового (луки и стрелы) и коротко-клинкового (кинжалы и боевые ножи) оружия. Данная группа по наличию небогатого общего состава инвентаря может быть соотнесена с рядовыми воинами и младшим командным составом (на уровне десятников), которые комплектовались в отряды легкой конницы.

Вторая группа состоит из могил, в которых зафиксированы от одного до трех видов стрелкового и коротко-клинкового оружия. Эту группу отличает богатый общий состав инвентаря. Ее можно сопоставить со средним командным составом (на уровне сотников), руководившим отрядами легкой конницы.

К третьей группе относятся могилы, содержавшие один-два вида вооружения. В его составе, помимо стрелкового и коротко-клинкового оружия, есть панцири, копья и длинно-клинковое (мечи и сабли) оружие. Эта группа имеет небогатый общий состав инвентаря и соотносится с рядовыми воинами и младшим командным составом (в ранге десятников), которые комплектовались уже в отряды средней конницы.

В четвертую группу входят могилы, имевшие два-три вида вооружения, среди которого стрелковое оружие, панцири, копья и оружие ближнего боя. Данная группа имеет богатый общий состав инвентаря и соотносится со средним командным составом (на уровне сотников), руководившим отрядами средней конницы.

Украшения конского снаряжения
из местонахождения Плотниково.
МАЭА АлтГУ (колл. №131)

Пятая группа состоит из могил, содержащих три или четыре вида вооружения, которые включали сочетания из панцирей, луков, стрел, копий и мечей. Для этой группы характерен очень богатый общий состав инвентаря, и она может быть сопоставлена с высшим командным составом – тысячниками, руководившими подразделениями средней и легкой конницы.

К особой шестой группе относится очень богатая могила из памятника Гилево-VII, в которой найдено пять видов вооружения: лук, стрелы, копье, меч, кистень. Ее можно сопоставить с рангом главнокомандующего.

Военно-иерархическая структура сросткинского общества включала следующие основные уровни: дружина из рядовых воинов и младших командиров, командный состав среднего и высшего звена, а также институт главнокомандующего. Учитывая, что в создании сросткинского объединения ведущую роль играли тюркские племена, логично предположить, что они принесли свою военную систему и организовали в соответствии с ней покоренное самодийское население. Сросткинское войско должно было комплектоваться по принципам азиатской десятичной системы, а его территориально-административное и боевое деление, очевидно, состояло из центра и двух крыльев.

Тактика сросткинского войска строилась на взаимодействии средней и легкой конницы. Легкая конница образовывала авангард и фланги, применяя обстрел противника с дальней дистанции в рассыпном строю. Средняя конница формировала центр боевых порядков, нанося противнику таранный удар в сомкнутом строю с последующим переходом к ближнему бою. Воины могли вести дистанционный бой и в спешном порядке.

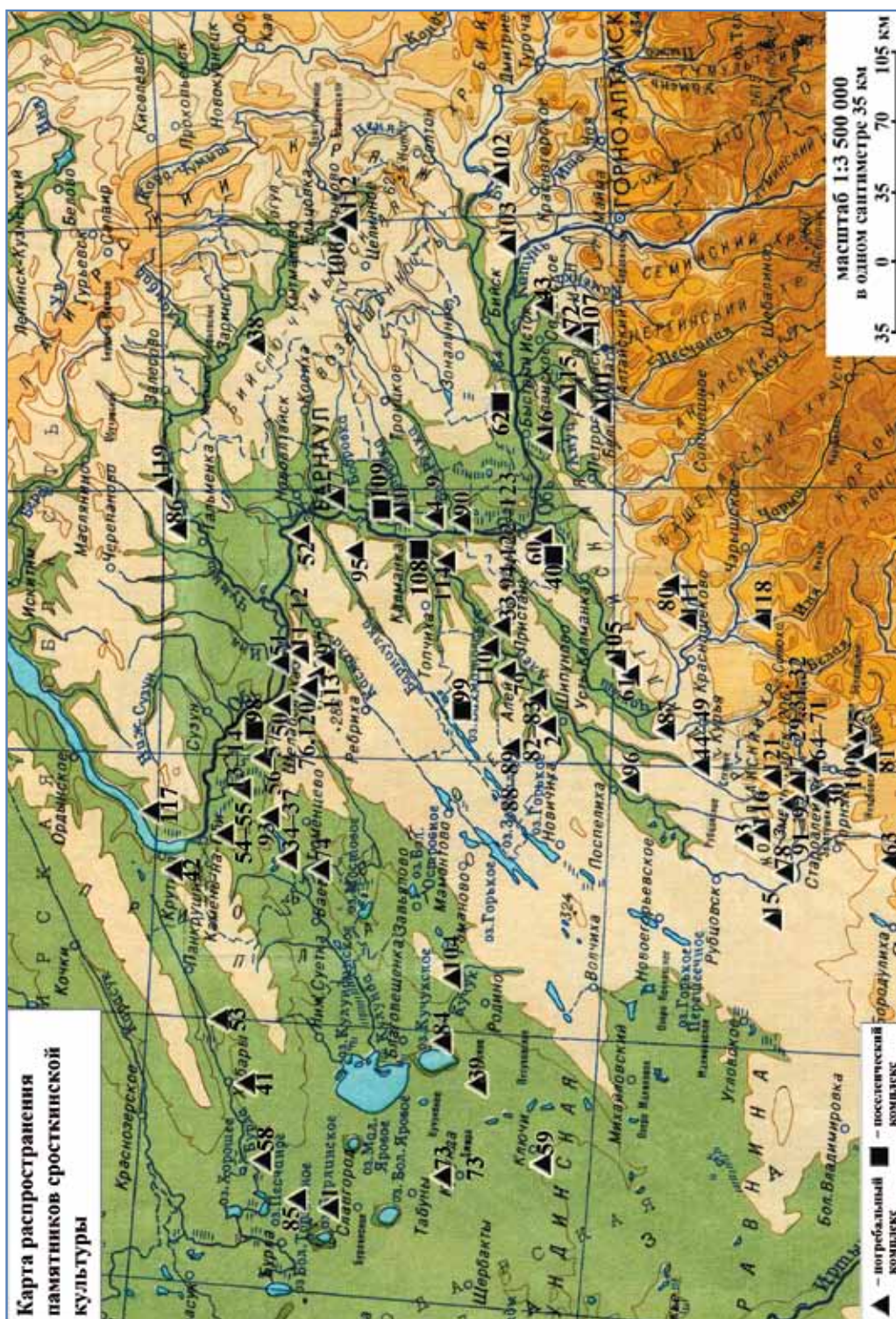
Стратегия военных действий у населения сросткинской культуры во многом зависела от расстановки сил в центрально- и среднеазиатском регионах. В процессе создания нового объединения она носила наступательный характер, направленный на завоевание всей территории Лесостепного Алтая. Достаточно сложная военно-политическая ситуация сложилась во время «великодержавия» Кыргызского и Кимакского каганатов. Чтобы сохранить фактическую независимость своих владений между двумя сильными державами, «сросткинцы» вступили в союз с кыргызами. В этот период их военные силы были направлены на захват и удержание западных и юго-западных рубежей. После образования империи киданей Ляо начинается ослабление Кыргызского и Кимакского каганатов. Это позволило сросткинскому объединению проводить активную наступательную стратегию для завоевания ряда северных и восточных земель. Распад Кимакского каганата и усиление кыпчакских племен, входивших ранее в эту державу, ухудшили военно-политическую ситуацию для сросткинского населения. Широкая миграция кыпчаков на соседние земли вынудила перейти «сросткинцев» к обороне и постепенному оставлению большей части своих владений. С приходом на территорию алтайской лесостепи монголов остатки сросткинского населения подчинились им, видимо, добровольно.

Социальные отношения в сросткинском обществе достигли довольно высокого уровня. Налицо сильная имущественная дифференциация, что хорошо видно из материала могильников. Выделяются погребения с большим количеством инвентаря, среди которого драгоценные и высокохудожественные вещи, импортные изделия. В такие могилы укладывали по несколько лошадей или комплектов конского снаряжения. Наряду с ними, встречаются захоронения безинвентарные, совершенные небрежно. Между двумя полярными группами находится целая серия промежуточных. Уровень «обеспеченности» напрямую не связан с половозрастными признаками. Конечно, чаще более насыщены находками мужские захоронения и менее – женские и детские. Однако встречаются «богатые» женские и детские погребения. Различия наблюдаются и между отдельными курганами, содержащими по несколько могил. Так, есть курганы, где все могилы, в том числе и центральная, «бедные». В других же центральное погребение «богатое», а остальные хорошо обеспечены вещами. Сильная разница в данной дифференциации может быть и в могилах одного кургана. Таким образом, хорошо фиксируется несколько социальных слоев общества: знать, рядовое население различного профессионально-имущественного статуса и самое низшее, возможно, невольники. Родовая организация еще сохранялась, о чем свидетельствует сооружение крупных кладбищ. Преобладают, однако, малые курганные группы, характерные для семейных усыпальниц. Такая ситуация предполагает существование политической организации раннегосударственного типа.

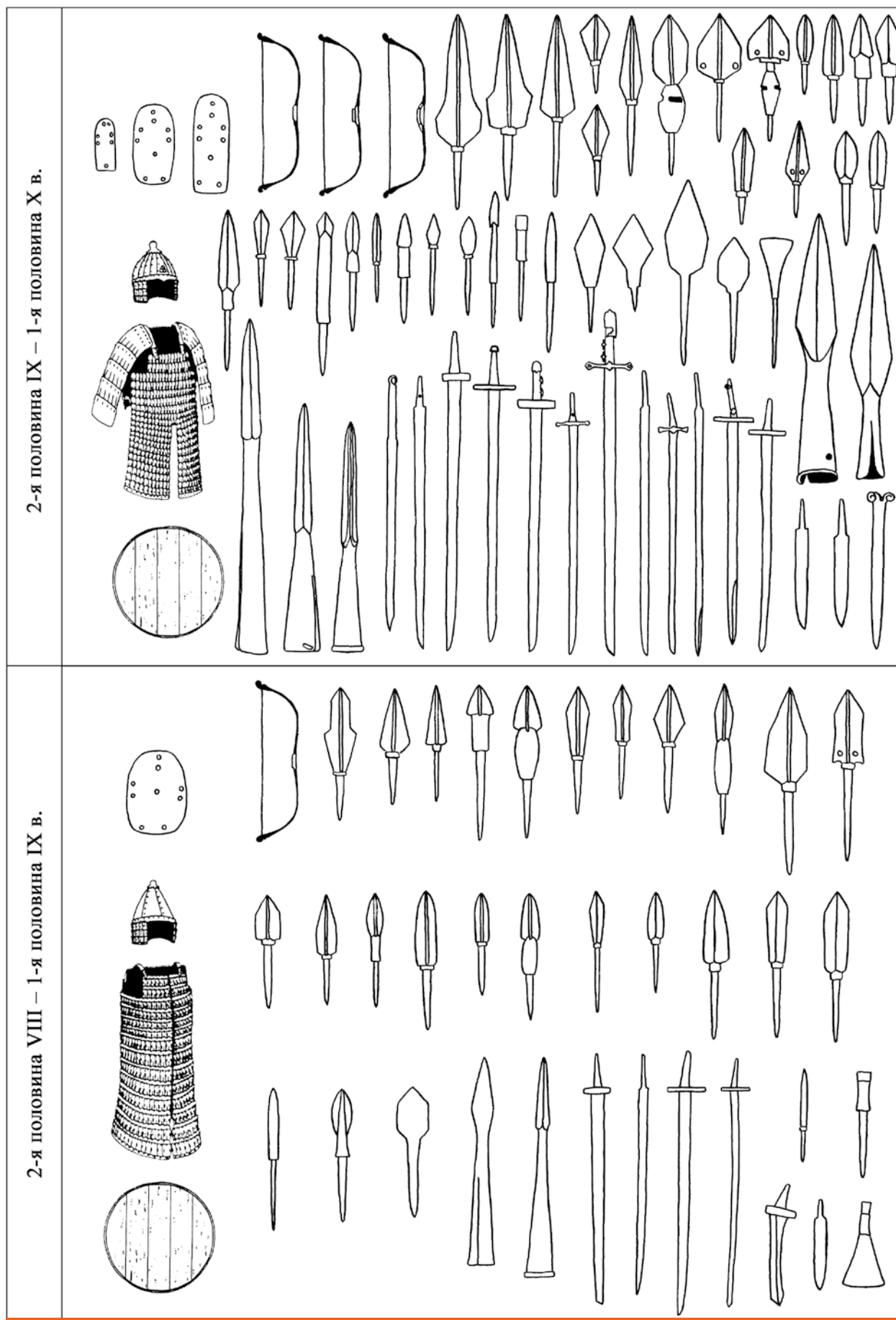
Кроме рассмотренных материалов, при изучении сросткинской культуры необходимо учитывать влияние на нее соседних государственных объединений Кыргызского и Кимакского каганатов, особенно в эпоху их «великодержавия» (850–950 гг.). Однако степень этого воздействия, исходя из современной изученности сросткинских памятников, не выходила за рамки военных и торговых контактов и не позволяет говорить о вхождении сросткинского населения в состав какого-либо из этих каганатов. Скорее всего, сросткинское объединение представляло собой на юге Западной Сибири своеобразную «третью силу», наименование которой еще не раскрыто.

ЛЕГЕНДА КАРТЫ

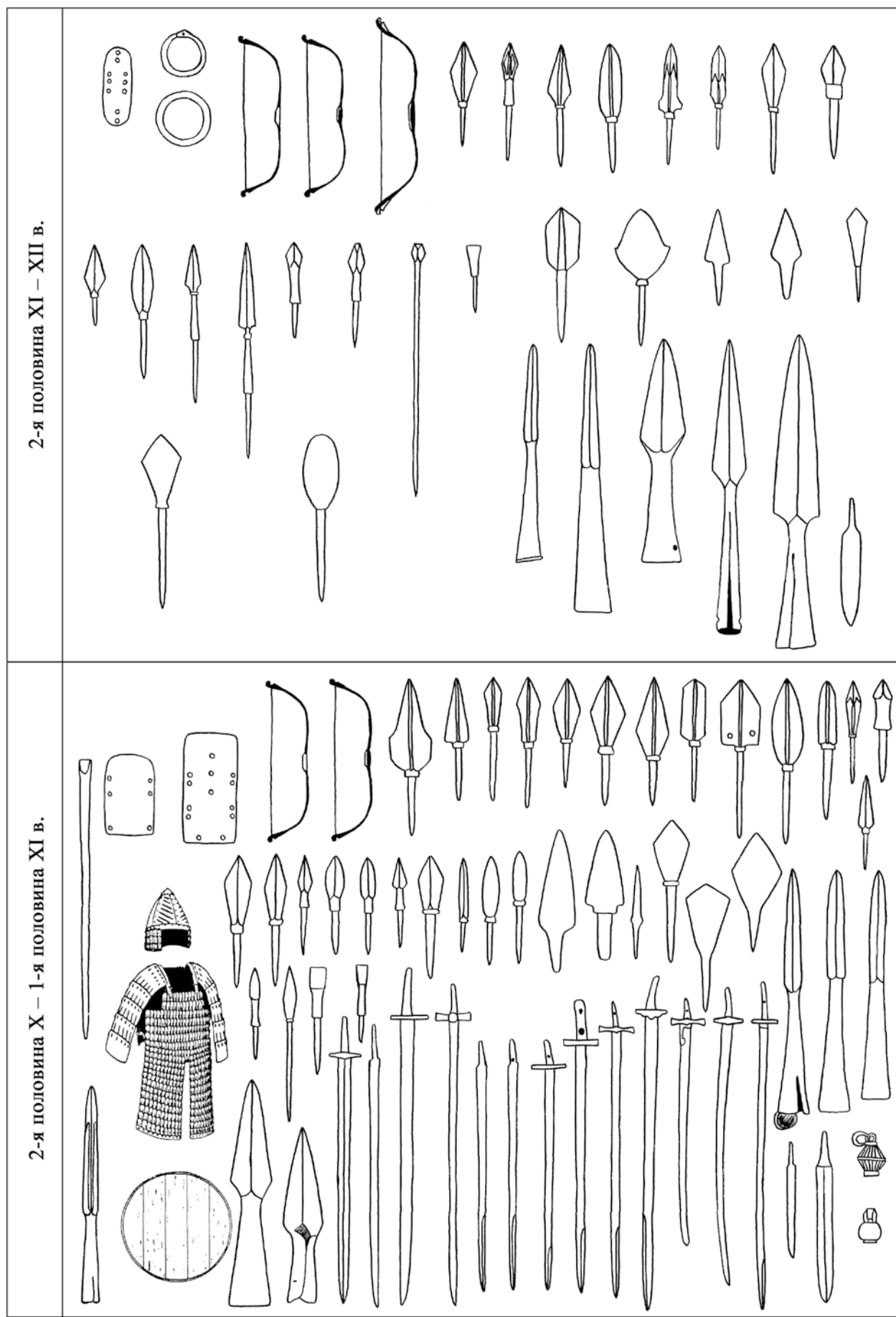
- 1 – Архангельское;
- 2 – Барчиха;
- 3 – Белый Камень;
- 4–9 – Ближние Елбаны-V–IX, XVI;
- 10 – Борковский Елбан-6;
- 11–12 – Боровиково-IV–V;
- 13 – Быково;
- 14 – Быково-IV;
- 15 – Веселоярск;
- 16 – Восход-I;
- 17–31 – Гилево-I–IX, XI–XVI;
- 32 – Гилево-II;
- 33 – Грань;
- 34–37 – Грязново-I–IV;
- 38 – Дмитритово;
- 39 – Екатериновка-3;
- 40 – Елбанка;
- 41 – Займище;
- 42 – Заковряшино;
- 43 – Змеевка;
- 44–49 – Ивановка-III, IX, XVII,
- XX, XXIV, XXVI;
- 50 – Ильинка;
- 51 – Иня-1;
- 52 – Казачий Взвоз;
- 53 – Кайгородка-V;
- 54–55 – Камень-I–II;
- 56–57 – Кипринский Борок-7, 7а;
- 58 – Кирилловка-V;
- 59 – Ключи;
- 60 – Коловый Мыс;
- 61 – Комаришинский карьер;
- 62 – Комарово-5;
- 63 – Кондратьевка-IV;
- 64–71 – Корболиха-I–V, VII–X;
- 72 – Кукушкин Елбан-2;
- 73 – Кулунда;
- 74 – Кулундинская волость;
- 75 – Кураевка-I;
- 76 – Кучук-1;

77 – Лесной;	86 – Новотроицкое-I;	97 – Рогозиха-I;	106 – Татарские Могилки;	115 – Хлебоборный
78 – Луговское-1;	87 – Новофисово-VII;	98 – Селезневский Борок;	107 – Точильное-5;	Елбан-I;
79 – Мало-Панюшово;	88–89 – Обьездное-1–2;	99 – Серебренниково-3;	108 – Троицк-3;	116 – Черный Камень;
80 – Маралиха;	90 – Осинки;	100 – Сибирь;	109 – Тузовские Бугры-2;	117 – Чингис-2;
81 – Михайловка;	91–92 – Павловка-I–II;	101 – Солоновка;	110 – Успеновка-II;	118 – Чинета-II;
82 – Нечунаево-3;	93 – Плотниково;	102 – Солонцы-4;	111 – Усть-Козлуха;	119 – Шадринцево-1;
83 – Нечунаевский Елбан-2;	94 – Поповская Дача;	103 – Сростки-I;	112 – Усть-Шамониха-I;	120 – Шелаболиха-3;
84 – Нижний Кучук-VII;	95 – Прудской;	104 – Степной Кучук-1;	113 – Филин-I;	121 – Щепчиха-1;
85 – Николаевка;	96 – Поспелихинский;	105 – Сурия Сопка;	114 – Хабазино-4;	122–123 – Яровское-III, V

Комплекс вооружения сросткинской культуры,
инской и грязновский этапы (по: [Горбунов, 2006])

Комплекс вооружения сросткинской культуры, шадринцевский и змеевский этапы (по: [Горбунов, 2006])

Контрольные вопросы

1. Кем и когда выделена сросткинская археологическая культура?
2. Приведите мнения ученых по оценке сросткинской культуры.
3. Охарактеризуйте хронологические рамки и основные этапы в развитии сросткинской культуры?
4. Какие находки позволяют обозначить границы первых двух этапов?
5. Какие разновидности погребального обряда отмечаются в памятниках сросткинской культуры?
6. Очертите ареал распространения сросткинской археологической культуры. Укажите, каким образом он изменялся на различных ее этапах?
7. С какими историческими событиями соотносится время существования сросткинской культуры?
8. Раскройте мнения исследователей по вопросу этнокультурных компонентов сросткинской культуры.
9. Какие способы погребения зафиксированы на сросткинских некрополях?

Задания

Задание 1. Внимательно изучите карту памятников сросткинской культуры. Сравните ареал распространения культуры на каждом этапе ее развития. Сделайте вывод о территориальном распространении культуры.

Задание 2. Прочитайте фрагмент статьи С.В. Неверова и В.В. Горбунова «Курганный могильник сросткинской культуры Шадринцево-1». Охарактеризуйте особенности планиграфии памятника, погребального обряда и предметов материальной культуры. Попытайтесь сформулировать суждение о том, почему данный археологический комплекс служит эталоном для обозначения целого этапа сросткинской культуры.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сросткинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 163–191.

В 1979 г. археологическим отрядом АлтГУ была раскопана группа курганов у с. Шадринцево Тальменского района Алтайского края. Курганный могильник Шадринцево-1 расположен в 300 м к юго-западу от села на кромке небольшого лесного массива, протянувшегося вдоль обрыва коренной террасы правого берега Чумыша. В состав могильника входит восемь курганов.

Курганы №1 и 2 выделяются своим расположением, размерами и высотой насыпей. К юго-западу от кургана №1 находится цепочка из четырех малых курганов № 3–6, вытянутая по линии 3–В. К югу от кургана №2 аналогичная цепочка из двух курганов № 7–8. В ходе работ исследованы курганы № 1, 3–6.

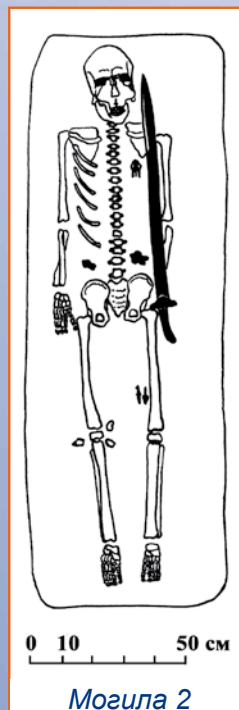
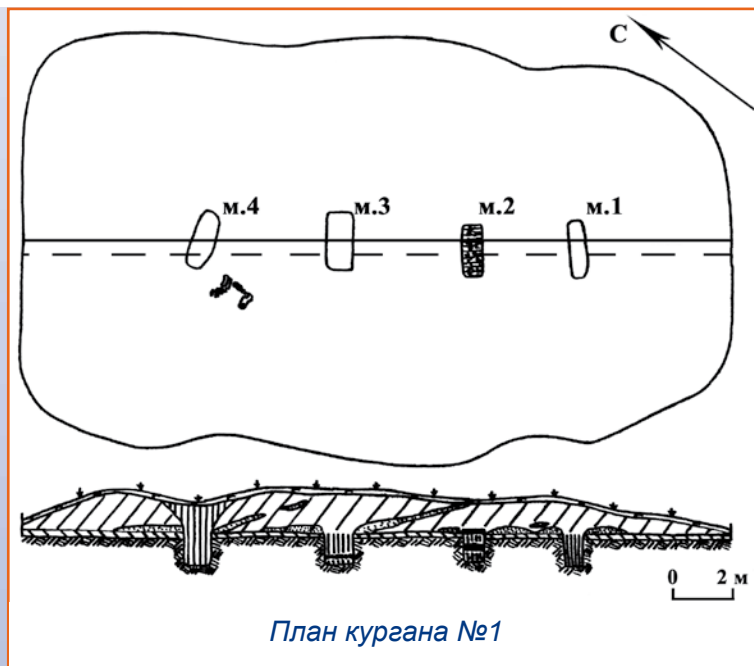
Курган №1. Имел земляную насыпь сложной формы, вытянутую по линии ЮВ–СЗ. Средние размеры 24х14 м, высота до 1,3 м (здесь и далее высоты и глубины даются от уровня древней поверхности). Уже при визуальном осмотре создалось впечатление, что это не одна цельная насыпь, а три, слившиеся вместе в результате последовательной подсыпки. При снятии стратиграфмы бровки это подтвердилось. Насыпь кургана состояла из гумусированной супеси темно-серого цвета, сверху задернованной гумусом мощностью 0,05–0,07 м. В ее разрезе, к северо-западу и юго-востоку от могил 1 и 2, хорошо были видны прослойки супеси светло-желтого цвета, мощностью 0,2–0,25 м. Это материковый выкид из могил, наложившийся на древнюю поверхность – супесь светло-серого цвета, мощностью 0,11–0,25 м. Такой же выкид наблюдался к северо-западу от могил 3 и 4. К юго-востоку от них прослежены аналогичные прослойки, но идущие наклонно снизу вверх. Расположение и форма этих материковых прослоек говорят о том, что они оставлены в результате выброса из могил на поверхность ранее сооруженных насыпей. Последовательность возведения насыпей можно представить следующим образом. Могилы 1 и 2 являются наиболее ранними. Они вырыты одновременно и перекрыты одной,

первой, насыпью. Позднее с северо-западной стороны этой насыпи была приготовлена могила 3 и над ней сделана дополнительная, вторая, насыпь. Последняя, третья, насыпь была досыпана после совершения погребения в могиле 4. Под этой же насыпью, к югу от могилы 4, на уровне древней поверхности находилось захоронение коня.

Могила 1. Находилась в юго-восточной части кургана в 5 м от его края. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии ЮВ–СЗ с незначительным отклонением к северу, средние размеры 2х0,64 м, глубина 1,1 м. На дне ее лежал скелет человека, вытянуто, на спине, головой на северо-восток. При нем был найден следующий инвентарь: с внешней стороны плечевой кости левой руки остриями к черепу – четыре железных наконечника стрел, здесь же, напротив локтя, – железная панцирная пластина, у локтя правой руки – железный нож, ниже фаланг правой руки – обломок железного предмета, а у фаланг правой ноги – обломок звена железных удил. Между тазовыми костями и ниже, как бы в продолжение позвоночника, лежал хребет барана. Отдельные позвонки этого животного находились по сторонам берцовой кости левой ноги.

Могила 2. Располагалась в 3 м к северо-западу от первого погребения. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии ЮВ–СЗ, средние размеры 1,8х0,62 м. На уровне древней поверхности расчищено поперечное перекрытие из 14 березовых жердей диаметром 0,1–0,15 м. Под ним, на глубине 0,53 м, лежали череп и нижние части ног лошади с копытами. Здесь была захоронена шкура коня головой на юго-запад... Сразу же под костями лошади расчищено продольное перекрытие из четырех березовых жердей диаметром до 0,2 м. Поверхность перекрытия была выстелена берестой в 1–2 слоя. Далее, на глубине 0,93 м, обнаружилось дно могильной ямы. Здесь лежал скелет человека, вытянуто, на спине, головой на северо-восток. При нем находился следующий инвентарь: вдоль костей левой руки острием к черепу – железный меч, в области грудной клетки, слева, у ключицы, остриями к черепу – три железных наконечника стрел, справа от бедренной кости левой ноги остриями к стопам – два железных наконечника стрел, выше обоих крыльев таза – две бронзовые пряжки с остатками железных язычков. По сторонам от колена правой ноги лежали позвонки барана.

Могила 3. Находилась в 3,6 м к северо-западу от второго погребения. По форме это прямоугольная яма, ориентированная по линии ЮВ–СЗ, средние размеры 2,03х0,85 м. На глубине 0,65 м обнаружено продольное перекрытие из 6 березовых жердей диаметром 0,12–0,15 м, внешняя поверхность которого сильно обожжена. Под ним, на дне, на глубине 1 м ближе к северо-западной стенке могилы лежал скелет человека, вытянуто, на спине, головой на северо-восток. Вдоль правой ноги погребенного был уложен берестяной колчан. В нем находилось шесть наконечников стрел: три остриями вверх и три остриями вниз. На колчане лежали бронзовые кольца с остатками ремней и бронзовых блях и железное тесло. У ладони правой руки расчищен железный нож с обломанным лезвием. Выше левого крыла таза находились бронзовая пряжка с железным язычком и бронзовый тренчик. Справа от черепа обнаружен предмет из рога, похожий на трепало (?).

Могила 4. Находилась в 3,65 м к северо-западу от третьего погребения. В насыпи над этой могилой виднелась впадина от грабительского колодца, который хорошо фиксировался в разрезе. Грабительский шурф почти точно попал в могилу, лишь немного расширив ее юго-восточную сторону. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии ЮВ–СЗ, с незначительным отклонением к востоку, средние размеры 2,1х0,86 м, глубина 1,05 м. Инвентарь и кости человека в могиле разбросаны и частично переломаны. Первоначальное положение сохранили фрагмент берцовой кости правой ноги и локтевая и лучевая кости правой руки, а также, очевидно, фрагменты крыльев таза. По их положению можно заключить, что погребенный был уложен вытянуто, на спине, головой на северо-восток. От черепа остались нижняя челюсть и затылочная кость, в северо-восточной части могильной ямы. Здесь же группировались кости рук, ключицы и ребра. Позвонки были разбросаны по всей яме. Большая часть инвентаря находилась тоже в северо-восточной части могилы. Это – железное стремя, обломанные бронзовые наконечники ремней, бронзовые бляхи, некоторые с остатками кожаных ремней, костяная застежка, фрагмент серебряного зеркала, половинка бронзового игольника. Ближе к центру могилы лежал обломок железного звена удила. В юго-западной части могильной ямы обнаружено железное стремя и костяная пряжка.

Захоронение коня. Находилось под третьей насыпью, в 0,8 м к югу от юго-восточной стенки четвертого погребения. Захоронение было совершено на уровне древней поверхности, без ямы. Скелет коня состоял из костей таза с задними ногами, вывернутыми в суставах и черепа с шейными позвонками. Обе части туши как бы имитировали целую лошадь, уложенную на боку, головой на юг, морда повернута к юго-западу. На голове коня была надета узда, от которой сохранился полный набор бронзовых блях, наконечников ремней и налобная бляха с остатками кожаных ремней. Во рту находились железные удила с псалиями.

Список литературы к разделу

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. 256 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.
- Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. I. С. 37–42.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Горбунов В.В. Могучие племена «сросткинцев» // Наследие народов Российской Федерации: Алтайский благодатный край. М.: НИИЦентр, 2007. С. 45–48.
- Горбунов В.В., Гельмелъ Ю.И. Руническая надпись из погребения сросткинской культуры в Кулундинской степи // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 69–77.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 162 с. + прил. (МИА. №48).
- Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. 116 с.
- Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации населения сросткинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VIII–XII вв. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 24 с.
- Могильников В.А. Тюрки. Кимаки. Сросткинская культура. Карлуки. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 29–46, 189–200.
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- Неверов С.В. История племен сросткинской культуры в VIII–XII вв. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. 19 с.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сросткинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 163–191.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 176–178.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.
- Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. 215 с.

КЫРГЫЗСКАЯ КУЛЬТУРА НА АЛТАЕ

Кыргызы появились на Алтае во 2-й половине IX в. Это произошло после разгрома в 840 г. Уйгурского каганата и захвата Центральной Азии. Культура енисейских кыргызов сформировалась в Минусинской котловине. В ходе успешной военной политики кыргызы смогли подчинить народы, проживавшие на территории Алтая, Тувы и Монголии.

Эпоха «великодержавия» (термин введен в научный оборот выдающимся ученым В.В. Бартольд) Кыргызского каганата датируется 840 – около 950 гг. и связана с целым рядом событий, в которые были вовлечены разные народы Южной Сибири. Археологических памятников «культуры енисейских кыргызов» в Горном Алтае зафиксировано немного, что является отражением специфики этнокультурной ситуации. По мнению Л.Р. Кызласова [1969], Алтай был завоеван кыргызами в IX в., хотя местные тюркские племена продолжали проживать на своих местах. Существует несколько иная интерпретация этнополитической ситуации в рассматриваемое время [Кубарев, 1998].

Период «великодержавия» кыргызов был довольно кратким, но его внутреннее содержание и последствия оказались настолько глубоки, что обозначилась необходимость выделения его в качестве самостоятельного исторического этапа [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 263]. По мнению Ю.С. Худякова [1989], «...это был поистине «звездный час» кыргызской истории, время поразительных успехов кыргызского оружия, распространения кыргызской культуры по обширным пространствам степной Азии».

Впервые народ северного происхождения, создавший высокую культуру в бассейне Среднего Енисея, стал играть решающую роль в делах своих южных соседей. После разгрома Орду-Балыка, вслед за отступавшими уйгурами, кыргызы заняли территорию Монголии и Джунгарии. В 841–842 гг. ими были захвачены крупные города Восточного Туркестана – Бешбалык и Куча, а в 843 г. – Аньси и Бэйтин. В 847–848 гг. экспансия кыргызов была направлена в сторону Забайкалья против племен шивэй. Там укрылись остатки разгромленных уйгуров. В результате к середине IX в. границы военно-политического и культурного влияния енисейских кыргызов резко расширились, что и нашло отражение в письменных и других источниках, относящихся к тому времени. Очертилась огромная территория – от Прибайкалья на востоке до отрогов Тянь-Шаня на западе. Родина енисейских кыргызов – Минусинская котловина – стала северной окраиной обширной империи [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 261–265].

На Алтае зафиксировано очень мало памятников времени распада Кыргызского каганата на отдельные княжества. Ю.С. Худяков [1990] называет данный период (XI–XII вв.) «эпохой сууктэр» и относит к нему курганы на могильнике Ак-Таш и поселение Куях-Танар. По его мнению, кыргызское владычество в Горном Алтае завершилось в начале XIII в., т.е. в ходе монгольских завоеваний.

Имеющиеся в настоящее время сведения позволяют рассмотреть ряд вопросов, связанных с изучением обнаруженных и исследованных объектов, которые отличаются от тюркских и других комплексов раннего и развитого средневековья.

На территории Горного Алтая и в предгорьях исследованы памятники, в которых зафиксированы захоронения с обрядом «трупосожжения на стороне». Одна часть из них отнесена к кыргызской культуре, а другая – к сросткинской. В связи с существующей проблемой культурно-хронологической идентификации таких погребений есть смысл указать основные памятники с объектами отмеченной особенности. Важной стороной такого представления станет возмож-

*Кыргызский тяжеловооруженный всадник.
Реконструкция М.В. Горелика*

ность для адекватного понимания процессов взаимодействия кочевников разных природно-ландшафтных зон Алтая в период раннего средневековья.

Хорошо известный памятник Сростки у одноименного села в живописном месте на правом берегу Катунь в 1925 г. начал копать без ведения необходимой документации сотрудник Бийского краеведческого музея М.Д. Копытов. В том же году отрядом Алтайской археологической экспедиции Русского музея (начальник С.И. Руденко) под руководством М.Н. Комаровой изыскания там были продолжены. В 1930 г. исследования на некрополе осуществлялись уже С.М. Сергеевым, который указал на наличие примерно 60 погребальных сооружений. Курганы с трупосожжением зафиксированы на одном могильном поле с разновременными объектами, в которых отмечена ингумация, характерная для захоронений носителей сросткинской культуры. В двух курганах, раскопанных М.Н. Комаровой, с сожжениями найдены остатки трупоположения. Зафиксированы и другие особенности. Однозначная трактовка обозначенной ситуации исследователями не определена, хотя указана схожесть погребальной традиции с трупосожжениями енисейских кыргызов. Причина этого заключается в неполноценности всей информации о памятнике. Прояснение могли бы дать сплошные раскопки на комплексе с учетом имеющихся материалов.

В 1939 г. Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством М.П. Грязнова исследовала несколько разновременных объектов, в том числе два кургана с кремациями, на крупном некрополе, который расположен в долине слияния рек Яконур, Бургасть и Имеген, недалеко от с. Яконур (Усть-Канский район Республики Алтай). Из сопроводительного инвентаря обнаружены предметы вооружения, снаряжения верхового коня и другие вещи. Захоронения кургана №1 отнесены к яконурскому этапу кыргызской культуры, а курган №4 – к ак-ташскому [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 163].

В 1968–1969 гг. экспедицией ИИФФ СО АН СССР и Кемеровского государственного педагогического университета исследованы два кургана (№9 и 27) с трупосожжением в 12–17 км к югу от с. Акташ (Улаганский район Республики Алтай), на правом берегу Чуи. Материалы памятника Ак-Таш послужили основой для выделения на Алтае ак-ташского этапа (2-я половина X – XI в.) кыргызской культуры.

Комплекс объектов различных исторических периодов Узунтал-XIII расположен в Сайлюгемской степи возле с. Кокоря (Кош-Агачский район Республики Алтай). В 1972 г. курган с трупосожжением исследован экспедицией ЛГУ под руководством Д.Г. Савинова [1980]. Он был зафиксирован с северной стороны от цепочки пазырыкских погребальных сооружений. В слое угля, пепла и кальцинированных костей найдены два стремени, удила, кольца, пряжка, нож, проколка и набор бронзовых украшений. Полученные материалы относятся к яконурскому этапу кыргызской культуры.

«Кинжал» и тесло из кыргызских погребений на памятнике Чинета-II (по: [Тишкин, Дашковский, 2008])

Украшения узды из кыргызского погребения на памятнике Чинета-II. МАЭА АлтГУ (колл. №185)

В связи со строительством Гилевского водохранилища в 1971–1976 гг. исследования памятников проводились Алейской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством В.А. Могильников. В результате у с. Гилево (Локтевский район Алтайского края) был раскопан 21 курган с трупосожжением на могильниках Гилево-I–V [Могильников, 2001, с. 80]. На памятнике Гилево-XV в двух курганах находилось по одному впускному погребению с кремацией, а на некрополе Гилево-IX зафиксирована выкладка, лишь предположительно связанная с трупосожжением [Могильников, 2001, с. 122–127]. Сопроводительный инвентарь в основном представлен предметами вооружения и снаряжения верхового коня.

Наконечники стрел из кыргызских погребений на памятнике Чинета-II. МАЭА АлтГУ (колл. №185)

Группа из семи курганов, обозначенная как памятник Корболиха-II, располагалась на правом коренном берегу Алея между селами Гилево и Корболиха (Третьяковский район Алтайского края). В процессе работ Алейской экспедиции ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова [2001, с. 127–130; 2002, с. 48] наряду с другими объектами там исследован курган №7 с кремацией. Могильник Корболиха-VIII, состоявший из девяти объектов, находился на возвышении правого берега Алея. В 1,2 км от этого места к юго-востоку располагается с. Корболиха. Раскопки осуществлялись той же экспедицией. В курганах №5 и 8 (1-а) встречено по одному впускному погребению с кремацией [Могильников, 2001, с. 130–135; 2002, с. 53–56]. Неподалеку от этого комплекса расположен памятник Новифирсово-VII (Курынский район Алтайского края). Могильник был открыт Ю.П. Алехиным, который в 1983–1984 гг. раскопал там четыре кургана. По сведениям исследователя, в двух объектах под одной насыпью с кимакскими захоронениями оказались погребения енисейских кыргызов [Алехин, 1990].

В 1978 г. археологической экспедицией ГАНИИИЯЛ на памятнике Быжынты, который находится в 9 км к северо-западу от с. Яконур (Усть-Канский район Республики Алтай), раскопан потревоженный курган №19 с предметным комплексом кыргызского времени, найденным на уровне древнего горизонта.

В 1980–1981 гг. исследования памятников раннего железного века и средневековья в окрестностях с. Кара-Коба (Онгудайский район Республики Алтай) осуществляла Алтайская экспедиция ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова. В ходе проведения работ на памятнике Кара-Коба-I были выявлены два погребения (курганы №31, 47) по обряду кремации, одно из которых являлось впускным. Сопроводительный инвентарь состоял из предметов снаряжения лошади, которые находят аналогии в памятниках кыргызов.

Уздечный распределитель ремней из насыпи кургана с трупосожжением. Михайловка. МАЭА АлтГУ (колл. №148)

В связи со строительством Катунской ГЭС на Алтае проводились масштабные археологические работы. Выявлены два памятника, относящихся к кыргызской культуре. Разновременная курганный группа Бийке входит в состав Бийкенского археологического микрорайона и располагается на правом берегу Катунь в 8 км от с. Еланда по дороге в с. Куюс (Чемальский район Республики Алтай). В 1989–1992 гг. исследования этого комплекса осуществлялись экспедицией АлтГУ. В результате проведенных работ раскопан курган №21 с трупосожжением, предварительно отнесенный к яконурскому этапу кыргызской культуры [Тишкин, Горбунов, 2005]. Памятник Кок-Эдиган зафиксирован на высокой террасе правого берега Эдигана, в 6 км от устья и в 2 км от с. Эдиган (Чемальский район Республики Алтай). Курган с трупосожжением находился восточнее

цепочки объектов пазырыкской культуры. В процессе исследования погребения обнаружены предметы вооружения и снаряжения лошади [Худяков, 2003].

В ходе планомерных изысканий на территории Северо-Западного Алтая также получены материалы кыргызской культуры. В 1999 г. экспедиция АлтГУ под руководством П.К. Дашковского [2001] исследовала курган №8 на могильнике Коргон-I, который находится в 3 км к югу от с. Коргон (Усть-Канский район Республики Алтай), на левом берегу одноименной реки. При раскопках погребения с трупосожжением обнаружены железные наконечники стрел и распределитель ремня, характерные для яконурского этапа кыргызской культуры (2-я половина X – XI в.). Кроме этого, получены дополнительные материалы по интересующему периоду средневековья. Следующая курганная группа с кремированными погребениями находилась в 1 км к юго-юго-востоку от с. Чинеты (Краснощековский район Алтайского края), на второй надпойменной террасе Ини. В начале 2000-х гг. на памятнике, имевшем обозначение «Чинета-II», осуществлялись раскопки археологической экспедицией АлтГУ под руководством А.А. Тишкина и П.К. Дашковского. В настоящему времени там исследованы четыре кургана (№10–13) с обрядом кремации. Они расположены рядом с захоронениями носителей сросткинской культуры. Еще одно впускное погребение ранее зафиксировано П.К. Дашковским при раскопках объекта №1, отнесенного к сросткинской культуре. Полученные материалы частично опубликованы [Тишкин, Дашковский, 2008]. На памятнике Чинета-II находились объекты двух выделенных этапов кыргызской культуры. Обнаружены захоронения, яркой особенностью которых является сожжение умерших людей и помещение праха под каменную насыпь кургана на поверхность земли или в небольшое углубление. Вместе с телом человека на погребальный костер попадали и личные вещи.

Кроме представленных комплексов, захоронения с трупосожжениями найдены в Верхнем Прииртышье. Имеются также и другие указания на существование подобных памятников на Алтае. Например, на территории северо-западных предгорий на памятнике Михайловка раскопан курган, особенностью которого является наряду с трупосожжением человека наличие полного скелета лошади. В его насыпи был обнаружен распределитель ремней конской узды.

По мнению С.В. Неверова и В.В. Горбунова [2001, с. 177–178], зафиксированная кремация умерших воинов-дружинников на ранних этапах сросткинской культуры восходит к «...самодийской, но более древней кулайской традиции», а единичные захоронения по обряду трупосожжения с конем отражают процесс смешения «самодийско-кулайской и тюркской погребальных традиций». Д.Г. Савинов [1998, с. 134–135] считает, что часть зафиксированных трупосожжений в предгорьях Алтая, «несомненно, относится к енисейским кыргызам, проникшим на территорию расселения кимако-кыпчакских племен». Нахождение таких захоронений в пределах одного могильника «...следует рассматривать как явное свидетельство их совместного проживания». Подобная ситуация отмечена на нескольких археологических комплексах (Сростки-I, Чинета-II и др.). Расположение кыргызских курганов в центральной части памятника рядом с почти синхронными им сросткинскими свидетельствует об относительно мирном сосуществовании обеих групп населения. Сходство наблюдается при рассмотрении курганных групп Гилево-I–IV, где на одном поле соседствуют погребения сросткинской и кыргызской культур. В.А. Могильников [2002, с. 123] зафиксированные им в северо-западных предгорьях кремации относил к кыргызским захоронениям. При этом он выделял две группы объектов – раннюю (рубеж VIII – IX – середина IX в.) и

*Материалы из кыргызского памятника
Копенский Чаатас. Государственный
исторический музей (экспозиция)*

Курганные сооружения кыргызской культуры на памятнике Чинета-II (по: [Тишкин, Дашковский, 2008])

Кыргызского каганата. Изучение каждого нового объекта кыргызской культуры представляет большую научную значимость для реконструкции этнокультурных и этногенетических процессов, протекавших в Южной Сибири и Центральной Азии. По мнению Ю.С. Худякова [1990], первым, кто попытался рассмотреть «кыргызские черты» в раскопанных на Алтае памятниках, был С.В. Киселев [1949]. Затем такие исследования стали более или менее систематическими.

В настоящее время И.Л. Кызласов [2001] считает, что уже имеются основания для выявления религиозных центров кыргызов на Алтае. Он указал на существование трех монастырей, представители которых были последователями манихейской религиозной традиции. О существовании таких монастырей, по мнению названного исследователя, свидетельствуют прежде всего находки надписей в таких местонахождениях, как Бичикту-Бом-I, Ялбак-Таш, Кара-Су.

Кроме курганных некрополей, есть данные об обнаружении на территории Алтая археологических объектов кыргызской культуры другого характера (в частности, поселение Куях-Танар, надписи в Мендур-Сокконе, случайные находки и др.). Известны многочисленные вещи, которые имеются в музейных коллекциях Н.С. Гуляева и П.С. Уваровой, а также происходят из раскопок Ледебуря и других путешественников. Косвенным свидетельством принадлежности этих предметов к кыргызским кремациям являются следы пребывания в огне.

Иллюстрацией о взаимоотношениях кыргызов с тюрками служит содержание рунических надписей, найденных у с. Мендур-Соккон. Там сообщаются имена знатного тюрка и кыргыза, которые являлись, возможно, родственниками. Примером ассимиляции и аккультуризации тюрками немногочисленных кыргызов Г.В. Кубарев [1998] считает погребение на Большом Ильгумене у

Остатки кремации под курганной насыпью на кыргызском памятнике Чинета-II (по: [Тишкин, Дашковский, 2008])

позднюю (конец IX – 1-я половина X вв.). Подобная ситуация с расположением кыргызских захоронений наблюдается и в Горном Алтае. По всей видимости, население тюркской и родственной им сросткинской культур воспринималось кыргызами невраждебно. Не исключены и союзнические отношения.

Как уже было сказано, в истории Алтая кыргызский период является слабо изученным. Это связано с тем, что на рассматриваемой территории пока исследовано небольшое количество памятников, которые отражают специфический погребальный обряд, отличавшийся от тюркской традиции. Кроме того, данный регион являлся полупериферией

перевала Балтарган: при наличии вещей кыргызского облика захоронение совершено по обряду трупоположения с конем.

Основная концепция по периодизации культуры енисейских кыргызов представлена в работах Д.Г. Савинова [2005], который выделил основные этапы ее развития. Горный Алтай рассматривается в качестве алтайского локального варианта культуры кыргызов в эпоху «кыргызского великодержавия». Ю.С. Худяков [1990], основываясь на немногочисленных материалах, опубликовал схему эволюции кыргызской культуры на Алтае. Он выделил

два периода: эпоха великодержавия (IX–X вв., памятники – Яконур (курган №1, 4) и Узунтал-XIII) и эпоха сууктэр (XI–XII вв., памятники – Ак-Таш и Куях-Танар). Данная периодизация базировалась на анализе предметного комплекса. Сведения о пребывании кыргызов на Алтае Ю.С. Худяковым [1991, 1993 и др.] изложены в целом ряде работ. Расширение круга находок из кыргызских памятников Горного Алтая позволило ему еще раз вернуться к рассмотрению предметного комплекса XI–XII вв. В результате был сделан вывод о том, что вещи типичны для кыргызской культуры по всей территории ее распространения в указанное время. Несмотря на относительно немногочисленность памятников кыргызов на Алтае, тем не менее приведенные данные позволяют определить основные тенденции изучения обозначенной проблематики. Среди приоритетных направлений можно отметить такие, как разработка периодизации кыргызской культуры, характеристика этнополитической ситуации в регионе, реконструкция социально-экономических отношений и комплекса мировоззренческих представлений кочевников. Имеющиеся в настоящее время на Алтае материалы кыргызской культуры позволили наметить два этапа ее развития [Тишкин, Горбунов, 2005; Тишкин, 2007, с. 213]:

1) яконурский (2-я половина IX – 1-я половина X в.; памятники – Яконур (курганы 1-Е, F, G), Узунтал-XIII, Кара-Коба-I (курганы №31, 47), Бийке (курган №21), Коргон (курган №8), Чинета-II (курганы №10–13), Кок-Эдиган, Бажынты, Гилево);

2) ак-ташский (2-я половина X–XI вв.; памятники – Ак-Таш (курганы №9, 27), Яконур (курган №4), Чинета-II (курган №1, впуск.), Куях-Танар, Усть-Кан, Кам-Баин).

По кыргызскому периоду пока очень мало данных по радиоуглеродному датированию. Попытка получить такие сведения по массе кальцинированных костей, взятых из курганов с трупосожжениями, которые были исследованы на памятнике Чинета-II, не увенчались должным успехом. Однако удалось зафиксировать результаты радиоуглеродного датирования по образцу в виде обугленной древесины, взятой из того же средневекового кургана (СОАН-5858. 1300±45 лет). Калибровочные показатели (приведенные в современную календарную систему) в определенной мере свидетельствуют о сооружении раннесредневековых курганов на памятнике Чинета-II во 2-й половине IX в., что согласуется со временем подчинения Алтая Кыргызскому каганату и расширению его границ в эпоху «великодержавия». В лаборатории Института истории материальной культуры получена еще одна дата по углям, взятым при раскопках кургана №10 памятника Чинета-II (Le-7424. 1100±70 лет). Ее калибровка также подтверждает время пребывания кыргызов на Алтае во 2-й половине IX – начале XI вв. [Тишкин, 2007, с. 214].

При исследовании курганов кыргызской культуры часто встречаются предметы вооружения, конского снаряжения, орудия труда и другие изделия. Особенно разнообразны типы железных наконечников стрел, которые должны были эффективно использоваться при поражении противников, облаченных в доспехи.

*Захоронение кремированного кыргызского воина на памятнике Чинета-II
(по: [Тишкин, Дашковский, 2008])*

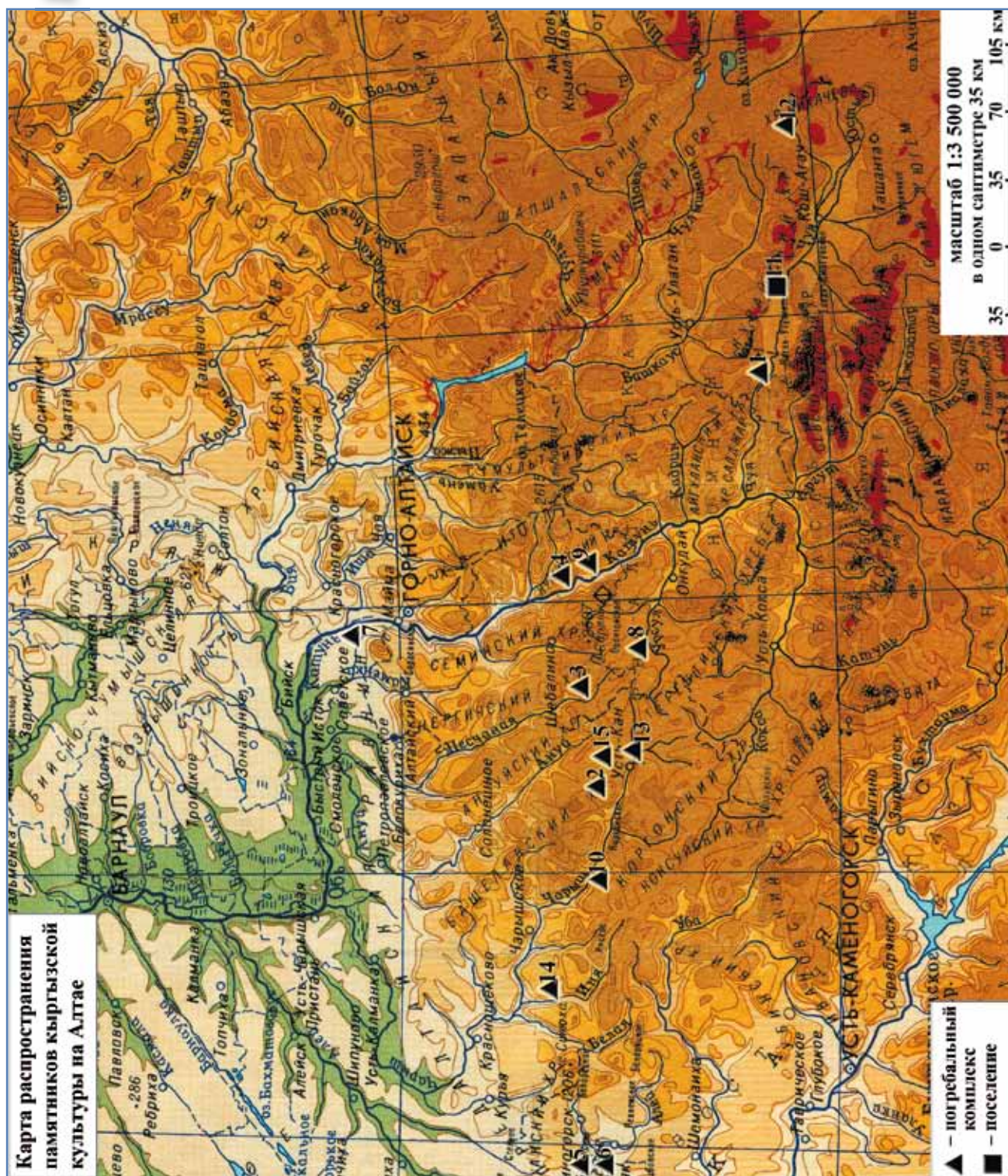
*Спекшийся в огне погребальный инвентарь кыргызской культуры
(по: [Тишкин, Дашковский, 2008])*

ЛЕГЕНДА КАРТЫ

- 1 – Ак-Таш;
- 2 – Бажынты;
- 3 – Беш-Озек;
- 4 – Бийке;
- 5 – Гилево-I-V;
- 6 – Гилево-XV;
- 7 – Сростки-I;
- 8 – Кара-Коба-I;
- 9 – Кок-Эдиган;
- 10 – Коргон-I;
- 11 – Куях-Танар;
- 12 – Узунтал-XIII;
- 13 – Усть-Кан;
- 14 – Чинета-II;
- 15 – Яконур

Железные предметы
из памятника Чинета-II.
МАЗА АлтГУ (колл. №185)

Этапы развития кыргызской археологической культуры на Алтае

Яконурский этап

2-я половина IX – 1-я половина X в.; распространение культуры на территории Алтая.

Исторические события

Соотносится с «эпохой великодержавия» Кыргызского каганата (840 – около 950 гг.).

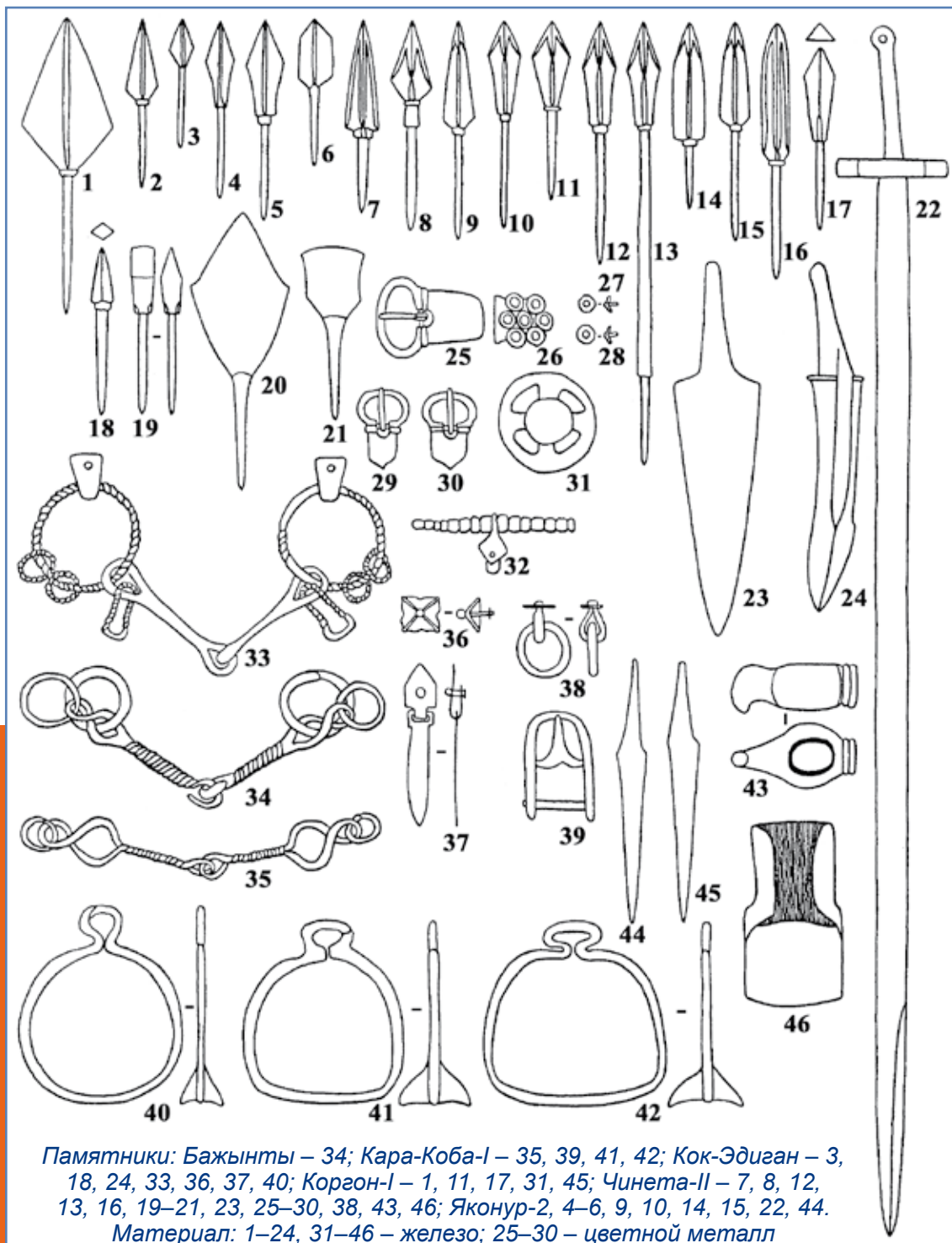
Могильники

Яконур, курган №1-E, F, G; Узунтал-XIII; Кара-Коба-I, курганы №31, 47; Коргон, курган №8; Беш-Озек, Бийке, курган №21 и др.

Железный нож. Чинета-II (по: [Тишкин, Дашковский, 2008])

Материалы яконурского этапа кыргызской культуры (2-я половина IX – 1-я половина X в. н.э.): вооружение (1–24), снаряжение человека (25–32) и верхового коня (33–42), орудия труда и предметы быта (43–46).

Памятники: Бажынты – 34; Кара-Коба-I – 35, 39, 41, 42; Кок-Эдиган – 3, 18, 24, 33, 36, 37, 40; Коргон-I – 1, 11, 17, 31, 45; Чинета-II – 7, 8, 12, 13, 16, 19–21, 23, 25–30, 38, 43, 46; Яконур-2, 4–6, 9, 10, 14, 15, 22, 44.

Материал: 1–24, 31–46 – железо; 25–30 – цветной металл

Ак-ташский этап

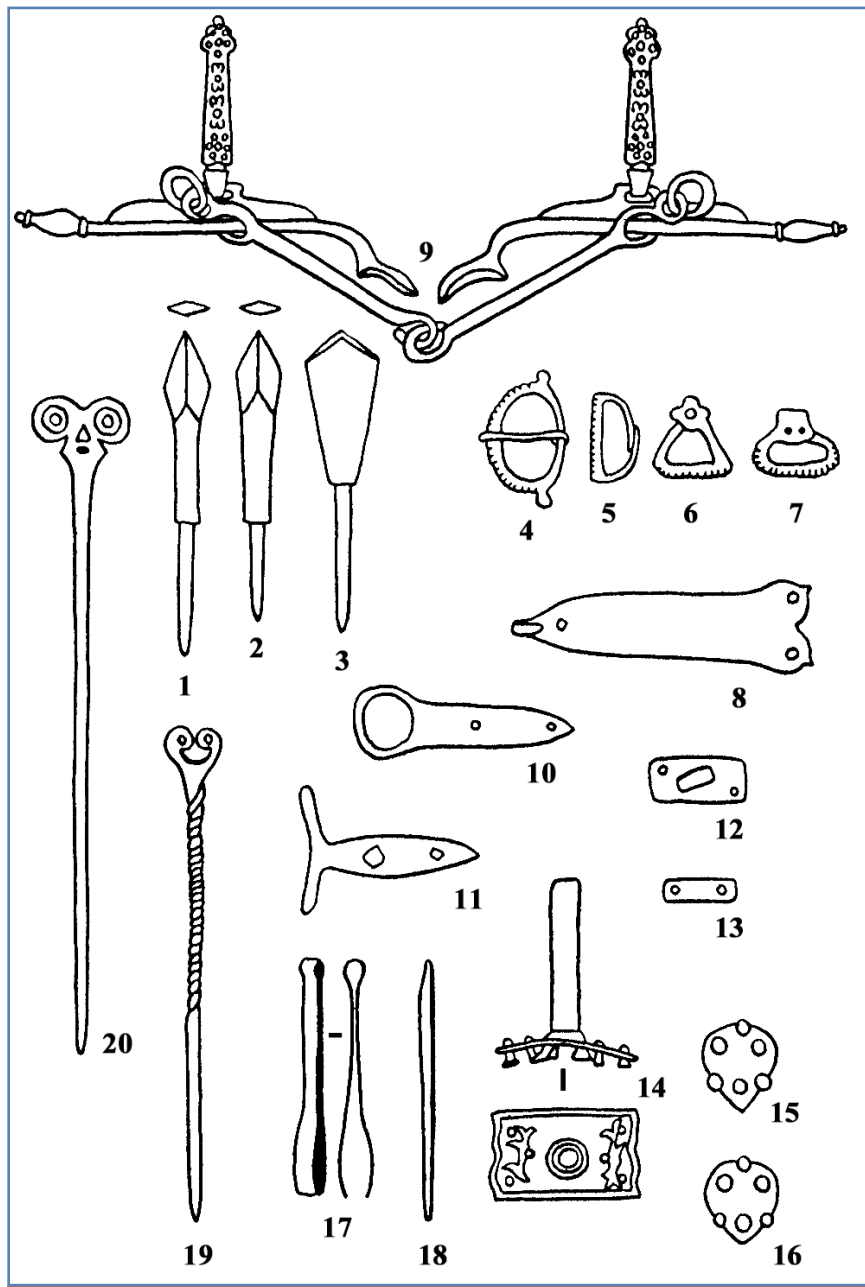
2-я половина X – XI в.; время локального развития культуры.

Исторические события

Распад Кыргызского каганата на отдельные княжества: «Киргиз» и «Кэм-Кэмджиут» около 950 г.

Могильники

Ак-Таш, курганы №9, 27; Яконур, курган №4; Усть-Кан.

Железная
«заколка».
Чинета-II
(по: [Тишкин,
Дашковский,
2008])

Материалы ак-ташского этапа кыргызской культуры (2-я половина X – XI в. н.э.): вооружение (1–3), снаряжение человека (4–8) и верхового коня (9–16), орудия труда и быта (17–20). Памятники: Ак-Таш – 2, 3–7, 10–13, 15, 16; Кам-Баин – 20; Куях-Танар – 8, 17, 18; Усть-Кан – 9; Чинета-II – 1, 19; Яконур – 14. Материал: 1–20 – железо

Контрольные вопросы

1. Когда и почему кыргызы появились на Алтае?
2. Раскройте содержание и хронологию выделенных этапов развития кыргызской культуры на Алтае.
3. Что такое «кыргызское великодержавие»? Кем было введено это понятие?
4. Очертите максимальные территориальные границы Кыргызского каганата.
5. Проследите по карте, в каких районах Алтая локализируются кыргызские памятники?
6. В чем заключаются особенности кыргызского погребального обряда?
7. Какой инвентарь характерен для исследованных кыргызских объектов на Алтае?
8. Охарактеризуйте точки зрения на трактовку погребений с трупосожжениями.

Задания

Задание 1. Прочитайте отрывки из монографии С.Г. Кляшторного и Д.Г. Савинова [2005]. Составьте общее описание кыргызской культуры во всем ареале ее распространения. Охарактеризуйте наиболее известные и показательные памятники енисейских кыргызов. Обозначьте особенности кыргызской культуры на различных территориях ее бытования.

Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 257–271.

...сложились три основных точки зрения по поводу периодизации культуры енисейских кыргызов во 2-й половине I тыс. н.э.: 1) основана на принципе выделения культур – культура чаа-тас (VI – 1-я половина IX в.) с подразделением на два этапа (утинский – VI–VII вв. и копенский – VIII – 1-я половина IX в.); тухтатская культура – 2-я половина IX – X в. [Кызласов, 1981]; 2) основана на принципе выделения эпох – эпоха чаа-тас (VI–VIII вв.) и эпоха «великодержавия» – IX–X вв. [Худяков, 1982]; 3) основана на принципе выявления основных закономерностей истории развития кыргызской общности – «VI – 1-я половина IX в., когда она занимала ограниченную территорию на Среднем Енисее; середина IX – 2-я половина X в. – время значительного расширения границ» [Длужневская, 1982].

Принципиальных различий, за исключением самих дефиниций, в приведенных периодизациях нет – все они рассматривают одни и те же хронологические этапы развития культуры енисейских кыргызов.... Следует согласиться с Г.В. Длужневской в том, что, «учитывая близость археологических материалов, соотносимых с кыргызами, и непрерывную последовательность развития единства погребального обряда (трупосожжение), общие формы материального комплекса (конское убранство, предметы вооружения, орнамент и т.д.), а также свидетельства письменных источников об основных этапах политической истории этнической общности енисейских кыргызов, наиболее целесообразным представляется объединить археологические памятники VI–XII вв. на территории Тувы и Минусинской котловины под единым названием – культура енисейских кыргызов»...

Основной вид погребальных сооружений енисейских кыргызов в Минусинской котловине во 2-й половине I тыс. н.э. – чаа-тас, что означает в переводе «камень войны». По данным Л.Р. Кызласова, на территории Минусинской котловины было известно 52 чаа-таса, из которых исследовано незначительное количество. Главной этнодифференцирующей особенностью погребений енисейских кыргызов является устойчивый обряд трупосожжения, который наследуется от таштыкской культуры и сохраняется на всем протяжении существования культуры енисейских кыргызов. Из предметов сопроводительного инвентаря сохраняются бронзовые пластины-амулеты с головками животных, теряющие к этому времени свой реалистический облик. В числе находок из Абаканского чаа-таса упоминаются остатки глиняных масок, однако эти уникальные находки, если они относятся к этому времени, требуют специального рассмотрения.

В материалах VIII–IX вв. впервые встречаются приемы оформления предметов, которые могут быть определены как этнически показательные для культуры енисейских

кыргызов: витые стержни удил, петельчатые приплюснутые дужки и прорезные подножки у стремян, фигурные петли на псалях и др. Большинство деталей поясных и уздечных наборов копенского этапа, а также золотые и серебряные сосуды украшены сложным растительным орнаментом, наиболее характерным для культуры енисейских кыргызов этого времени. По заключению специально исследовавших орнаментальное искусство ...кыргызов Л.Р. Кызласова и Г.Г. Король, оно отражает, в первую очередь, влияние со стороны изобразительного искусства Танского Китая. «Об этом свидетельствуют ряд мотивов, сюжетов, детали изображений, некоторые украшения... Влияние это могло распространяться как с территории самой Срединной империи, так и через Восточный Туркестан, с которым существовали не менее тесные связи и где в VIII–IX вв. наблюдается сильное влияние танского искусства» [Кызласов, Король, 1990, с. 170].

Одним из наиболее ранних памятников в ряду других погребений VIII–IX вв., по-видимому, является могильник Капчалы-I, представляющий собой подкурганное трупосожжение и по этому признаку отличающийся от обычных сооружений типа чаа-тас [Левашова, 1952, с. 121–129]. Не исключено, что форма подкурганного захоронения в могильнике Капчалы-I свидетельствует о пришлом компоненте в составе населения, оставившего этот памятник, ассимилированного енисейскими кыргызами. Найденные здесь предметы: стремяна с приплюснутой петельчатой дужкой или высокой пластиной, удила с 8-образным окончанием звеньев и эсовидными псалями с петлей и навершием в виде сапожка, сердцевидные бляхи-решмы с гладким и вырезным краем, поясные бляхи-оправы и пряжки на щитках катандинского типа, погребальные статуэтки в виде фигурок лежащих баранов, обложенные золотым листком, и др., характерны для культуры енисейских кыргызов VIII–IX вв. Обращает на себя внимание, что отдельные вещи, главным образом предметы конского снаряжения (стремена, удила, псалии), идентичны найденным в расположенных рядом погребениях с конем (Капчалы-II), возможно, явившихся источником этих заимствований. К этому же периоду, судя по опубликованным данным, относится большинство известных в настоящее время чаа-тасов; второй тип погребений по классификации Л.А. Евтюховой [1948, с. 14–18].

Особо следует остановиться на погребениях Копенского чаа-таса, исследованного Л.А. Евтюховой и С.В. Киселевым в 1939 г. [Евтюхова, Киселев, 1940; Евтюхова, 1948, с. 30–53; Киселев, 1951, с. 583–587]. А.А. Гаврилова, по аналогии с курайскими курганами на Алтае, высказала предположение о том, что основные (ограбленные) захоронения здесь были совершены по обряду трупоположения, а так называемые тайники представляют собой помещенный таким образом инвентарь сопроводительных трупосожжений. По рассказам бугровщиков, ограбивших Копенский чаа-тас, основные захоронения здесь были совершены по обряду трупоположения, что подтверждается отдельными находками человеческих костей... О том, что это были не бедные, как считает Л.А. Евтюхова [1948, с. 33, рис. 35], «рабы или слуги, сопровождавшие покойника», свидетельствуют некоторые находки из этих погребений, в частности, золотая серьга с привеской в виде грозди винограда из кургана №5. Гипотеза А.А. Гавриловой [1965, с. 66] о том, что «это могли быть погребения вождя и его дружинников» тем более интересна, что именно эта форма захоронения – подкурганное трупосожжение с помещенными отдельно, «кучкой», предметами сопроводительного инвентаря – станет одним из наиболее распространенных видов погребения кыргызских воинов в IX–X вв.

...Копенский чаа-тас относится к периоду расцвета культуры енисейских кыргызов в Минусинской котловине. Материалы этого памятника отчетливо показывают высокую степень социальной дифференциации кыргызского общества. Найденные здесь предметы – золотые блюда и сосуды с руническими надписями и роскошным накладным орнаментом, бронзовые барельефы с изображениями всадников и животных в сценах охоты, детали поясных и сбруйных наборов, сплошь покрытые растительным орнаментом и зооморфными композициями, – демонстрируют исключительно высокий уровень художественной культуры енисейских кыргызов. Усложнение социальной структуры государства енисейских кыргызов должно было повлечь за собой изменения в военной организации, все более укреплявшейся для предстоящей войны с уйгурами... Все эти процессы нашли непосредственное отражение в материалах Копенского чаа-таса и других памятников енисейских кыргызов VIII–IX вв.

...Период «великодержавия» кыргызов характеризуется еще большей активизацией отношений с Китаем. В 843 г. к китайскому двору прибыл посланник с письмом

от кыргызского кагана. С ним был отправлен ответ «Письмо к кыргызскому вану». В течение последующих лет подобный обмен посланиями становится регулярным. По указанию императора, китайский министр Ли Дэ-юй дал «точный приказ расспросить сяцзясов (кыргызов) об (их) владениях и обычаях и составить описание... В связи с приездом ко двору иноземцев приказал с каждого написать их одежду, облик и сделать картину приношения дани...» ...К сожалению, эта картина, представляющая собой бесценный источник по культуре енисейских кыргызов, не сохранилась, но уже сам факт, что она была написана, представляет огромный интерес. Именно к этому времени относится «рекордное» количество китайских монет чеканки 841–846 гг., найденных на Енисее, – 237 экз. То же самое касается и китайских зеркал: «В результате мощного притока зеркал в Минусинскую котловину этот район становится крупнейшим центром находок танских зеркал за пределами империи Тан» [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 22]. Около с. Райково в Хакасии найдены мраморные таблички с китайскими надписями, датированные 866 г. и возможно преподнесенные в качестве прощального дара на смерть умершего кыргызского кагана... Однако после окончательного разгрома уйгуров и «распыления» кыргызских войск на просторах Центральной Азии эти отношения явно ослабевают. В течение периода 860–873 гг. кыргызские послы еще три раза приезжали к китайскому двору, но обстоятельства этих посольств неизвестны. «Впоследствии были ли посольства и были ли даны жалованные грамоты, историки не вели записок» [Бичурин, 1950, с. 357].

В 916 г. власть в Северном Китае захватила могущественная династия Восточное Ляо (государство киданей), включившая в состав своих владений все северные районы Центральной Азии, вплоть до Алтайских гор. Известно, что в 924 г. кидани совершили поход в Монголию, на Орхон, где уже не встретили кыргызов, и император Амгабань предложил уйгурам вернуться на свои прежние земли...

Важные сведения по истории кыргызов эпохи «великодержавия» содержатся в сочинениях мусульманских авторов. Так, в анонимном труде «Худуд ал-алам», написанном в конце X в. (982 или 983 г.), сообщается, что кыргызский каган живет в городе Кемиджкет..., т.е. городе на Енисее. Поскольку явно речь идет не о Минусинской котловине, то следует предполагать, что ставка кыргызского кагана в это время находилась в верховьях Енисея, на территории Центральной Тувы [Кызласов, 1969, с. 96].

...К этому времени в Минусинской котловине могут быть отнесены большие курганы Уйбатского чаа-таса, завершающие традицию сооружения минусинских чаа-тасов...; курганы около Минусинска; часть вещей Тюхтятскогоклада [Евтюхова, 1948, с. 67–72; Киселев, 1951, табл. XI–XIII].

...Наибольшее количество кыргызских погребений по обряду трупосожжения исследовано в Туве. По данным Г.В. Длужневской [1982, с. 126], здесь «насчитывается около 290 погребальных и поминальных сооружений, ритуальных выкладок и «меморативных» курганов, относящихся к этому времени», что значительно превышает количество их как в метрополии енисейских кыргызов – Минусинской котловине, так и во всех остальных районах расселения кыргызов в период «кыргызского великодержавия». По своим конструктивным особенностям кыргызские погребения в Туве подразделяются на несколько вариантов: 1) подкурганные захоронения в неглубоких могильных ямах или на горизонте с «тайниками»; 2) юртообразные сооружения из горизонтально положенных плиток с остатками захоронений в неглубоких ямах; 3) «пустые» курганы, возможно кенотафы, не содержащие остатков захоронений... Иногда встречаются коллективные (до 3 человек) трупосожжения с соответствующим комплектом предметов сопроводительного инвентаря... В некоторых случаях погребения обставлены вертикально вкопанными плитками, а сами курганы – обломками горных пород, что можно рассматривать как сохранение конструктивных особенностей минусинских чаа-тасов. С этой же традицией связаны обычай сооружения стенок из горизонтально положенных плиток и устройство «тайников» с наиболее ценными вещами. Однако точных повторений минусинских чаа-тасов в Туве пока не известно. Объясняться это может по-разному: нарушением этнической традиции, вызванным сменой политической ситуации в Центральной Азии; специфическим характером тувинских захоронений, представляющих, главным образом погребения воинов; отсутствием подходящего строительного материала; этнокультурными процессами, происходившими в инокультурном окружении в среде самих енисейских кыргызов на местах их нового расселения.

...В Горном Алтае памятников енисейских кыргызов известно значительно меньше. Впервые они были открыты М.П. Грязновым на могильнике Яконур, где были раскопаны два кургана с обрядом трупосожжения и характерным для IX–X вв. комплексом предметов сопроводительного инвентаря – палаши, удила с 8-образным окончанием звеньев и эсвидными псалями с сапожком, пирамидальные наконечники стрел и др. В одном из них, как и в тувинских «дружинных» погребениях, находилось захоронение нескольких человек [Грязнов, 1940]. Позже такие же погребения были открыты на могильниках Узунтал-VIII в Юго-Восточном Алтае [Савинов, 1979]; Кара-Коба-I [Могильников, 1989] и Коргон-I [Дашковский, 2001] в Центральном Алтае; и в других местах. В отличие от Тувы, погребения енисейских кыргызов на Горном Алтае не образуют крупных могильников, расположены дисперсно и, по-видимому, относятся к разному времени в общих хронологических пределах середины IX – начала XI в., что свидетельствует о последовательном освоении кыргызами горно-алтайских котловин. При этом, как отмечает В.А. Могильников [1989, с. 139], «примечательно, что кыргызские погребения на Алтае находятся на одних некрополях с курганами местного населения, что указывает, скорее всего, на смешение осевших на Алтае пришельцев-завоевателей с местным населением»... Поздних кыргызских погребений XI–XII вв. в Горном Алтае неизвестно: встречаются только отдельные, как правило найденные случайно, вещи этого времени.

Аналогичная ситуация складывается на Западном Алтае, только в данном случае, очевидно, можно говорить о смешении не с местными телескими, а кимакскими племенами. Погребения с трупосожжениями здесь открыты на могильниках Карболиха-VIII, ряде курганов группы могильников Гилево и др. По этим материалам В.А. Могильниковым [2002, рис. 216] был выделен комплекс предметов из памятников енисейских кыргызов, распределяющихся на два этапа: рубеж VIII – середина IX в.; середина IX – первая половина X в. На наш взгляд, это достаточно однородный комплекс, и первая дата представляется несколько заниженной. В числе других предметов сопроводительного инвентаря здесь найдены такие характерные вещи, как витые удила с эсвидными псалями, стремя с отверстиями в подножках, пряжки с язычком на вертлюге, трехгранные наконечники стрел и др. Интересная ситуация зафиксирована при раскопках могильника Новогирсово, где в одном из «длинных» курганов находились три погребения: по обряду трупосожжения (женское?) с кыргызским инвентарем, трупоположение с восточной ориентировкой (мужское) и детское с сосудом типа «кыргызской вазы», на основании которых можно говорить «не только о проникновении енисейских кыргызов на Юго-Западный Алтай в IX–X вв., но и об этническом смешении местного и кыргызского населения» [Алехин, 1985, с. 190].

...В это же время отдельные погребения енисейских кыргызов появляются севернее Минусинской котловины. В первую очередь к ним относится известный Ладейский комплекс около Красноярска, откуда происходят витые удила, стремя с прорезной подножкой, зажимы для кистей, сбруйные наборы характерного кыргызского облика... К этому же времени относятся некоторые городища, возможно, служившие укреплениями на северных границах государства енисейских кыргызов. Интересное захоронение по обряду трупосожжения с кыргызским инвентарем (витые удила, палаш с напускным перекрестием, стремя с петельчатой приплюснутой дужкой, отдельные сбруйные украшения) было открыто в Большемурутинском районе Красноярского края... Р.В. Николаев предполагает, что «погребение принадлежало воину-кыргызу, участвовавшему в ...набеge на таежные племена Сибири» [Николаев, 1982, с. 134]. На севере отдельные погребения по обряду трупосожжения с кыргызским инвентарем известны вплоть до среднего течения Ангары... Найденные в погребениях красноярско-канского варианта предметы ближе всего к минусинскому варианту культуры енисейских кыргызов IX–X в. ...

Задание 2. Используя иллюстрации материального комплекса кыргызской культуры, проведите сравнительный анализ с вещественными материалами сросткинской археологической культуры. Выделите общие черты и отличительные особенности.

Задание 3. Проанализируйте карту распространения памятников кыргызской культуры, очертите ее ареал на Алтае, выскажите свои предположения о том, с чем могли быть связаны именно такие границы данной культуры в нашем регионе?

Задание 4. Внимательно рассмотрите иллюстрации в тексте главы и таблицы с изображениями предметов кыргызской культуры, сгруппированных по этапам. Обозначьте возможные направления эволюции вещей по категориям: вооружение, снаряжение человека, снаряжение верхового коня, предметы труда и быта.

Исходя из сформулированных вами выводов, заполните таблицу «Особенности материального комплекса кыргызской культуры».

Категории вещей	Яконурский этап кыргызской культуры	Ак-ташский этап кыргызской культуры
Вооружение		
Снаряжение человека		
Снаряжение верхового коня		
Предметы труда и быта		

Список литературы к разделу

Алехин Ю.П. Енисейские кыргызы на Юго-Западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск: ИИФиФ СО РАН, 1990. С. 62–75.

Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем-III как источник по средневековой истории Тувы). М.: Фундамента-Пресс, 1998. 84 с.

Дашковский П.К. Коргон-I – новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 16–23.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА №9).

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. 346 с.

Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идея единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии: История и культура. М.: Вост. лит., 2001. С. 234–270.

Кубарев Г.В. К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н.э. // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 290–298.

Могильников В.А. Курганы с трупосожжениями в северо-западных предгорьях // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 77–139.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. М.: Наука, 2002. 362 с.

Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая: ГАНИИИЯЛ, 1980. Вып. 1. С. 161–167.

Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. С. 175–190.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с. + вкл.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Историко-культурное наследие Алтая: Древности Краснощековского района. Барнаул: Азбука, 2008. Вып. 2. 16 с.

Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 186–201.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 336 с.

Худяков Ю.С. Енисейские кыргызы на Алтае и Прииртышье // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. II. С. 58–61.

Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1. С. 99–109.

КУЛЬТУРА АЛТАЯ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

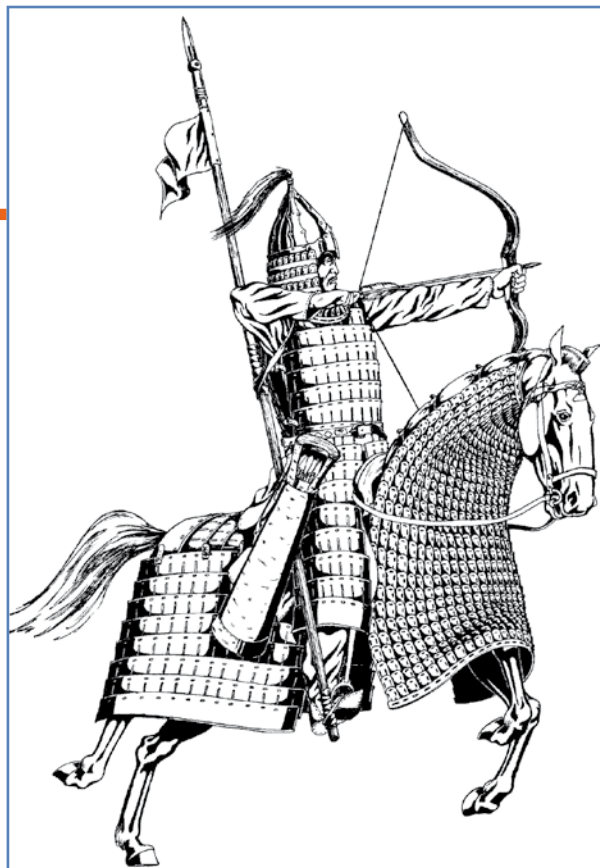
Монгольское время в истории евразийского континента освещено в огромном количестве научной и научно-популярной литературы. Эти публикации главным образом создавались с опорой на довольно обширные письменные источники, среди которых имеются китайские, персидские, монгольские, арабские, армянские, русские, западноевропейские и другие произведения. Одним из базовых исторических повествований является сборник летописей Рашид-ад-дина. В то же время количество археологических материалов существенно не хватает для того, чтобы объективно дополнить характеристику важного периода истории, проверить принятые без должных доказательств положения, а главное – реконструировать этнокультурные процессы, которые проходили на окраинах империи, что практически не отражено в письменных, изображительных и других свидетельствах. Для этого необходимы археологические исследования во многих регионах, в том числе и в бывшей центральной части Монгольской империи.

На военно-политической арене в Азии кочевники-монголы появились и стали играть заметную роль в XII в. Процесс становления их могущества имеет свою историю, которая до сих пор демонстрирует множество «белых пятен» и не лишена противоречивых оценок. Однако совершенно понятно, что произошедшие в развитом средневековье события являются важными страницами ушедшей эпохи. Они определили пути развития многих стран и народов.

В XII в. Горный Алтай, а также некоторые соседние территории оказались захвачены монголоязычными племенами найманов. Предыдущие тюркские и кыргызские традиции прекращают свое существование и на их смену приходят новые. По всей видимости, какая-то масса тюркского населения Алтая была вовлечена в военно-политические мероприятия того времени, другая же оказалась ассимилирована, переселена или уничтожена. Так или иначе, но имеющиеся материалы демонстрируют приход на Алтай в XII в. нового населения, а затем и полное доминирование культуры кочевников из восточных районов Центральной Азии.

Активные миграционные процессы, начавшиеся после падения киданьской империи Ляо в 1125 г. и в период формирования нового государства Западное Ляо, носили своеобразный характер. Исследователям порой очень трудно или даже невозможно точно локализовать места проживания известных народов, и детально реконструировать пеструю этнополитическую картину из-за постоянных передвижений, военных конфликтов и других нестабильных сторон жизни разрозненных кочевых племен развитого средневековья. Но тенденция распространения монголоязычных этносов в западном направлении хорошо фиксируется многими источниками.

В сборнике летописей Рашид-ад-дина [2002, с. 135–140] есть параграф, посвященный племени найман, «...которого имеется несколько ветвей». Из него мы узнаем, что племена найманов были кочевниками. Одна часть их обитала на равнине, а другая в гористых местах. «Эти племена найманов и их государи были уважаемыми и сильными; они имели большое и хорошее войско; их обычаи и привычки были подобны монгольским» [Рашид-ад-дин, 2002, с. 137]. В начале XII в. найманы продвинулись к западу и вытеснили с верховьев Иртыша кыпчаков, а затем распространили свое могущество на всю Южную Сибирь. Наиболее важные успехи были связаны с предводителем, которого, по сообщению Рашид-ад-дина [2002, с. 139], звали Иванч-Билгэ Буку-хан. После смерти грозного вождя наследниками разделенного улуса найманов стали два его сына – Таян-хан и Буюрук-хан. Первый имел ставку в верховьях Иртыша, а

*Монгольский тяжеловооруженный всадник.
Реконструкция В.В. Горбунова,
рисунок Д.В. Позднякова*

Украшения из памятника Бичикту-Бом (по: [The Altai culture, 1995])

второй – на территории Алтайских гор. Братья между собой были в плохих отношениях. Этим воспользовался кереитский предводитель Ван-хан, который в союзе с Темучжином, решил напасть на племя Буюрук-хана. Военные действия начались в 1198 г. Объединенные войска застали врасплох найманов в местности Кызыл-Баш около Алтая и учинили грабеж. Буюрук-хану удалось убежать и скрыться в области Кэм-Кэмджиут, которая локализуется исследователями в верховьях Енисея. Дальнейшее продвижение войск союзников было остановлено найманским полководцем по имени Кокэсэу-Сабрах [Храпачевский, 2004, с. 97–98]. Но затем найманы все же потерпели поражение. В 1199 г. военная кампания монголов с кереитами против найманов была успешно продолжена. Однако только в 1204–1205 гг., после захвата Темучжином кереитских владений, укрепления могущества и реорганизации армии, разгром монголами найманов во главе с Таян-ханом был окончательно завершен. В результате земли Джунгарии и современной Северо-Западной Монголии составили часть формирующейся империи. Эти события способствовали окончательной консолидации власти в руках Темучжина.

Годом создания монгольской государственности считается 1206 г. На всемонгольском курултае предводитель объединенных племен Темучжин был провозглашен Чингисханом. С этого времени начинается активный процесс расширения империи за счет присоединения ближайших стран и народов, а также осуществляется раздача уделов сыновьям и членам своего рода. Одним из направлений такой политики стала территория нынешней Южной Сибири. Покорение северных «лесных народов» и кыргызов Чингисхан поручил своему старшему сыну Джучи. Вероятным поводом для начала военной операции послужило пребывание найманского хана Буюрука на территории кыргызского княжества Кэм-Кэмджиут. В 1207 г. войско, возглавляемое Джучи, без особого сопротивления подчинило полиэтничное население Алтае-Саянской горной страны. Данный поход способствовал продолжению миграционных процессов, начавшихся в связи с активными военными действиями монгольской армии. В 1208 г. Чингисхан поручил Джучи решение проблемы долго сопротивлявшихся меркитов. В ходе осуществленной операции монгольские войска продвинулись в долину Иртыша. Тем самым обозначилось дальнейшее направление действий по покорению кочевых племен, проживавших в обширных степях (Дешт-и-Кыпчак).

В 1218 г. Джучи был вынужден повторить поход в южно-сибирские земли в связи с произошедшим там восстанием под эгидой кыргызов. В следующем году он двинулся на территорию восточных кыпчаков и основал свою ставку в долине Иртыша. Именно это событие предложено Ю.С. Худяковым [2009] считать началом создания самостоятельного улуса Джучи в составе Монгольской империи*. М.А. Усманов [2000, с. 30–31] считал, что более верной датой являются 1260-е гг., когда при хане Менгу-Тимуре начали чеканить монеты с полным титулом правителя государства.

При поддержке отца и в ходе проведения самостоятельной политики Джучи значительно расширил владения и перенес свою ставку в центрально-казахстанские степи. К моменту внезапной смерти старшего сына Чингисхана в 1227 г. территория улуса Джучи охватывала огромные пространства. Однако после трагического события земли Алтае-Саянского нагорья

* В отечественной историографии становление самостоятельности улуса Джучи (Золотой орды) традиционно определяется 1240-ми гг.

Бусы из могилы-21

Кудыргэ. Государственный Эрмитаж,
колл. №4389 (по: [Тишкин, 2009])

Украшение. Могила-17

и некоторые районы Западной Монголии были переданы в управление младшего сына Тулуя и включены в состав улуса Великого хана. Позднее они стали частью Юаньской империи. С оформлением Чагатайского улуса к нему отошла Средняя Азия. Правителем оставшейся части земель, завоеванных под предводительством Джучи, стал его второй сын Бату, который по повелению Чингисхана должен был продолжить дело своего отца, расширяя империю на запад. Военные действия в этом направлении были предприняты в 1229 г. Затем последовали другие операции, завершившиеся объе-

динением всех кочевых племен, проживавших в степях от Волги до Оби.

После смерти Чингисхана был выбран новый правитель. В 1229 г. им стал его третий сын и преемник Угэдэй (1186–1241), который продолжил политику отца. В 1235 г. на курултае было принято решение о грандиозном походе в Европу под руководством Бату и при общей поддержке военной кочевой элиты. Советником назначили талантливого полководца того времени Субэдэя. Подготовленный поход реализовывался в течение нескольких лет, но был прекращен в связи со смертью великого хана Угэдэя. Бату вернулся в Поволжье, где располагалась его ставка, сделавшаяся столицей создаваемого огромного государства, которое получило в научной литературе обозначение «Золотая Орда».

Территория Лесостепного Алтая входила в состав улуса Джучи сразу после его обозначения и осталась за ним после раздела в 1227 г., когда земли Южной Сибири отошли к улусу Великого хана. Вероятно, присоединение Верхнего Приобья в отличие от Алтае-Саянского нагорья проходило относительно мирным путем. Об этом свидетельствует сохранение значительной части местного населения и многих черт предшествующей сросткинской культуры. Однако отмечаются и значительные изменения, что проявилось в смене ориентации умерших людей при захоронении, в появлении новых элементов погребальной обрядности, а также полное восприятие материальной культуры, основанной на монгольских традициях.

В середине XIII в. остро обозначилась борьба за престол великого хана. С этого же времени начался процесс распада Монгольской империи, который усилился после смерти Мэнгу-хана в 1259 г. В данный момент на политическую арену выходят два сына Тулуя. Хубилай в борьбе за власть одолел своего брата Ариг-Буга, возведенного на престол во время великого курултая,

который состоялся в Каракоруме. Хубилай управлял завоеванными землями Северного Китая, был образован и смог узурпировать власть только при определенной поддержке. В 1260 г. он созвал еще один великий курултай и провозгласил себя монгольским «великим ханом». В течение нескольких лет между братьями продолжались сражения и противостояния, но в конце концов в 1264 г. Ариг-Буга сдался.

В начале своего правления Хубилай провел целый ряд преобразующих мероприятий, опираясь на китайский опыт. В 1271 г. он дал название формирующемуся новому государству – Юань. Данное обозначение переводится с китайского языка как «начало», «исконный», «коренной» и т.д. Начиная с 1272 г. в империи стала реализовываться идея создания военно-пахотных поселений. В связи с этим активно использовалась система переброски народов с одного места на другое.

Став великим ханом, Хубилай не только вел борьбу за свое правление, но и продолжил завоевание Китая, которое завершилось в 1279 г., когда была уничтожена династия Южная Сун.

Бронзовое зеркало из могилы-17.
Кудыргэ. Государственный Эрмитаж,
колл. №4389 (по: [Тишкин, 2009])

В 1292–1293 г. по приказу Хубилая армия под предводительством опытного полководца кыпчака Тутуха повторно покорила народы Алтае-Саянской горной страны, которые после восстания 1273 г. обрели независимость. Завоеванная территория стала частью провинции Лин-бэй*. На покоренных местах были оставлены военные поселенцы. Часть местных народов уведена в другие районы империи.

В 1294 г. Хубилай умер, и для решения государственных дел был назначен Камала (Гаммала). В 1295 г. на престол вступил внук Хубилая – Тимур, который правил до 1307 г. В 1309 г. наместник провинции Лин-бэй выступил с предложением к императору об устройстве на северной стороне Алтая военно-пахотного поселения. Был ли реализован этот проект или нет, остается неизвестным [Тишкин, 2009, с. 6–7].

После падения династии Юань в 1367–1368 гг. Монголия разделилась на две основные части – восточную и западную [Чулууны Далай, 1983, с. 56]. В последующее время активная военная деятельность китайцев привела к тому, что в 1380 г. войска династии Мин захватили и разрушили Каракорум. Возникшие на осколки Монгольской империи мелкие княжества не могли противостоять такой силе.

В связи с тем, что политический центр улуса Великого хана и затем Юаньской империи находился в восточной части Азии, Алтайские горы были далекой окраиной. Со времен Чингисхана там проживали «государственные крепостные» ойрат-монголы (четыре «ойрата»), которые должны были подчиняться наследнику престола. Сведений о них чрезвычайно мало, и все они разрозненные. Известно, что во 2-й половине XIII в. ойрат-монголы были слабыми и перенесли большое разорение во времена смуты Хайду, но затем, «...живя на пастбищах государственных стад, постепенно усилились». В конце эпохи Юань они стали называться племенем Арудая и даже стремились к отделению [Чулууны Далай, 1983, с. 54].

Многолетние войны истощили важные жизненные ресурсы Горного Алтая. Явно сократилось количество населения, о чем свидетельствуют археологические и письменные источники. Данное обстоятельство имеет ряд объяснений. Не исключено, что произошел очередной культурно-генетический «сбой», связанный с причинами военно-политического и социально-экономического характера. Одним из неблагоприятных факторов, который мог негативно сказаться на дальнейшем развитии народов, населявших Алтай, являлось изменение климата.

Что касается Золотой орды, то границы этого государства начинались от Алтае-Саян на востоке до Дуная на западе, и от низовий Сырдарьи до северной таежной зоны. В ней проживало много разных народов, но правящая элита оставалась монгольской (джучиды). Уже при Бату улус Джучи был традиционно разделен на две части – восточную и западную. Одна из них называлась Кок (Синяя) Орда, а другая – Ак (Белая) Орда. Внутри них существовали более мелкие уделы. После Бату в 1256 г. ханом стал Берке, который в годы своего правления попытался чеканить собственную монету, тем самым претендуя на государственную независимость в условиях размежевания крупных монгольских улусов. Однако эта попытка потерпела неудачу. В 1266 г. ханом становится Менгу-Тимур, который окончательно оформляет самостоятельность Золотой Орды.

* В XIII–XIV вв. вся Монголия согласно административному и территориальному делению имела название «Лин-бэй дэн-чу син-чжун-шу-шэн» с центром в г. Каракоруме. Она делилась на внутреннюю часть, которая непосредственно подчинялась великому хану, и на Ойрат-монголию, предназначенную для разведения стад государственного скота. Кроме этого, существовали и другие территории [Чулууны Далай, 1983, с. 52–56].

Железные стремена из кургана №7 памятника Усть-Буйке-III. МАЭА АлтГУ (колл. №130) (по: [Тишкин, 2009])

Роговая накладка на лук из кургана
№2 памятника Яконур.
ГЭ, колл. №1554 (по: [Тишкин, 2009])

Наивысший ее расцвет приходится на 1-ю половину XIV в. При правлении хана Узбека (1312–1341) государство наладило политические, экономические и культурные контакты с крупными странами Европы и Азии. Это время принято связывать с расцветом городов и возрастающим могуществом. Еще одним важным показателем указывается активная исламизация населения.

Ситуация довольно резко поменялась после смерти хана Узбека. Начавшаяся эпидемия чумы, а затем многочисленные проблемы политического, экономического, экологического и другого характера привели к междоусобице [Усманов, 2000, с. 38–39]. С приходом к власти хана Токтамыша (1380–1396 гг.) была реализована попытка восстановления единства государства и возрождения его былого могущества. Но в 1395 г. случилось нашествие Тамерлана, после которого состоялся окончательный распад Золотой Орды.

Культура монголов интересовала европейских современников, которые, путешествуя, зафиксировали множество сведений об их обычаях, традициях и быте. Плано Карпини в своей «Истории монгалов» [1997, с. 38–39] отдельную главу по культуре монголов назвал «О погребальном обряде». Кроме того, определенные свидетельства имеются и в некоторых других разделах указанного труда, рукописный вариант которого датируется серединой XIII в. Однако следует указать, что изложенные Плано Карпини описания в основном касаются погребений знатных лиц (элиты), что не дает возможности полноценно судить о традициях захоронений рядовых кочевников. Между этими обрядами, как показывает опыт, существуют серьезные отличия, связанные с разным социальным положением. На это указывает и сам автор цитируемой ниже книги. Имеющиеся в рассматриваемом источнике сведения можно сгруппировать в следующем виде:

1. Знатное лицо хоронят, «...где им будет угодно...», вместе с его ставкой тайно в поле, сидящим в центре. В погребение кладут еду (много мяса, молоко), а также кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом. Мясо еще одного коня съедают, кости его сжигают («...за упокой души умершего»). А из шкуры, набитой соломой, делают чучело, которое ставят повыше «...на двух или четырех деревяшках». Все это делается, чтобы умерший мог жить в другом мире, в своей ставке, получать от кобылы молоко, умножать коней, ездить на них и т.д.

2. Иной способ захоронения знатных людей заключается в следующем. Монголы «...идут тайком в поле». В выбранном месте убирают слой дерна и вырывают большую яму, а сбоку ее делают яму под землей (подбой). Мертвого кладут в такую нишу вместе с необходимыми вещами. Затем яму зарывают, а сверху укладывают дерн, чтобы «...впредь нельзя было найти это место».

3. Существуют два кладбища. На одном из них хоронят знатных людей («от императора до вельмож»). Их тела доставляют независимо от того, где они умерли. Вместе с ними хоронят много золота и серебра. Другое, охраняемое, кладбище предназначалось для тех, кто был убит далеко от родины.

4. У монголов еще существовал ряд обычаев, связанных с погребально-поминальной практикой: сожжение костей за упокой душ умерших людей, посадка дерева, очищение огнем. О последнем обряде есть несколько повествований, в том числе и в русских летописях. Об очищении огнем свидетельствует и Гильом де Рубрук [История..., 1997, с. 171]: «Они очищают также всякую утварь усопших, проводя ее через огонь. Именно, когда кто-нибудь умирает, все принадлежавшее ему отделяется и не смешивается с другими вещами двора, пока все не будет очищено». Эта традиция касалась не только личных вещей погребенного, но и подарков, если они были предназначены лицу уже умершему. Кроме этого, например, очищали, проводя между огней, людей, прибывших к хану, а также все посылаемое к его двору и др. Выполнением таких функций занимались жрецы («колдуны», «прорицатели»).

О тайне захоронения у монголов сообщают и восточные источники (цит. по: [Федоров-Давыдов, 1966, с. 157]): «По прибытии, на место погребения гроб глубоко зарывался в землю, а потом прогоняли по могильной насыпи несколько тысяч лошадей или уносили лишнюю землю в

другое место. Когда всходила трава, все было кончено, могила представляла ровное место, где нельзя было ничего распознать...» Есть аналогичные сведения по поводу смерти Бату. В источниках неоднократно указывается о том, что монголы держали в тайне захоронения своих ханов. Так до сих пор неизвестно место, где похоронен Чингисхан. Разные рассказы, например, о том, что над его могилой был прогнан огромный табун лошадей, который сровнял место захоронения, по мнению некоторых исследователей, скорее всего, больше похож на легенду.

Гильом де Рубрук указывал, что у монголов «...всегда около тех мест, где они погребают своих знатных, имеется гостиница для охраняющих...» Хотя тут же он написал следующее: «Погребение того, кто умирает, остается неизвестным...» Здесь наблюдается явное противоречие. По всей видимости, Г. де Рубрук не присутствовал на похоронах и не знал конкретных особенностей погребальной практики монголов. Это, в частности, отражено в следующей его фразе: «Я не знаю того, чтобы они скрывали с мертвыми сокровища» [История..., 1997, с. 101].

Что касается обряда захоронений кыпчаков/половцев, то он представлен путешественником в таком виде: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, т.е. остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится. Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды мяса, хотя и говорили про него, что он был окрещен. Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные и затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира по сю сторону площади». В последнем предложении цитируемого сообщения имеется явное несоответствие, заключенное в том, что описанные виды погребальных сооружений были оставлены немонгольскими племенами и являлись более древними погребально-поминальными объектами. Гильом де Рубрук в своем труде «Путешествия в восточные страны» зафиксировал наблюдаемые им усыпальницы команов и существование у них обычая, когда «все родство их погребается вместе».

Кроме приведенных выше данных, посвященных непосредственно рассматриваемому обряду, в письменных источниках можно найти много косвенных сведений, которые определенным образом помогают раскрыть смысл реализации погребальной практики монголов. Например, Г. де Рубрук указал, что в XIII в. постель хозяина дома находилась в северной части, и когда он сидел на ней, то оказывался лицом к входу (на юг). Слева от него к востоку находилась женская половина, справа – мужская (западная).

Кудыргэ. Железные стремяна монгольского времени в экспозиции ГЭ (по: [Тишкин, 2009])

Изделия из железа. Усть-Буйке-III. Курган №7 (по: [Тишкин, 2009])

Находки. Усть-Бийке-III. Курган №3
(по: [Тишкин, 2009])

Железные наконечники стрел монгольского
времени в экспозиции ГЭ (по: [Тишкин, 2009])

«Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне» [История..., 1997, с. 93]. Эти сведения оказались важными для понимания планиграфии расположения курганов монгольского времени на памятнике Усть-Бийке-III в Горном Алтае [Тишкин, Горбунов, 2005]. Место исследованных погребений выделялось определенным своеобразием. Курганы находились в долине р. Бийке (небольшого правого притока Катуня), в малопривлекательном месте, на склоне небольшого выступа третьей террасы, который обращен в сторону соединения водных потоков. Площадка, где расположен археологический памятник, покатаая и сухая, в течение дня хорошо освещается солнцем. С севера она закрыта высокой четвертой террасой Катуня. Курганы №1 и 2, содержавшие погребения женщин (соответственно 35–40 и 45–50 лет), располагались на юго-восточной окраине разновременного могильника самостоятельной цепочкой, ориентированной по линии ЮЮВ–СЗЗ. Параллельно им, на расстоянии около 20 м, находились курганы №3 и 7, в которых зафиксированы захоронения мужчин 25–30 и 30–35 лет (приведенные половозрастные определения выполнены Д.В. Поздняковым). Обе пары курганов имели единые черты погребального обряда, что свидетельствует об их синхронности. Вероятно, исследованные объекты оставлены одной семьей кочевников, в которой мужчины, судя по составу сопроводительного инвентаря, принадлежали к слою рядовых воинов. Расположение курганов удивительным образом отражает планиграфические черты, характерные для устройства и использования юрты, о чем написал Г. де Рубрук. Таким образом, в погребальном обряде, зафиксированном на могильнике Усть-Бийке-III, реализованы представления, связанные с перенесением реального образа жизни на потусторонний мир, что характерно для многих тюрко-монгольских племен. Данное обстоятельство подтолкнуло к поиску этнографических аналогий в среде кочевых народов, проживавших на близкой к Алтаю территории.

Наиболее соответствующее и подробное описание места для погребения людей было встречено в работе Г. Мэнэс [1992], где рассматривались традиции похорон у захчинов – одной из этнических групп ойратского населения западного региона Монголии:

– местность должна быть хорошо освещаемая солнцем, обращена на восток, юго-восток и юг;

*Железные и костяные находки из погребений в кургане №1 на памятнике Яконур.
Государственный Эрмитаж, колл. №1554 (по: [Тишкин, 2009])*

- благоприятной считалась большая и раздольная ложбина, где свободно могли разместиться все виды домашнего скота;
- территория, отведенная для умершего, мыслилась как новое кочевье, где он мог поставить свою юрту, в которой каждый бы занял соответствующее возрасту и полу место, а вокруг бы расположился его скот;
- запрещалось выбирать для погребения падь, обращенную на северо-запад, а также место, выше которого проходила дорога, особенно если она шла с севера и через перевал;
- для могильника выбиралась местность, где «...не скапливалась бы вода», и она была окружена горами так, чтобы небосвод при взгляде вверх казался округлым по форме, а дальние горы с южной стороны не имели острые, пикообразные вершины, и за ними не виднелись бы более высокие скалы;
- во время транспортировки тела умершего запрещалось идти вниз по течению реки, так как считалось, что вся процессия должна восходить по «золотой лестнице» к месту захоронения;
- кроме общих требований к выбору места могильника, имелись особенные признаки и мотивы, которые могли быть связаны с возрастом покойников, с их положением в обществе и с другими показателями.

К этому стоит добавить то, что у ряда других монгольских народов этнографами зафиксированы такие общие характеристики интересующего нас плана: местность для похорон должна быть солнечной, покатой, безводной, каменистой, окаймленной горами с севера и востока, а с западной стороны ограничена рекой [Тангад, 1992, с.130].

Кудыргэ. Бусы монгольского времени в экспозиции ГЭ (по: [Тишкин, 2009])

Кудыргэ. Часть металлического украшения головного убора. Государственный Эрмитаж, колл. №4387 (по: [Тишкин, 2009])

Площадка, где расположен памятник Усть-Бийке-III, полностью соответствует всем требованиям, приведенным для организации могильников у захчинов: она обращена к югу и юго-востоку на расширяющуюся долину близ впадения р. Бийке в Катунь, хорошо освещается, сухая, окружена горами, аналогичными по форме; действительно туда нужно всходить вверх по склонам, как по лестнице; захоронения имитируют юрту и т.д.

При проведении археологических раскопок в долине Бертек, у подножия третьего террасовидного уровня левого берега Ак-Алахи, обнаружен курган монгольского времени. Исследователи отметили специфику месторасположения этого объекта в отличие от погребальных памятников других эпох: в укромном, непривлекательном месте небольшая почти плоская насыпь располагалась близ вершины в пологой ложбинке, ведущей на склон высокой крутой предгорной террасы, неподалеку от горного озера; незадернованная подпрямоугольная наброска над могилой почти примыкала к осыпи камней ложбины, как бы являясь ее продолжением [Древние..., 1994].

Аналогичная ситуация зафиксирована при изучении известного памятника Кудыргэ в долине Чулышмана. Там обнаружены захоронения монгольского времени, в которых зафиксирован комплекс показательных вещей («венчик», серьга, зеркало, колчан со стрелами и др.). А.А. Гаврилова [1965], проанализировав все материалы указанного комплекса и выделила среди них бо-

лее поздние могилы «часовенногорского типа», которые отнесла к периоду монгольского господства (XIII–XIV вв.). Большое значение также имели материалы, добытые Алтайской экспедицией Государственного Эрмитажа в 1939 г. Археологические исследования тогда осуществлялись М.П. Грязновым [1940] в долинах рек Чарыш, Кан, Ябоган, Кырлык. На обширном могильном поле в Яконуре было вскрыто 17 погребений, в том числе относящихся к XIV в.

В результате осуществленных работ получены показатели, дающие возможность продолжить сопоставление этнографических и археологических материалов. Последние, как уже было сказано, немногочисленны. К тому же, в XII–XIV вв. был распространен обычай использования древних курганных насыпей для сооружения в них поздних впускных погребений [Могильников, 1981, с. 194; Тишкин, 1998; 2001], многие из которых также могли соответствовать выше перечисленным требованиям по выбору места могильника.

Имеющиеся на сегодняшний день научные сведения пока не позволяют подробно рассматривать этнокультурную историю населения Алтая монгольского времени. Можно лишь еще раз отметить, что предыдущие тюркские и кыргызские традиции прекращают свое существование, и на их смену приходят новые, которые в свою очередь отличаются от зафиксированных в лесостепной зоне и будут рассмотрены в следующем разделе. Археологические материалы довольно отчетливо демонстрируют приход нового населения, а затем полное доминирование традиций кочевников из восточных районов Центральной Азии. Название археологической культуры пока для Горного Алтая не обозначено. Несмотря на это, предварительно выделены два этапа в развитии зафиксированной общности со своими отличительными особенностями – верх-еландинский (XII в.) и усть-бийкенский (XIII–XIV вв.). Первый период синхронизируется с процессом расселения найманов (около 1100 г.) и разгромом их монголами (1204 г.), а второй связан с завоеванием Южной Сибири (1207 г.), включением этой территории в Улус Великого хана (1227 г.) и затем в состав провинции Лин-Бей (1293 г.) империи Юань, которая пала в 1368 г. [Тишкин, 2009]. Для дальнейшей реконструкции историко-культурной ситуации в Горном Алтае необходимо провести археологические раскопки памятников монгольского времени.

Этапы развития культуры Алтая монгольского времени

Верх-еландинский этап

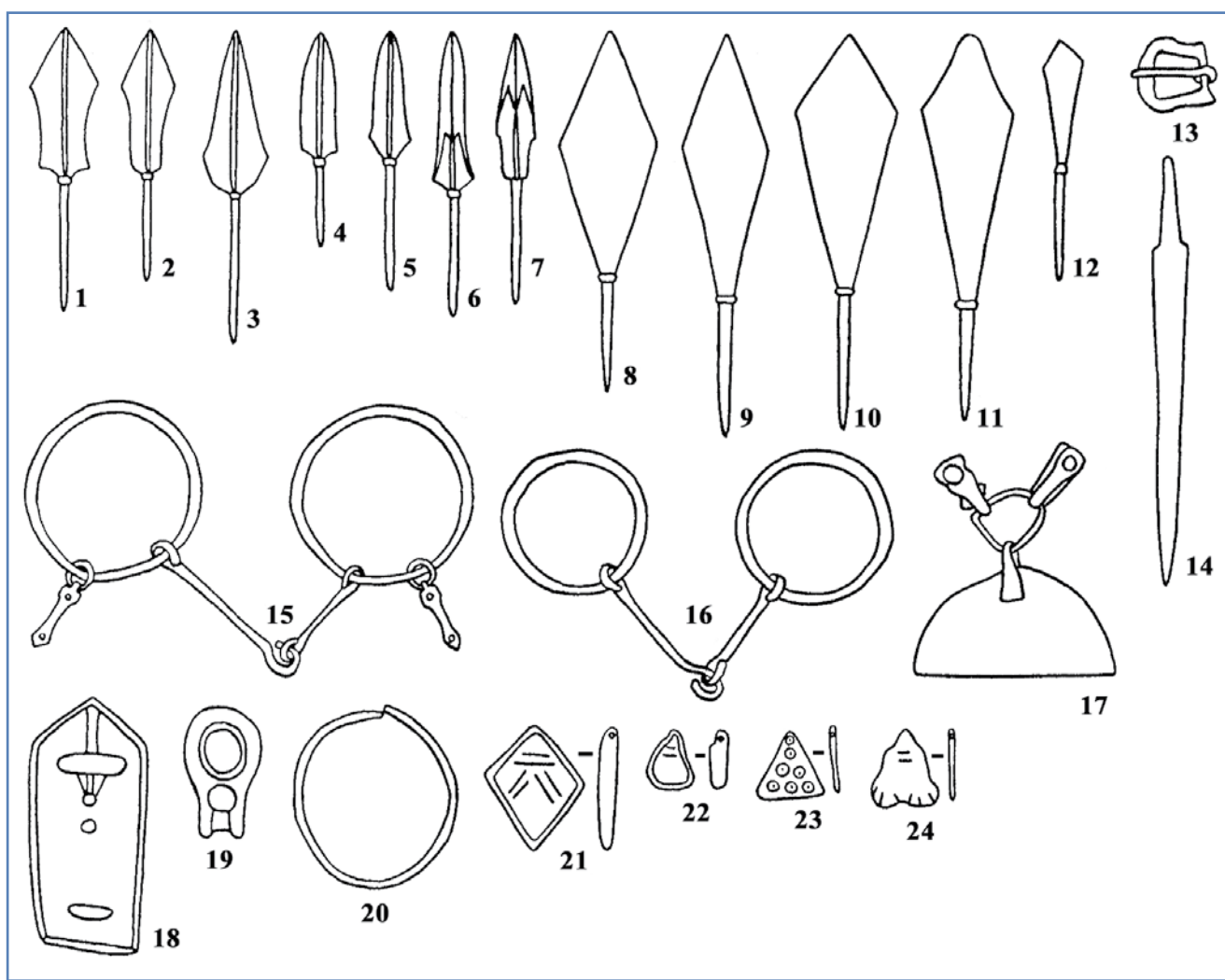
XII в.; время сочетания разнотультурных элементов.

Исторические события

Хронологические границы этапа соотносятся с расселением найманов в Западной Монголии около 1100 г. и разгромом найманов монголами в 1204–1205 гг.

Могильники

Верх-Еланда-I, курган №1, 5 (вп.); Элекманар-II, курган №17; Бичикту-Бом; Кудыргэ, курганы №16, 38, 74, 76.

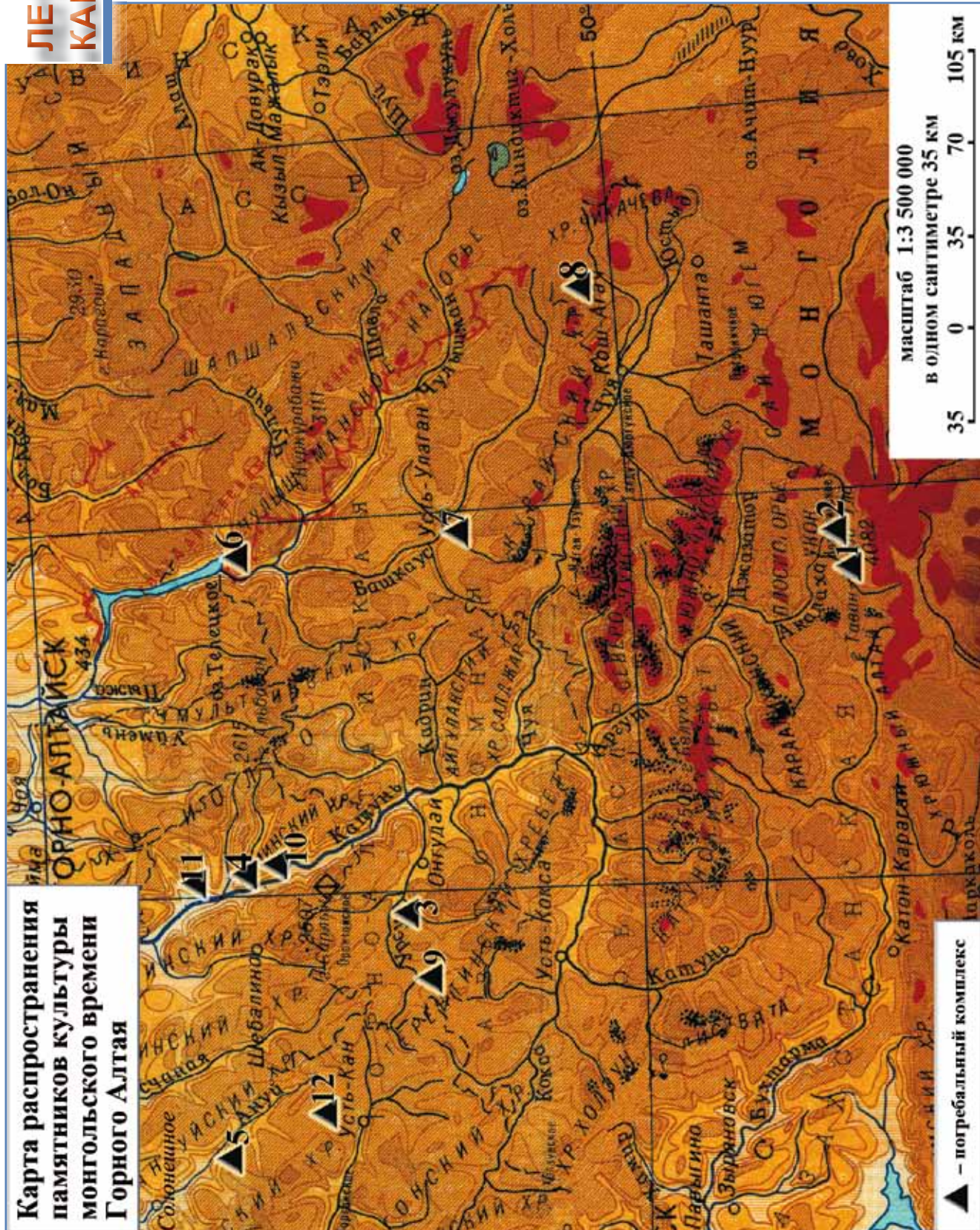
Материалы верх-еландинского этапа культуры монгольского времени (XII в. н.э.): вооружение (1–12), снаряжение человека (13) и верхового коня (15–19), орудия труда и предметы быта (14), украшения костюма (20–24). Памятники: Бичикту-Бом – 18–24; Верх-Еланда-I – 1–6, 8–15, 17; Элекманар-II – 7, 16. Материал: 1–17 – железо; 18, 19 – рог; 20 – цветной металл; 21–24 – ляпис-лазурь, перламутр

ЛЕГЕНДА КАРТЫ

- 1 – Ак-Алаха-I;
- 2 – Бертек-20;
- 3 – Бичикту-Бом;
- 4 – Верх-Еланда-I;
- 5 – Денисова пещера;
- 6 – Кудыргэ;
- 7 – Межелик;
- 8 – Талдуайр-I;
- 9 – Тожон;
- 10 – Усть-Бийке-III;
- 11 – Электмонар-II;
- 12 – Яконур

Яконур. Курган №1.
ГЭ, колл. №1554

Усть-бийкенский этап

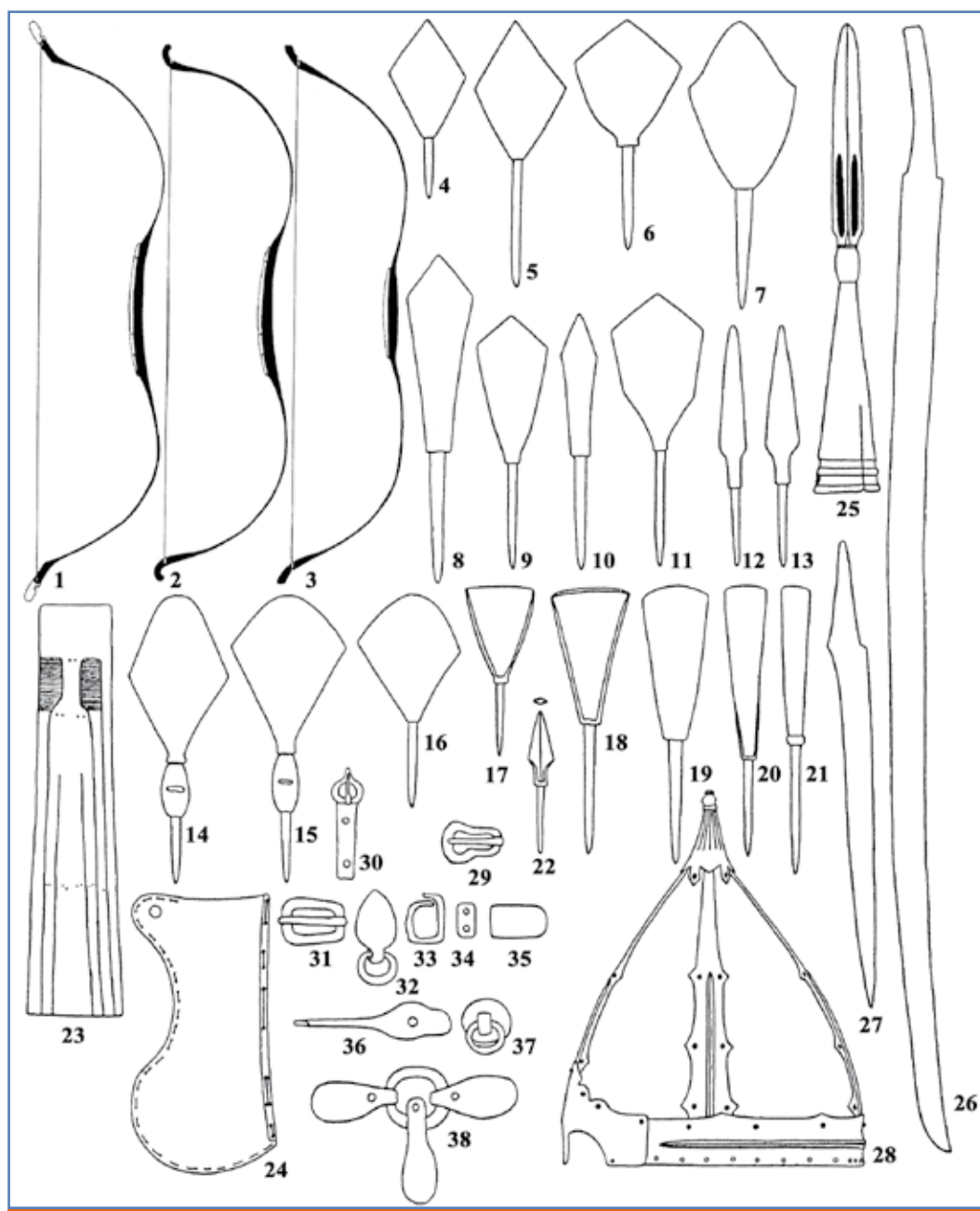
XIII–XIV вв.; время сложения единой культуры в степном поясе Евразии, наличие локальных особенностей для отдельных территорий.

Исторические события

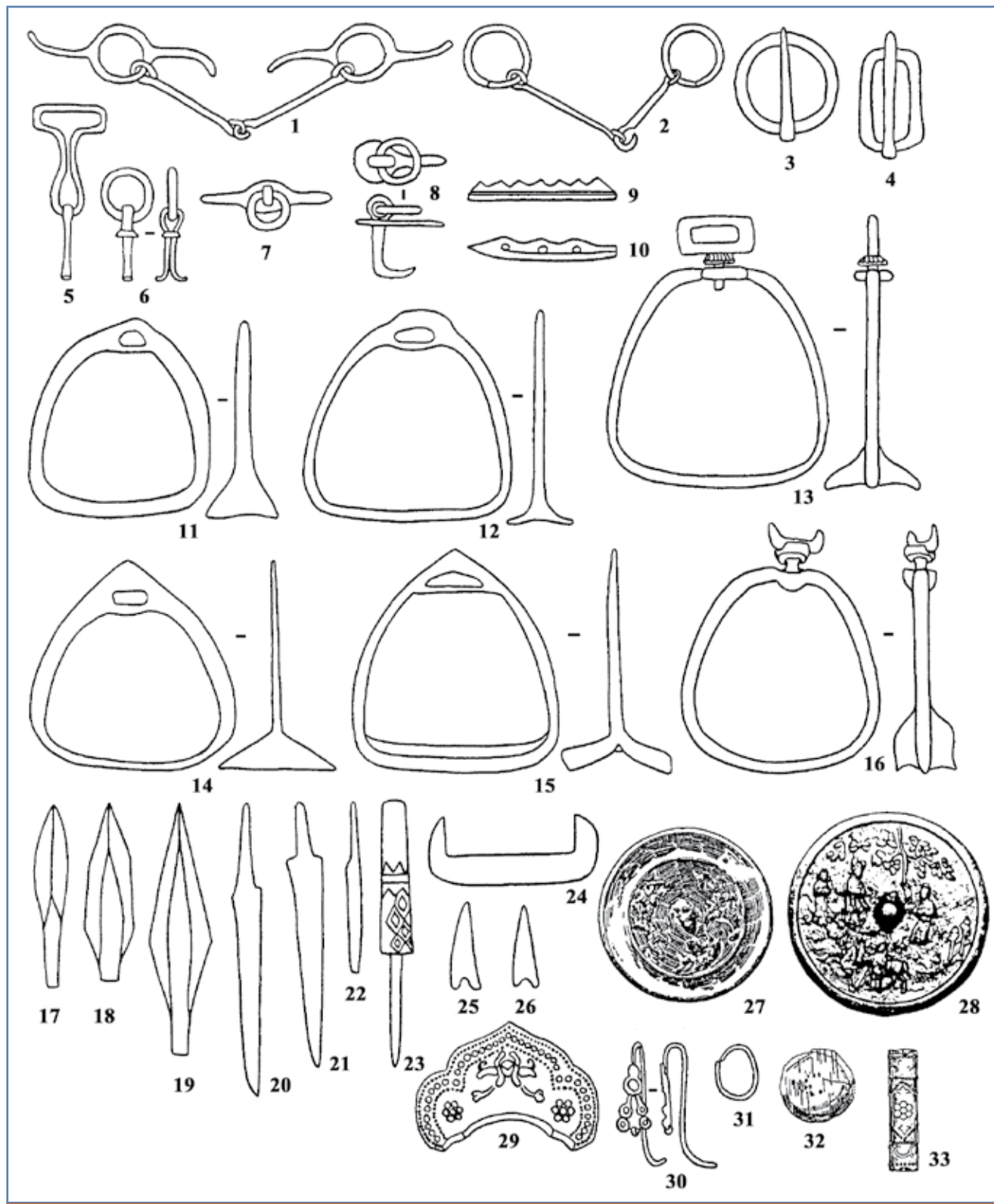
Соотносится с такими событиями, как завоевание Южной Сибири монголами (1207 г.), включение Алтае-Саянской горной страны в улус Великого хана (1227 г.), завоевание Саяно-Алтая империей Юань (1293 г.), падение империи Юань (1368 г.).

Могильники

Кудыргэ, курганы №14, 17, 19–21; Яконур, курган №1-А, Д, курган №2; Талдуаир-1, курган №6 (вп.); Усть-Бийке-III, курганы №1–3, 7; Ак-Алаха, курган №1 (вп.); Бертек-20 и др.

Материалы усть-бийкенского этапа культуры монгольского времени (XIII–XIV вв. н.э.): вооружение (1–28) и снаряжение человека (29–38). Памятники: Ак-Алаха – 17, 22, 29; Горный Алтай – 25, 26; Кудыргэ – 7, 8, 19, 23; Мульта – 28; Тожон – 14–16, 24; Усть-Бийке-III – 2, 4, 5, 10, 11, 27, 31–38; Яконур-1, 3, 6, 12, 13, 18, 20, 21, 30. Материал: 1–3 – рог, дерево; 4–22, 25–38 – железо; 23 – береста; 24 – кожа, дерево

Материалы усть-бийкенского этапа культуры монгольского времени (XIII–XIV вв. н.э.): снаряжение верхового коня (1–16), орудия труда и предметы быта (17–28), украшения костюма (29–33). Памятники: Ак-Алаха-1 – 2; Бертек-20 – 28; Кудыргэ – 7–11, 14, 23, 27, 29–33; Тожон – 17–19; Усть-Бийке-III – 4, 15, 16, 21, 24–26; Яконур – 3, 5, 6, 12, 13, 20, 22. Материал: 1–8, 11–16, 20–22, 24 – железо; 9, 10, 17–19, 25, 26 – рог, кость; 23 – рог, железо; 27–31 – цветной металл; 32 – береста; 33 – серебро, дерево

Контрольные вопросы

1. Каким образом изменилась история Алтая и Центральной Азии в XII в.?
2. Кто такие найманы? Как они характеризуются в сборнике летописей Рашид-ад-дина?
3. Почему 1206 г. считается годом создания монгольской государственности?
4. Расскажите о роли Джучи в завоевательной политике Чингисхана.
5. Охарактеризуйте деятельность хана Хубилая.
6. Обозначьте причины сокращения населения Алтая в монгольский период и после него.
7. Какие письменные источники позволяют реконструировать быт и обычаи монголов?
8. Каким образом Плано Карпини характеризует погребальный обряд монголов?
9. Что представлял собой монгольский обычай очищения огнем?
10. Какие данные письменных и этнографических источников позволяют понять планировку погребальных памятников Алтая монгольского времени? Приведите примеры.
11. Кратко изложите историю изучения памятников Алтая развитого средневековья.
12. Назовите и охарактеризуйте этапы в развитии культуры Алтая монгольского времени.

Задания

Задание 1. Внимательно изучите иллюстрации по материальной культуре верх-еландинского и усть-бийкенского этапов культуры Алтая монгольского времени. Проведите сравнительный анализ по категориям предметов и особенностям археологических находок.

Задание 2. Проследите по предлагаемой карте распространения памятников монгольского времени. В каких районах Республики Алтай располагаются погребальные объекты монгольского времени?

Задание 3. Прочитайте фрагменты из монографии А.А. Тишкина «Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников)» [2009]. На основе данных сведений, а также используя содержание раздела, карту и иллюстрации, подробно изложите зафиксированные результаты изучения погребального обряда населения Алтая монгольского времени.

В Горном Алтае раскопано небольшое количество памятников монгольского времени, и существующие письменные свидетельства крайне слабо отражают те события, которые происходили в данном регионе... Всех этих материалов пока недостаточно для подробного рассмотрения имеющихся проблем изучения кочевого общества развитого средневековья. Можно лишь повторить, что предыдущие тюркские и кыргызские традиции прекратили свое существование. Это явно связано со сменой населения в XII в. и с последующим доминированием восточноазиатских культурных компонентов в результате создания Монгольской империи...

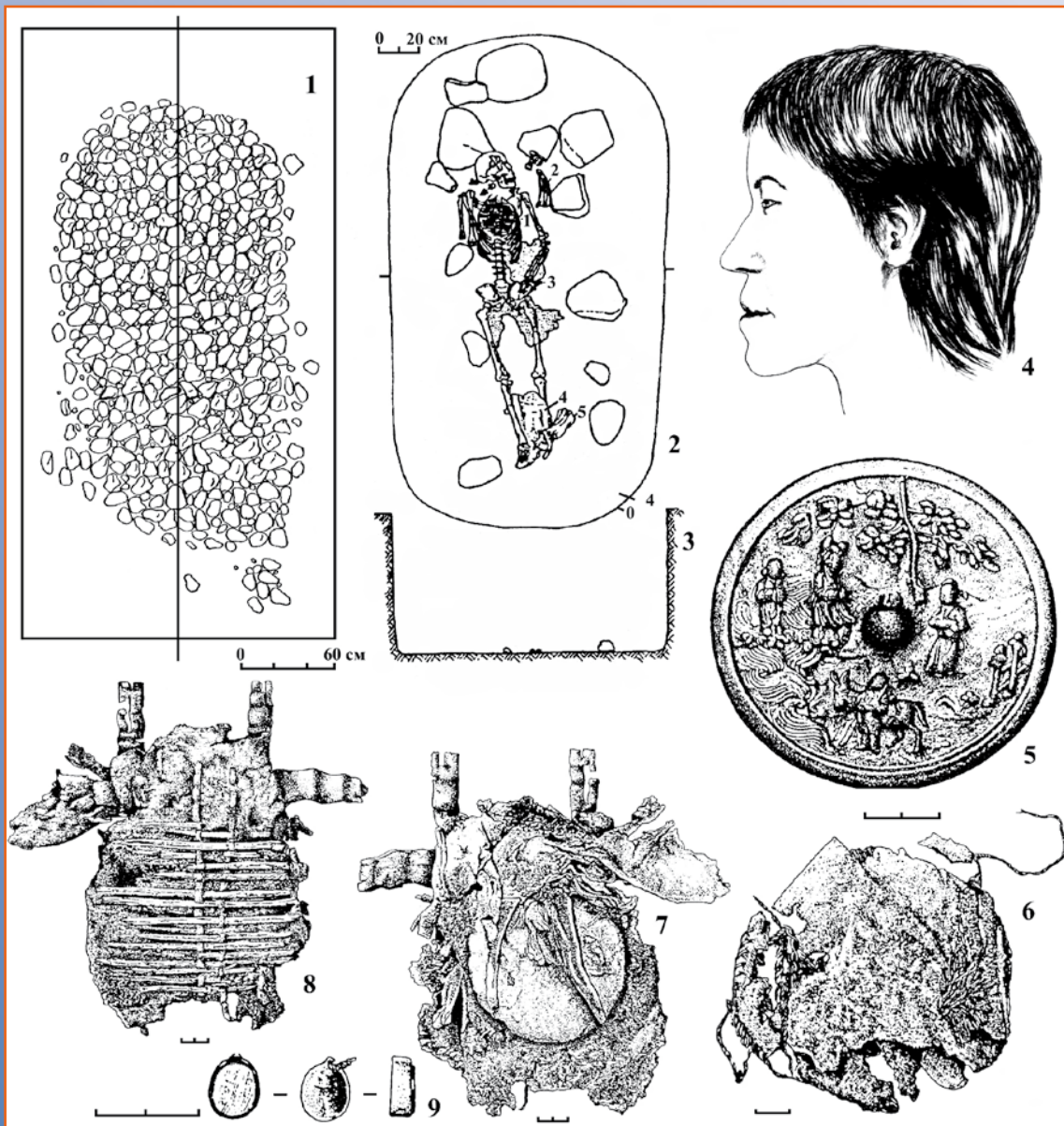
...АК-АЛАХА-I. При исследовании пазырыцкого кургана №1 было обнаружено впускное погребение монгольского времени. В ходе раскопок удалось зафиксировать процесс оформления могилы. Для этого выбрали часть камней насыпи. В центр образовавшейся овальной ямы положили умершего человека: вытянуто на спину, головой на запад. Его руки были согнуты в локтях, а кисти сложены ниже живота. Справа, в районе пояса, обнаружены два железных наконечника стрел («двухлопастный плоский с длинным насадом и бронебойный») и железные удила. У костей стоп ног найдены железный предмет и несколько костей овцы. В заполнении могильной ямы зафиксирована железная пряжка. Погребение по комплексу вещей датировано XIV в. н.э. [Полосьмак, 1994, с. 19; Молодин и др., 2004, с. 65].

БЕРТЕК-20. Этот памятник, как и предыдущий, исследовался в начале 1990-х гг. на территории плоскогорья Укок в Кош-Агачском районе Республики Алтай [Древние культуры..., 1994, с. 16, 25, рис. 4]. Он представлял собой одиночный курган, который находился в укромном, непривлекательном месте. Небольшая и почти плоская насыпь располагалась близ вершины в пологой ложбинке, ведущей на склон высокой крутой предгорной террасы р. Ак-Алахи, неподалеку от горного озера. Незадернованная подпрямоугольная наброска над могилой почти примыкала к осыпи камней ложбины, как бы являясь ее продолжением. С трех сторон курган был скрыт склонами террасы. Со стороны устья лога (на восток-юго-восток ...) открывался вид на пойму [Молодин, Соловьев, 1994б, с. 152].

Курган №1 зафиксирован в 60 м к западу от памятника Бертек-17 и в 145 м к западу от объекта №4 могильника Бертек-10, у подножия третьего террасовидного уровня левого берега р. Ак-Алаха [Молодин и др., 2004, с. 132]. Защищенная насыпь размерами 2,85x1,45 м в виде плоской вымостки оказалась сложена из мелкого галечника и имела скругленную подпрямоугольную форму. Она была ориентирована длинной осью по линии Ю–С и покрывала могилу. В яме размерами 2,58x1,45 м и глубиной 0,74 м от уровня материка лежал скелет женщины в возрасте 30–35 лет (определения Д.В. Позднякова [2006, с. 89]).

Умершую положили на дно могилы вытянуто на спине, головой на север–северо-запад. Кости предплечья правой руки оказались смещены. Левая рука была немного отведена в сторону и согнута в локте, а ее кисть лежала в районе таза. На дне ямы вокруг скелета находились крупные валуны. На черепе, в области поясничного отдела и на костях ног погребенной сохранились остатки истлевшего войлока. Справа от головы найдены фрагменты берестяного туеска (?). В области шеи обнаружено украшение в виде серебряного (?) медальона с каменной вставкой. Верхнюю часть грудной клетки закрывали остатки изделия из прутьев и кожи. На груди погребенной под вышеуказанным изделием зафиксирована войлочная сумочка, в ней находилось китайское бронзовое зеркало, украшенное реалистически выполненной композицией с изображениями реки, дерева, людей и животных [Молодин, Соловьев, 1994, с. 127].

Полученный инвентарь и зафиксированные элементы погребального обряда были подробно охарактеризованы авторами публикации. Объект первоначально датирован поздним средневековьем (2-я четверть II тыс. н.э.) и с определенной долей условнос-

ти связывался «...с одной из южных алтайских групп населения» [Молодин, Соловьев, 1994б, с. 152–155]. Позднее курган отнесен к монгольскому времени и датирован XII–XIV вв. [Молодин и др., 2004, с. 221–223, рис. 380].

Среди обнаруженных вещей особое внимание заслуживает круглое металлическое зеркало. На одной стороне его рельефно выделен бортик и изображена жанровая сцена, сюжет которой взят из «Предания о Лю И» танского автора Ли Чаовэя [Молодин, Соловьев, 1994, с. 153]. Аналогии изделию, которое датируется монгольским временем, можно найти в отечественных и китайских изданиях [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 90]. Подобные предметы хранятся в Музее археологии и этнографии Южной Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета.

Список литературы к разделу

- Викторова Л.Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.
- Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 224 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.: ил.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.: ил.
- Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв.: Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Вост. горизонт, 2002. 84 с.
- Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Вып. I. С. 17–21.
- Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.
- История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. 3-е изд.; Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд.; Книга Марко Поло. 4-е изд. / вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. 460 с.: ил. (Путешествия и путешественники).
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 368 с. (Orientalia).
- Мэнэс Г. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX – начала XX в. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 112–126.
- Рашид-ад-дин: Сб. летописей: в 3-х т. М.: Ладомир, 2002а (Репринтное воспроизведение издания. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. 316 с.).
- Рашид-ад-дин: Сб. летописей: в 3-х т. М.: Ладомир, 2002б (Репринтное воспроизведение изданий. М.: Изд-во АН СССР, 1960; М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 2–3. 340 с.).
- Тангад Д. Заметки о похоронных обычаях в западных районах МНР // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 127–133.
- Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с. + вкл.
- Усманов М.А. Золотая Орда: истоки и наследие // Сокровища Золотой Орды. СПб.: Славия, 2000. С. 26–46.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 274 с.
- Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, 2004. 558 с. (Военно-историческая библиотека).
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевого населения северо-восточных районов Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Казань: Фэн, 2009. Вып. 2. С. 168–180.
- Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1983. 232 с.
- Юрченко А.Г. Средневековые монгольские погребения: соотношение этнического и имперского // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 159–180.

КАРМАЦКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

История изучения памятников Лесостепного Алтая, относящихся к монгольскому времени, началась в XIX столетии. За прошедший период выявлен и изучен целый ряд комплексов развитого средневековья. Данный процесс имел свои особенности, которые есть смысл представить в кратком очерке, чтобы продемонстрировать наиболее характерные ситуации [Тишкин, 2009].

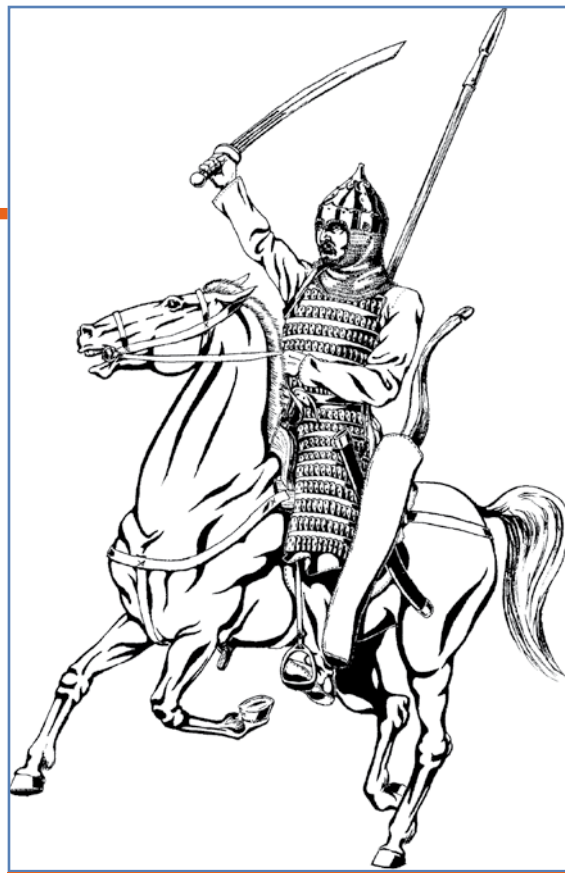
Н.С. Гуляев первым из местных краеведов и членов Общества любителей исследования Алтая получил от Императорской археологической комиссии Открытый лист на осуществление в 1898 г. работ в пределах Алтайского округа. В 1903 г. Н.С. Гуляев осуществил раскопки у с. Большая Речка, а потом отправился в с. Усть-Чарышское для изучения уже известного «городища». На месте Николаю Степановичу сообщили, что интересовавший его холм находится между селением Елбанским и д. Коловой, на болотистой низменности, недалеко от левого берега Чарыша. По рассказам крестьян, прежде на той местности рос березняк, но затем его вырубили. Оказалось, что археологический объект занимал значительную площадь, имевшую вид правильной трапеции. Н.С. Гуляев измерил городище и установил, что на нем находится поросшая кустарником поперечная канава шириной около 2 м. Около этого рва, по мнению краеведа, располагался «курган». В нескольких местах памятника были заложены шурфы. В результате археологом-любителем были обнаружены свидетельства культурного слоя [Тишкина, 2010].

Коллекции, полученные в результате археологических работ 1903 г., Н.С. Гуляев передал в музей Алтайского подотдела ЗСО ИРГО. Согласно записям инвентарной книги, в фонды поступили наконечники стрел, ножи, «медная» бляшка от поясного набора, стремя и другие предметы из железа, кости человека и животных, а также несколько десятков фрагментов керамики. В настоящее время предметы хранятся в АГКМ (колл. ОФ №28–35) и лишь частично опубликованы.

Осмотр и исследования на указанном памятнике, получившем обозначение Елбанка (Елбанка-I), производились уже в советское время. В 1920-е гг. там побывали М.Д. Копытов и С.М. Сергеев. Значительная часть разновременного материала ныне хранится в АГКМ (коллекции №12693, 12696, 12699, 12909, 12985, 13006). Эти многочисленные находки получены в конце 1960-х и в начале 1970-х гг. в ходе раскопок, осуществленных Э.М. Медниковой. В 1987 г. на городище Елбанка исследования проводил В.А. Могильников. Среди обнаруженных находок имеются предметы, датируемые XII–XIV вв. [Абдулганеев, 2001].

Еще один знаменитый археологический комплекс разновременных памятников находится в урочище Ближние Елбаны, в пойме Оби близ с. Чаузово (Топчихинский район Алтайского края). Он стал изучаться с конца XIX в. Сначала раскопки на нем осуществлялись, как уже отмечено, археологом-любителем Н.С. Гуляевым. Исследования, проведенные во 2-й половине 1940-х гг. Северо-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры АН СССР под руководством М.П. Грязнова [1956], дали материалы монгольского времени, которые были еще дополнены в начале 1980-х гг. [Тишкин, 2009].

В 1960-е гг. в Бийский краеведческий музей (БКМ) поступили материалы, относящиеся к эпохе средневековья. Находки первоначально связывались с одним из городищ. Позднее выяснилось, что они происходят из двух разрушенных захоронений на памятнике, получившем название «АБ» по обозначению жилищного микрорайона на плане застройки Бийска. Одну из этих могил в конце 1960-х гг. доисследовал Б.Х. Кадиков, который составил план погребения и зафиксировал найден-

Конный воин Лесостепного Алтая монгольского времени. Реконструкция В.В. Горбунова, рисунок Д.В. Позднякова

ный предметный комплекс рядового кочевника монгольского времени. Памятник ныне имеет обозначение АБ (Бийск). Обследование территории в месте обнаружения захоронений показало наличие других сооружений, возможно, также периода развитого средневековья. Так, в 100 м северо-западнее надбереговой опоры ЛЭП в ложине, прорезающей третью надпойменную террасу, зафиксированы две земляные курганные насыпи диаметром 5–7 м, высотой до 0,5 м.

В Бийском краеведческом музее также хранится коллекция №197 с предметным комплексом XIII–XIV вв. Вместе с находками в лотке лежал листок бумаги, на котором было отмечено, что материалы разрушенного погребения собраны в 1969 г. Б.Х. Кадиковым, Н.Л. Членовой и А.П. Марковым на дюне у с. Камышенка, напротив с. Вяткино. Сведения о найденной могиле были кратко опубликованы Н.Л. Членовой в «Археологических открытиях 1969 года». В небольшой заметке сообщалось о том, что «...Алтайский отряд Западно-Сибирской экспедиции проводил раскопки в лесной и предгорной зонах Алтая, ...на правом берегу р. Оби, против дер. Вяткино (Усть-Пристанский р-н) обнаружен грунтовый могильник тюркской эпохи. Расчищено одно погребение с бронзовыми серьгами, железным ножом и обломками железных стремян и других предметов». В том же полевом сезоне Б.Х. Кадиков указал местонахождение открытого памятника Д.Г. Савинову, который раскопал там еще две могилы. На грунтовом могильнике, за которым закрепилось название Сухие Гривы, проводились и другие изыскания [Тишкин, 2009, с. 111–116].

В 1969 г. в урочище Осинки (Усть-Пристанский район Алтайского края) Н.Л. Членовой был обнаружен и частично исследован разрушавшийся могильник. В 1970 г. под руководством Д.Г. Савинова там производились масштабные работы. По мнению автора раскопок, среди исследованных 76 погребений имелась компактная группа объектов, которые можно датировать монгольским временем. Материалы хранятся в Государственном Эрмитаже (колл. №2473). В настоящее время исследованные погребения развитого средневековья полностью опубликованы [Савинов, Новиков, Росляков, 2008].

Весной 1972 г. от учительницы истории В.С. Усачевой из с. Ильинка (Шелаболихинский район Алтайского края) в тогдашний Кабинет истории и археологии Барнаульского пединститута поступила небольшая коллекция древних предметов, собранная учащимися местной школы на песчаных выдувах нижней террасы Оби в окрестностях деревни. Преподавательница сообщила о том, что в зоне находок велось мелиоративно-строительство, грозившее памятнику уничтожением. На основании имевшихся сведений Управление культуры Алтайского крайисполкома приняло решение о проведении в окрестностях с. Ильинка «...ограниченных по масштабам аварийных работ». С такой просьбой руководство Алтайского отделения ВООПИК обратилось на кафедру отечественной истории Барнаульского пединститута. Район работ экспедиции, организованной под руководством А.П. Уманского, представлял собой обширную луговину в пойме Оби. В древности река проходила у самого левого берега, крутого и обрывистого, высотой до 40 м. Потом она пробилась себе русло восточнее и отошла на расстояние до 3–4 км. В результате этого большой участок низменной стороны превратился в обширный луг с озерами и лягами. Некоторые песчаные дюны поросли кустарником, но многие оказались развеянными ветром. Ниже по течению Оби, близ с. Селезнево и еще далее у с. Киприно, такие дюны сохранились хорошо. Они достаточно высокие. На таких местах, называемых елбанами, селились люди, устраивались могильники. Среди исследованных тогда погребений три могилы относятся к монгольскому времени. Эти материалы полностью опубликованы [Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001].

Курганная группа монгольского времени, получившая обозначение «Кармацкий», обнаружена в 1975 г. тогдашними барнаульскими студентами Н.Д. Брусником*, С.В. Цыбом и В.М. Топычановой, которые предприняли попытку отыскать местонахождение Белоярской крепости.

* Н.Д. Брусник был старостой археологического кружка, действующего под руководством А.П. Уманского в Барнаульском государственном педагогическом институте. С.В. Цыб и В.М. Топычанова тогда учились на историко-филологическом факультете Алтайского государственного университета.

Находки из погребений.
Усть-Алейка-Клуб. МАЭА АлтГУ
(колл. №136) (по: [Тишкин, 2009])

Случайные находки предметов
вооружения из Лесостепного
Алтая (по: [Тишкин, 2009])

Но в результате ими были найдены курганы, которые располагались в бору на выделяющемся мысу надпойменной террасы правого берега Оби, неподалеку от пос. Кармацкий в Первомайском районе Алтайского края. Молодые люди попробовали самостоятельно раскопать один из погребальных объектов. Однако, по воспоминаниям участников разведки, до конца они это сделать не смогли. В том же 1975 г. В.А. Могильников, опираясь на полученные от студентов сведения, исследовал на памятнике курган с нетронутым погребением монгольского времени. Результаты обследования и полученные материалы раскопок опубликованы лишь через 17 лет [Тишкин, 2009].

В июне 1981 г. при проведении строительных работ у с. Усть-Алейка Калманского района Алтайского края обнаружена могила, в которой находилось «богатое женское погребение». Собранные тогда вещи были переданы в Алтайский краевой краеведческий музей (ныне – Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ), Барнаул), где они и сейчас хранятся в коллекции №14483. Вместе с предметами находилась записка следующего содержания: «с. Усть-Алейка, 300 м от старого (пересохшего) русла Алая. Курган, высота ≈ 1 м. Женское захоронение, лежала на боку. Гроб деревянный, внутри обложен берестой. Найдено рабочими при строительстве цеха по производству гранул (из) трав, муки, середина июня 1981 г.».

Обнаруженное захоронение привлекло внимание археологов Алтайского госуниверситета. В августе 1981 г. «по горячим следам» место по сути дела разрушенной могилы обследовал В.Б. Бородаев. Им же были выяснены

подробные обстоятельства выявления памятника, получившего обозначение Усть-Алейка-5. Собранные тогда сведения кратко и в популярной форме нашли отражение в газетной публикации (Алтайская правда. 1982. 18 июня), подготовленной В.Б. Бородаевым, тогдашним сотрудником Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая АлтГУ. Для представления картины произошедших событий следует продублировать некоторые данные, приводимые в статье, которая называлась «Усть-алейские находки»: «...Копая яму под столб, экскаваторщик совхоза «Ягодный» П.Д. Кириченко задел древнее захоронение. Машинист агрегата витаминной муки В.С. Храпов, остановив дальнейшие работы, сообщил о находке местным краеведам – учителям Усть-Алейской средней школы Д.Т. Юртайкину и С.В. Головину, которые тщательно собрали остатки предметов, положенных в могилу вместе с умершей... Все эти вещи были сданы учительницей истории Усть-Алейской школы Н.П. Частухиной в Алтайский краеведческий музей». В той же газетной публикации был указан перечень находок и представлены фотографии двух из них: «...уникальное украшение головного убора из двух тонких серебряных пластинок с тисненым орнаментом» и украшенный вышивкой обрывок одежды «...из узорчатой шелковой ткани». Основываясь на комплексе рассмотренных предметов, В.Б. Бородаев датировал разрушенное погребение из Усть-Алейки-5 XIII–XIV вв., сопоставил его с захоронениями половцев и предпринял попытку анализа вышивки на уцелевшем фрагменте ткани. В заключение цитируемой газетной статьи указывалось на «...большую научную ценность усть-алейского могильника» и на то, что «...планируется продолжить его раскопки летом 1982 года».

Погребения монгольского времени были зафиксированы и прямо в центральной части с. Усть-Алейка, около клуба. В начале 1980-х гг. при строительстве стадиона часть захоронений оказалась скрыта в ходе планирования площадки. На место разрушения памятника выезжал В.Б. Бородаев, который выявил и раскопал сохранившуюся могилу. Эти сведения он кратко опубликовал, предположив, что памятник относится не к XIII–XIV вв., как датируются наконечники стрел, а «...к несколько более позднему времени». Дальнейшие работы в Усть-Алейке были продолжены А.Л. Кунгуровым [1991]. Результаты исследования в 1987 г. аварийных объектов и полученные материалы почти полностью введены в научный оборот. Зафиксированный грунтовый могильник XIII–XIV вв. получил обозначение «Усть-Алейка-Клуб».

Особое место среди выявленных памятников монгольского времени занимает курганная группа Телеутский Взвоз-I. В 1990-е гг. экспедициями Алтайского государственного универси-

тета осуществлялись работы между селами Елунино и Черемно-Подгорное (Павловский район Алтайского края). Результаты исследований представлены в монографии [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002], где наряду с подробным анализом археологических материалов охарактеризован антропологический тип населения Лесостепного Алтая монгольского времени [Поздняков, 2002].

С 2001 г. на археологическом комплексе Кармацкий стали проводиться изыскания, направленные на осуществление необходимых раскопок. Дело в том, что с этого времени усугубилось состояние памятника. Данные обстоятельства определили начало систематических исследований, которые на первом этапе предусматривали описание каждого объекта и получение достоверного плана в масштабе 1:2 м. Из зафиксированных курганов четыре оказались полностью раскопанными (№1, 3–5), а на одном (№6) был хорошо виден «свежий» прямоугольный шурф. Более 14 объектов находились в аварийном состоянии по следующим причинам: обрушивание береговой кромки и сооружение глубоких противопожарных рвов как по краю террасы, так и в других местах. Кроме этого, еще через ряд объектов проходили действующие летом полевые дороги. Одним из разрушающих памятник факторов являлось произрастание деревьев, которые, находясь на самих курганах и в непосредственной близости с ними, мощными корнями проникали в погребения. Реально таких объектов отмечено более десятка.

Общая площадь памятника Кармацкий составляет около 7000 кв.м. Высота террасы, на которой располагаются объекты, – около 20 м. После проведения обследований были сделаны следующие выводы:

1. Кармацкий – это один из самых крупных погребальных комплексов монгольского времени в Алтайском Приобье. Исследования на нем позволят существенным образом решить имеющиеся проблемы при изучении культуры населения развитого и, возможно, позднего средневековья. Материалы раскопок закроют «белые пятна» в этнокультурной истории Лесостепного Алтая и дадут возможность решать проблемы этногенеза ряда современных народов Сибири. В связи с этим исследования памятника Кармацкий перспективны для исторической науки в целом.

2. Обследованный памятник представляет собой не только группу курганов монгольского времени. На его территории зафиксирован поселенческий слой эпохи бронзы и раннего железа. Кроме этого, не исключено обнаружение археологических объектов других периодов и категорий. При их комплексном исследовании будет представлен культурно-хронологический срез в истории освоения Верхнего Приобья.

3. Памятник федерального значения Кармацкий является аварийным. Одна часть объектов разрушена противопожарными рвами и произрастаемыми деревьями, другая пострадала в ходе обрушивания береговой кромки и при использовании территории мыса в хозяйственных и дорожных целях. Кроме этого, песчаный грунт не способствует сохранению археологических материалов, которые очень важны для науки. Лишь своевременные раскопки позволяют изучить оставшуюся ценную информацию.

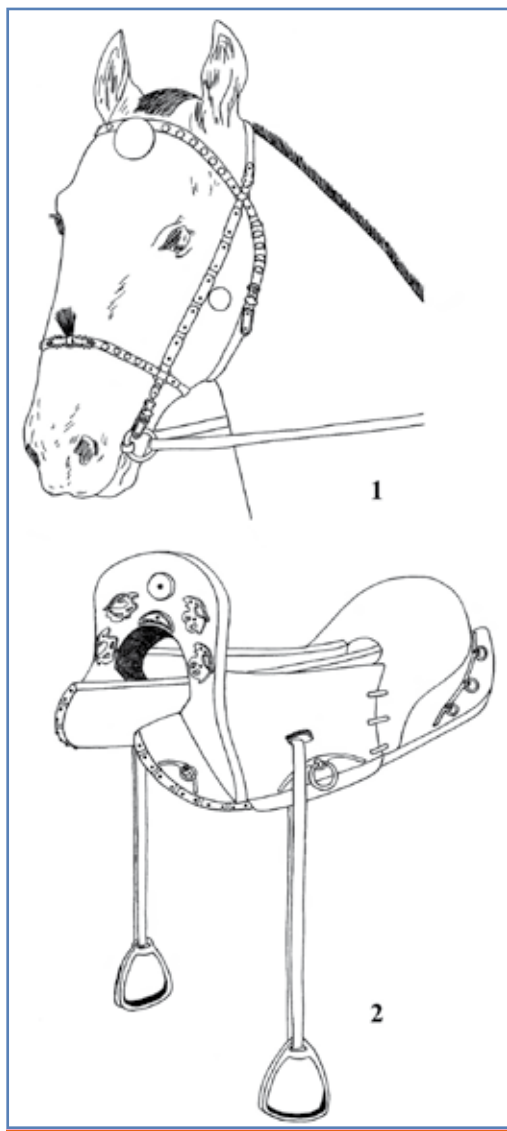
4. Для сохранения внешнего облика курганного могильника с целью частичной музеефикации следует после завершения раскопок восстанавливать должным образом каждую земляную насыпь. Для этого перед раскопками необходимо тщательно производить обмеры курганов. Работы по восстановлению курганных насыпей стоит проделать и с уже раскопанными объектами, после их полного доисследования.

В целом изучение предгорно-равнинной зоны Алтая позволило выявить и соответствующим образом обозначить следующие объекты монгольского времени: АБ (Бийск); Барчиха; БЕ-II; БЕ-VI; БЕ-XIV; Елбанка; Ильинка; Кармацкий; Коловый Мыс; Крестьянское-III; Осинки; Островное-III; Рубцовский; Раздумье-Іб; Сухие Гривы; Телеутский Взвоз-I; Усть-Алейка-5; Усть-Алейка-Клуб. Кроме этого, имеются еще сведения о разных, в том числе случайных, находках [Тишкин, 2009].

На основе материалов раскопанных памятников была предпринята попытка детальной реконструкции отдельных внутримогильных конструкций [Кунгуров, Тишкин, 2006]. Осуществляемый алгоритм многоплановой фиксации и описания исследованных погребальных

Сабля.
Кабаково
(экспозиция
АГКМ) (по:
[Тишкин, 2009])

Реконструкция узды и седла
из памятника Телеутский Взвоз-I
(по: [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002])

дольных горбылей вырубался паз, в который затем вставлялась поперечина. В могиле-1 кургана №71 на памятнике Кармацкий зафиксирован способ соединения рамы с помощью «диагонального» среза участка торца, что свидетельствует об определенных столярных навыках изготовителей. В этом же погребении отмечено применение в качестве строительного материала

Украшения седла. Телеутский Взвоз-I
(по: [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002])

камер в полевых условиях, несмотря даже на серьезные разрушения, дает возможность представить последовательность их сооружения и внешний вид. Например, опыт подобной практики нашел отражение при публикации материалов памятника монгольского времени Телеутский Взвоз-I [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002]. Такая работа была продолжена при изучении других комплексов. В результате оказалось, что ни одну из исследованных внутримогильных конструкций нельзя назвать «конвертом». Листы бересты со временем сворачивались и частично перекрывали скелет человека, но изначально они располагались совершенно по-другому. Определенные традиции отражает устройство в могильной яме продольных или поперечных уступов. Следует отметить широкое использование досок, плах и горбылей, которые формировали параметры и объем погребальной камеры. Учитывая вышесказанное, можно следующим образом восстановить последовательность оформления внутримогильного сооружения [Кунгуров, Тишкин, 2006]:

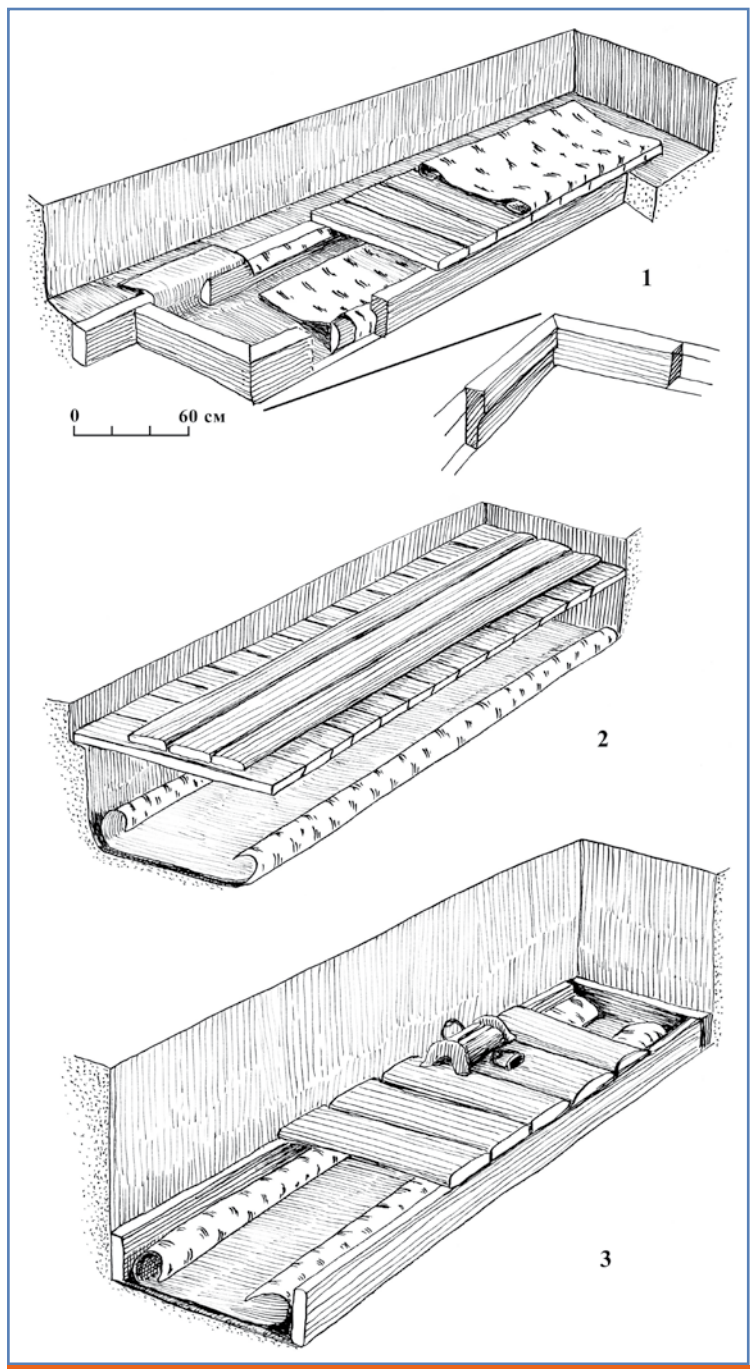
1-й этап (подготовка могилы). Все исследованные погребения находятся в относительно неглубоких ямах (от 0,4–0,5 до 1–1,2 м) подпрямоугольной или вытянуто-трапециевидной формы. Иногда устраивались уступы, игравшие роль опоры при устройстве перекрытия. Зафиксированы случаи «незапланированных» прокопов для размещения деталей сооружения, которые не входили по каким-то причинам в подготовленное пространство. Стенки и пол ямы выравнивались. Супесчаный грунт впоследствии часто сползал и осыпался, деформируя и нарушая внутримогильные конструкции.

2-й этап (установка рамы). Для формирования погребальной камеры применялись достаточно широкие и массивные горбыли или другие деревянные заготовки. Их длина, как правило, соответствовала параметрам ямы, хотя встречены случаи использования «несоответствующих» брусев. Рама устанавливалась тщательно, высота стенок нивелировалась подсыпкой грунта и трамбовкой его. Связка продольных и поперечных деталей могла осуществляться жестко. Например, в торцовых частях про-

дольных горбылей вырубался паз, в который затем вставлялась поперечина. В могиле-1 кургана №71 на памятнике Кармацкий зафиксирован способ соединения рамы с помощью «диагонального» среза участка торца, что свидетельствует об определенных столярных навыках изготовителей. В этом же погребении отмечено применение в качестве строительного материала бруса с продольным пропилом, который раньше явно применялся для каких-то других целей. Дополнительным свидетельством его вторичного использования являются следы обожжения на поверхности, не связанные с процедурой реализации погребального обряда. Иногда при создании внутримогильной камеры оформлялись материковые уступы. Часть из них играла чисто ути-

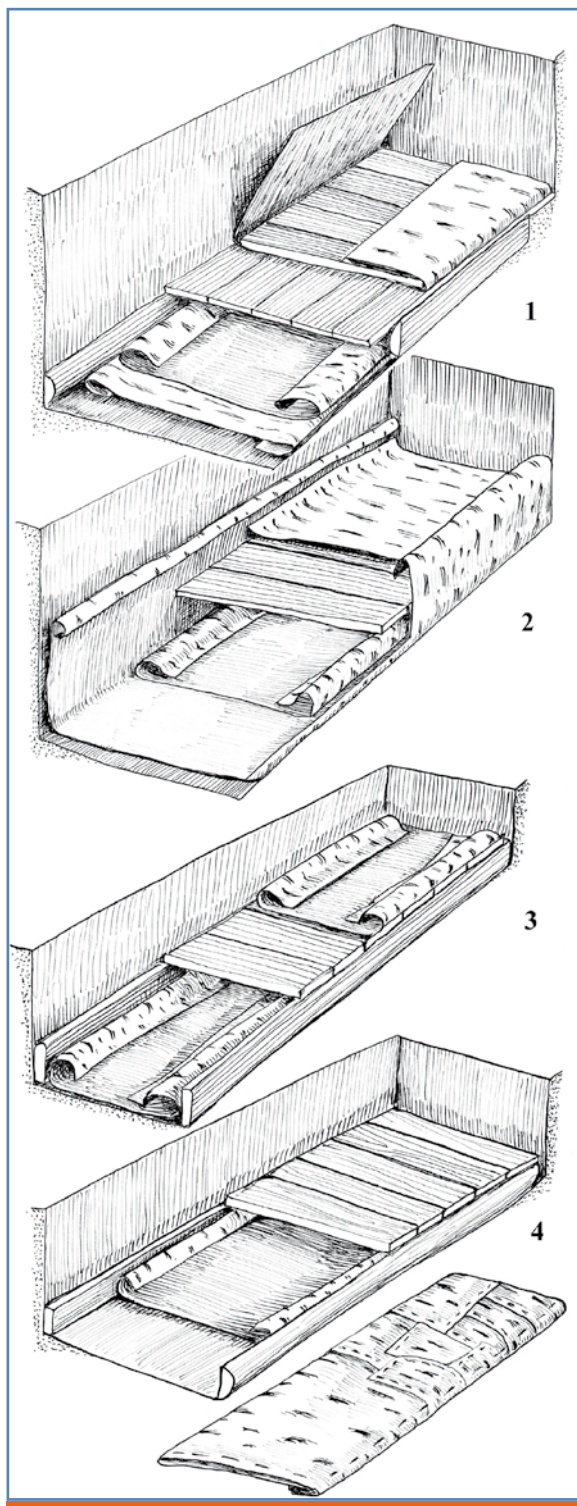
литарную роль в качестве ступеньки, препятствуя осыпанию песка при сооружении конструкции. Однако зафиксированы случаи использования уступов в виде специальной опоры для продольного или поперечного настила. В могиле 7 памятника БЕ-VI размещение перекрытия на уступах позволило строителям погребения вообще отказаться от рамы. Подобный факт отмечен и в могиле 4 комплекса Усть-Алейка-Клуб, однако там роль уступов выполняло сужение ширины ямы, в стенки которой были «уперты» доски поперечного перекрытия. После установки рамы дно камеры выстилалось берестой окоренной стороной «наружу». Эти листы были подготовлены заранее, выкроены и сшиты по требуемой площади с небольшим запасом. Отмечены факты вторичного использования такого материала. Некоторые зафиксированные берестяные полотнища несут на себе следы более ранних раскроев, имеют отверстия для пришивания или иного крепления, отмечается закопченность и другие свидетельства длительного применения. Иногда обрезки укладывали на пол могилы (под самый нижний лист). Края берестяной подстилки перекрывали продольные и поперечные деревянные конструкции, образуя изолированное пространство. Есть случаи установки дополнительных продольных брусков для прижатия бересты. В могилах без рам такой этап формирования пространства также присутствовал. При этом листы обязательно выстилали не только дно ямы, но и ее стенки, закрепляясь перекрытием. Нередко встречается и двойной берестяной пол с различным размещением листов. Умершего человека укладывали на бересту, даже если его хоронили в колоде, что отмечено на памятнике Кармацкий.

3-й этап (перекрытие погребальной камеры). Оно совершалось после укладывания покойника в могилу и проведения комплекса ритуальных действий, связанных с этим процессом захоронения. По всей видимости, факт перекрывания могилы также являлся достаточно важной частью реализуемой церемонии. Внутримогильные перекрытия очень разнообразны. Наиболее простые представляли собой плотно подогнанный ряд поперечно уложенных досок различной ширины, иногда дополнительно усиленный продольными плахами. Сложные перекрытия включали в свой состав берестяные листы, которые укладывались поверх настила окоренной стороной вверх или вниз. Обнаружены и многосоставные перекрытия. Зафиксированы случаи помещения на настил цельной «крышки», которая была изготовлена из сшитых листов бересты с поперечными досками внутри. Не исключено и то, что эти доски дополнительно скреплялись между собой. В таком случае конструкция представляла собой цельный щит, обернутый берестой.

Реконструкция внутримогильных сооружений кармацкой культуры:

1 – Кармацкий, курган №71; 2 – БЕ-VI, могила 7; 3 – БЕ-VI, могила 8 (по: [Кунгуров, Тишкин, 2006])

Реконструкция внутримогильных конструкций на памятнике Усть-Алейка-Клуб (по: [Тишкин, 2009])

выми» погребальными комплексами и могильниками, содержащими более крупные «элитные» сооружения (Телеутский Взвоз-I, Кармацкий).

5. Фиксируются некоторые элементы обрядности, которые имеют корни в традициях предшествующих периодов, что предполагает проведение соответствующих сопоставлений и достоверных обоснований.

В погребальных памятниках монгольского времени Лесостепного Алтая обнаружены различные категории находок, среди которых имеются предметы вооружения и конского снаряжения, изделия бытового назначения, украшения, элементы костюма и головных уборов. Особо следует отметить мелкую пластику из кости, зафиксированную в погребениях мон-

Высота погребальной камеры зависела от параметров рамы или опорных уступов и варьировала от 0,3 до 0,5 м. При этом внутреннее пространство камеры всегда было изолировано берестой от соприкосновения с грунтом. В могиле 4 памятника Усть-Алейка-Клуб выстилающие дно и стенки берестяные листы выходили за уровень перекрытия. Вне всякого сомнения, подобная обрядовая практика связана с отношением к березе как сакральному дереву, способному разделять миры живых и мертвых. Не исключена и эстетическая функция зафиксированного оформления погребальной камеры берестой. При этом деревянные внутримогильные конструкции изготавливались из других пород дерева (преимущественно из сосны). Следует также отметить практику помещения предметов конского снаряжения на перекрытие. Возможно, это было связано с тем, что они не являлись собственностью умершего, а были подношением (прикладом) или отражали модифицированную традицию размещения в могильной яме целой лошади или ее «шкуры» с головой и конечностями.

Исследование объектов монгольского времени позволило сделать следующие наблюдения:

1. Все внутримогильные конструкции, которые оставлены в Барнаульском Приобье кочевниками, являются сложными сакральными сооружениями, отражавшими религиозные представления и социальное ранжирование.

2. Обнаруженные погребальные камеры свидетельствуют о развитых умениях и навыках обработки древесины и бересты. Присутствуют примеры изготовления плах, брусьев и горбылей, тонких и толстых досок, выборки различных пазовых и сквозных выемок, зафиксированы свидетельства угловых соединений деревянных конструкций и другие факты.

3. Документируется широкое использование бересты в обрядовой и хозяйственной практике. Часть листов свидетельствует об их предварительной обработке и длительном использовании в качестве покрывающей части переносных или стационарных жилищ (прошитые участки, заплатки, старые распрямленные сгибы и т.п.). С учетом известных «берестяных» элементов костюма, предметов снаряжения и быта роль бересты в повседневной жизни общества средневековых кочевников Лесостепного Алтая была очень высокой.

4. Отмечается существенное отличие погребальной практики, выраженной в особенностях устройства внутримогильных конструкций, между «рядовыми» погребальными комплексами и могильниками, содержащими более крупные «элитные» сооружения.

гольского времени, — это две фигурки антилоп из памятника Телеутский Взвоз-I, служившие украшениями луки седла. Среди аналогий скульптур, изображающих таких копытных животных, стоит отметить костяное изделие из собрания П.К. Фролова, которое хранится в Государственном Эрмитаже (колл. №1122). Их сближают поза и некоторые детали оформления. Кроме указанных украшений седел, в курганах монгольского времени на Телеутском Взвозе-I обнаружены другие детали и предметы, сделанные из кости или рога [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002]. Так, найденный костяной язычок являлся важной частью пряжки. Аналогичный предмет зафиксирован в могиле 18 памятника Осинки, о котором речь шла выше. Подобные изделия использовались для изготовления подпружных и других пряжек. Обнаруженный обломок костяного изделия с большой долей вероятности можно считать черешком костяного наконечника стрелы. Такие орудия охоты часто использовались в монгольское время и зафиксированы на многих памятниках Лесостепного Алтая. Исходя из изложенного можно сделать вывод о том, что в монгольское время широкое применение имели изделия из рога и кости. Они использовались в качестве предметов вооружения и различного снаряжения, а также украшений и функциональных деталей.

Особое место в погребениях монгольского времени Лесостепного Алтая занимают предметы быта и украшения. В качестве примера приведем зеркало и гребень, которые происходят из кургана №1 памятника Телеутский Взвоз-I. Изученный фрагмент зеркала датируется последней третью XIII – началом XIV в. Идентичный предмет происходит из погребения монгольского времени памятника Сутуу-Булак-I на Тянь-Шане. Несколько подобных экземпляров хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета [Тишкин, Ожередов, 2010]. Деревянный гребень в довольно хорошо сохранившемся виде. Изделие имеет зубья разных размеров, расположенные с двух торцов. На обеих плоских сторонах фиксируется циркульный орнамент из нескольких окружностей с точкой в центре. Нужно отметить, что такие гребни были широко распространены в Восточной Европе в период развитого средневековья. Фрагмент деревянного гребня, но другого типа, найден в погребении памятника Усть-Алейка-5.

При проведении археологических исследований памятника Телеутский Взвоз-I в курганах монгольского времени найдены остатки берестяных изделий, атрибутированные как части женских головных уборов [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 95]. Обнаруженные в трех могилах навершия состояли из двух деталей. Цилиндрическая трубка и раструб, сделанные из берестяных листов в два слоя, имели многочисленные следы сшивания между собой, а также отверстия от закрепления на данный каркас облицовочного материала и украшений. Полученные находки дали возможность приступить к поиску аналогий среди археологических данных. Это, в свою очередь, потребовало привлечения имеющихся сведений, отраженных в письменных и изобразительных источниках.

Портрет
монгольской женщины
(по: [Эрдэнэбат, 2006])

Фрагмент персидской миниатюры начала XIV в.
(по: [Юрченко, 2009, рис. 3])

Телеутский Взвоз-I. Курган №8. Берестяной каркас «бокки». МАЭА АлтГУ (колл. №163) (по: [Тишкин, 2009])

ны в одежде и «бокке» в какой-то мере иллюстрировал картину монгольской эпохи, а также описания Плано Карпини, Г. де Рубрука, Сюй Тин-чжи и сделанное указание на портрет императрицы Юаньской династии. Важными оказались результаты раскопок средневекового погребения, произведенного в той же экспедиции В.В. Волковым. В глубокой могиле была захоронена женщина, одетая в богатый шелковый халат и лежавшая головой на север. Известно, что слева от черепа находился длинный «цилиндрический футляр знаменитой бокки, сделанный из бересты». Кроме этого, там лежали «завернутая в дорожную ткань серебряная чаша, украшенная по краям орнаментом», сумочка с бронзовым зеркалом, железный нож, а также остатки погребальной повозки. К сожалению, более подробными сведениями мы не располагаем. Известно, что на территории Монголии в 1986 и в 1988 гг. найдены берестяные остатки «бокки», которые состояли из нескольких частей [Тишкин, 2009].

Довольно подробно на интерпретации археологических находок остановился Г.А. Федоров-Давыдов [1966]. Обнаруженные к тому времени предметы он отнес к «боккам», определяя их характерными для монголов женскими головными уборами. Исследователь привел выдержки из описаний, сделанных Плано Карпини, Г. де Рубруком и Сюй Тин-чжи, а также указал на имеющиеся изображения «бокки» на скалах и портретах императриц Юаньской династии. Будет уместно привести цитату из монографии Г.А. Федорова-Давыдова [1966, с. 36], в которой сообщается об устройстве головного убора, зафиксированного в кургане памятника Старое Музино, так как рисунки рассматриваемых вещей там не приведены: «...на голове женщины обнаружена шапочка в виде шлема-шишака, сделанная из бересты и коры, обшитая бронзовой пластиной, от которой остался след окиси. Внутри шапочка имела меховую подкладку. По низу шапочка с внешней стороны была обшита ремнем с серебряными фигурными бляшками».

По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, «бокки» в Восточную Европу были привнесены монголами, но при этом погребения с ними не выделяются какими-то специфическими чертами. «Следовательно, или бокка утратила свой... монгольский характер и ее стали носить половцы и

Анализ опубликованных результатов раскопок средневековых захоронений составил круг обнаруженных материальных доказательств широкого распространения своеобразных женских головных уборов, описанных европейскими и китайскими путешественниками XIII в. В Лесостепном Алтае подобное берестяное навершие, практически идентичное образцам из памятника Телеутский Взвоз-I, было найдено в погребении XIII–XIV вв. на могильнике Ближние Елбаны-VI.

Исследования в Монголии, проведенные экспедицией под руководством А.П. Окладникова в 1960 г., дали интересные материалы, которые имеют отношение к обозначенной тематике. У подножья склонов гор Богдо-Уул обнаружена композиция, сделанная черной тушью на скале. Скопированный рисунок фигуры женщи-

Телеутский Взвоз-I. Курган №1. Фрагмент бронзового зеркала (по: [Тишкин, 2009])

другие кочевые племена..., или монголы... быстро утратили свой... обряд погребений и хоронили по обычаям местных...» Не исключено, что такой процесс был двусторонним [Федоров-Давыдов, 1966, с. 156–157].

Будет уместным привести неоднократно упоминаемые письменные свидетельства, зафиксированные в трудах путешественников XIII в. Данное цитирование обеспечит возможность более объективного сравнительного анализа с археологическими находками и изобразительными материалами. Несмотря на отмеченные противоречия и другие недостатки имеющихся описаний [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 104–109], все же они являются ценнейшими источниками по эпохе средневековья.

Гильом де Рубрук [История..., 1997, с. 98–99, 144] написал о монгольских женщинах следующее: «...они носят украшение на голове, именуемое бокка, устраиваемое из древесной коры или из другого материала, который они могут найти, как более легкий, и это украшение круглое и большое, насколько можно охватить его двумя руками; длиной оно в локоть и более, а вверху четырехугольное, как капитель колонны. Эту бокку они покрывают драгоценной шелковой тканью; внутри бокка пустая, а в середине над капителью или над упомянутым четырехугольником, они ставят прутик из стебельков, перьев или из тонких тростинок длиной также в локоть и больше. И этот прутик они украшают сверху павлиньими перьями и вдоль кругом перышками из хвоста селезня, а также драгоценными камнями. Богатые госпожи полагают это украшение на верх головы, крепко стягивая его меховой шапкой, имеющей в верхушке приспособленное для того отверстие. Сюда они прячут свои волосы, которые собирают сзади к верху головы, как бы в один узел, и полагают в упомянутую бокку, которую потом крепко завязывают под подбородком...» И далее: «После этого, когда был уже ясный день, она стала снимать у себя с головы украшение, именуемое бокка, и я увидел, что голова ее плешива».

Джованни дель Плано Карпини [История..., 1997, с. 34] не указывает название увиденного им женского головного убора, а лишь приводит описание его и некоторые наблюдения: «На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиной в один локоть

Усть-Алейка-5. Металлическое украшение головного убора. АГКМ (колл. №14483)

Усть-Алейка-5. Фрагмент ткани с вышивкой. АГКМ (колл. №14483)

*Островное-III. Могила-1.
Часть металлического зеркала
(по: [Тишкин, 2009])*

и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот [убор] все увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий прутик из золота, серебра или дерева или даже перо; и этот [убор] нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеупомянутый прибор покрыты букараном (шерстяная ткань), или пурпуром, или балдахином (узорчатая ткань из золотых и шелковых нитей). Без этого убора они никогда не появляются на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины. Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов...»

Еще раньше, чем Рубрук и Плано Карпини, побывав у монголов, китайский представитель Сюй Тин-чжи оставил такие свидетельства: «Женщины носят на голове гу-гу. [Я, Сюй] Тин видел, что у них при изготовлении гу-гу каркас делается из раскрашенного дерева и обертывается красным шелком или золоченой шелковой материей, а к самой макушке прикрепляется ветка ивы или [сделанная] из железа длиной 4–5 чи и обертывается темно-синим войлоком, [причем] у людей из верхов [общества] она украшается цветами из зеленых перьев зимородка или [кусками] разноцветных шелковых тканей из нашего государства, а у людей из низов [общества] –

фазаньими перьями» [Краткие сведения..., 1960, с. 140].

В «Сокровенном сказании» и других монгольских летописях есть неоднократные указания на головные уборы людей разных средневековых племен. Исследователями отмечено употребление там терминов, характерных и для современности. Что касается проблемы происхождения указанных головных уборов замужних монгольских женщин («бокка» – богтаг, бокто), то она требует специального изучения.

Имеющиеся в настоящее время свидетельства позволяют приступить к развернутому исследованию обозначенной темы в различных направлениях: от фиксации данных до детальной реконструкции конкретных форм женских головных уборов монгольского времени.

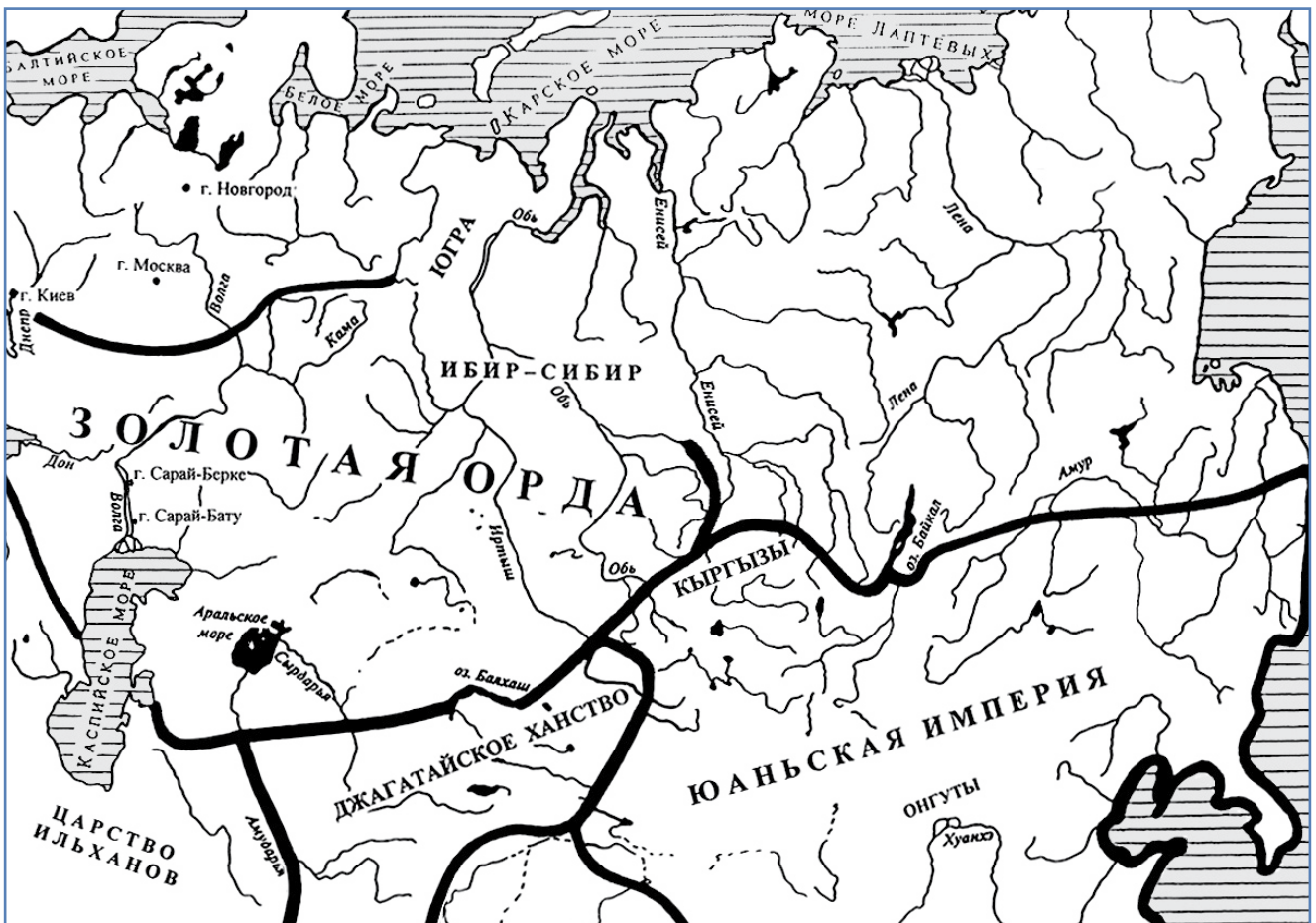
В 2002 г. в монографии А.А. Тишкина, В.В. Горбунова и А.А. Казакова была приведена сводка известных к тому времени памятников Лесостепного Алтая и обозначена кармацкая археологическая культура, идея наименования которой впервые была изложена А.А. Тишкиным [2000] на конференции «Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии» (Улан-Удэ). Важной стороной проделанной работы стало выделение трех этапов, демонстрирующих становление и дальнейшую трансформацию зафиксированного явления. В характеристике выделенных периодов имела своя специфика. В ней нашла отражение этнокультурная интерпретация развития кармацкой культуры, приведенная в соответствии с основными историческими событиями (см. предыдущий раздел).

Первый этап был назван «джучидским» и датирован 1-й половиной XIII в. (1207–1243 гг.). Начало его соотнесено с завоеванием монголами Южной Сибири в 1207 г. и выделением улуса Джучи в 1209 г., а окончание – с образованием в составе Монгольской империи государства «Золотая Орда» в 1243 г. Территория Лесостепного Алтая, по-видимому, вошла в состав улуса Джучи сразу после его выделения и осталась за ним после раздела земель в 1227 г., когда Южная Сибирь отошла к улусу Великого хана. Вероятно, присоединение Лесостепного Алтая в отличие от Алтае-Саянского нагорья проходило относительно мирным путем. Об этом свидетельствует сохранение значительной части местного населения, а также многие черты преемственности со сросткинской культурой. Нет на этом этапе и собственно монгольских погребений. Однако происходят значительные изменения в мировоззрении (смена ориентации при захоронении, новые элементы погребальной обрядности) и полное восприятие материальной культуры, основанной на монгольских традициях.

Следующий этап был обозначен как «раннезолотоордынский». Он датирован 2-й половиной XIII – началом XIV в. н.э., или 1243–1312 гг. Данный период соотносился с правлением золотоордынских ханов от Бату (1243–1256) до Токты (1291–1312). В то время происходило постепенное обособление Золотой Орды от Монгольской империи, а после 1260 г. и полное ее выделение в самостоятельное государственное образование на фоне общего размежевания крупных улусов. Характерная черта второго этапа – преобладание монгольских традиций в материальной культуре, задававших своеобразную имперскую «моду» среди покоренных народов. Лесостепной Алтай был отдаленной восточной окраиной Золотой Орды, пограничной с улусом Великого хана и затем с Юаньской империей. На рассматриваемом этапе, помимо кыпчакских и тюрко-самодийских, появились собственно монгольские погребальные памятники, что было, очевидно, связано с необходимостью более прочного закрепления восточных рубежей нового государства. Монголы, пришедшие в Лесостепной Алтай, скорее всего, попали сюда не напрямую из Центральной Азии, а из земель Золотой Орды. Они представляли собой небольшой военный отряд (только мужчины), который возглавил объединение местного населения, к тому времени уже полностью ассимилированного монгольской культурной средой.

Третий этап характеризовался как «позднезолотоордынский» и датировался XIV в. н.э. (1312–1396 гг.). Этот этап соотносился с правлением золотоордынских ханов: от Узбека (1312–1341) до Токтамыша (1380–1396). Его начало связано с активной исламизацией кочевого населения, расцветом городов и наивысшим взлетом политического могущества Золотой Орды, а окончание – с распадом единого государства. Характерные черты третьего этапа – преобладание исламских культурных традиций, усиление диспропорции в развитии центра и периферии. Могильники Лесостепного Алтая этого времени содержат значительно меньше инвентаря. По-прежнему можно выделить самодийский и кыпчакский способы погребений. Монгольский компонент в погребальном обряде уже не прослеживается, что связано с ассимиляцией монголов автохтонным населением.

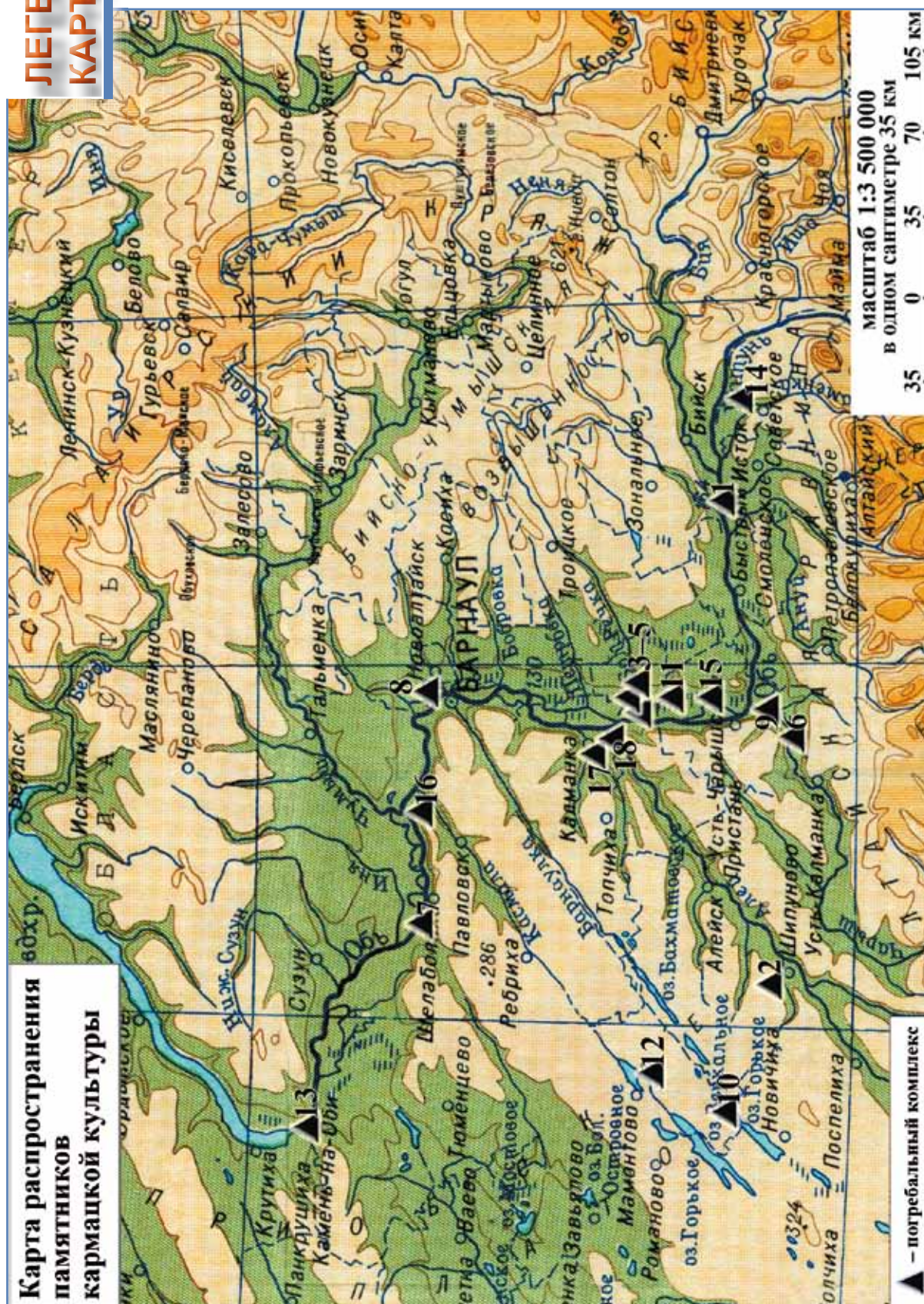
Таким образом, курганы, исследованные на памятниках монгольского времени Лесостепного Алтая, несмотря на сильную разграбленность многих из них, позволили многогранно охарактеризовать культуру населения Лесостепного Алтая монгольского времени.

Монгольские государства в конце XIII – начале XIV в. Карта-схема (по: [Тишкин, Горбунов, 2002])

ЛЕГЕНДА КАРТЫ

- 1 – АБ (Бийск);
- 2 – Барчиха;
- 3 – Ближние Елбаны-II;
- 4 – Ближние Елбаны-VI;
- 5 – Ближние Елбаны-XIV;
- 6 – Елбанка;
- 7 – Ильинка;
- 8 – Кармацкий;
- 9 – Коловый Мыс;
- 10 – Крестьянское-III;
- 11 – Осинки;
- 12 – Островное-III;
- 13 – Раздутье-16;
- 14 – Рубцовский;
- 15 – Сухие Гривы;
- 16 – Телеутский Взвоз-I;
- 17 – Усть-Алейка-5;
- 18 – Усть-Алейка-Клуб

Кармацкая археологическая культура

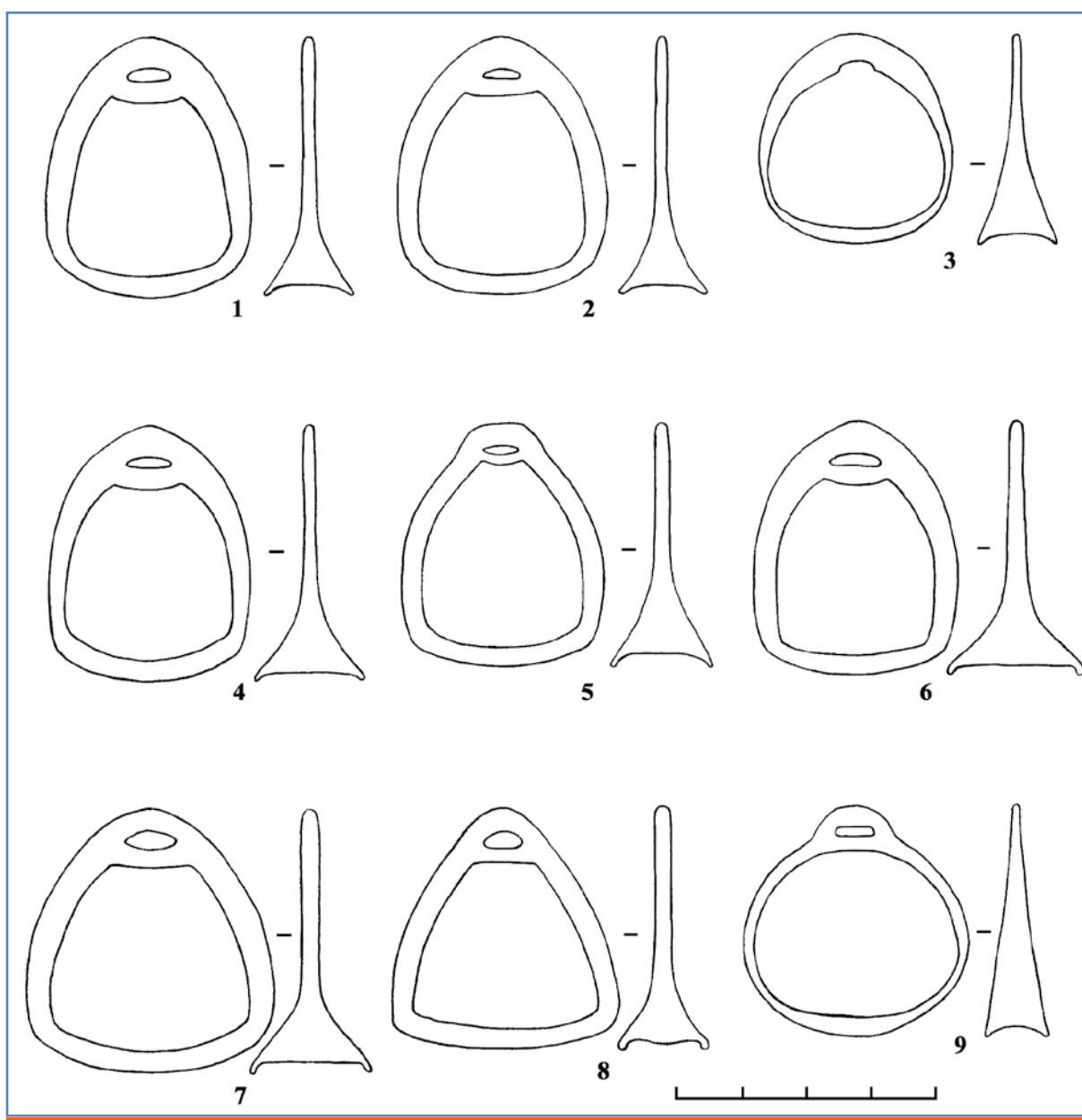
Формирование, становление и развитие культурной общности охватывает XIII–XIV вв.

Исторические события

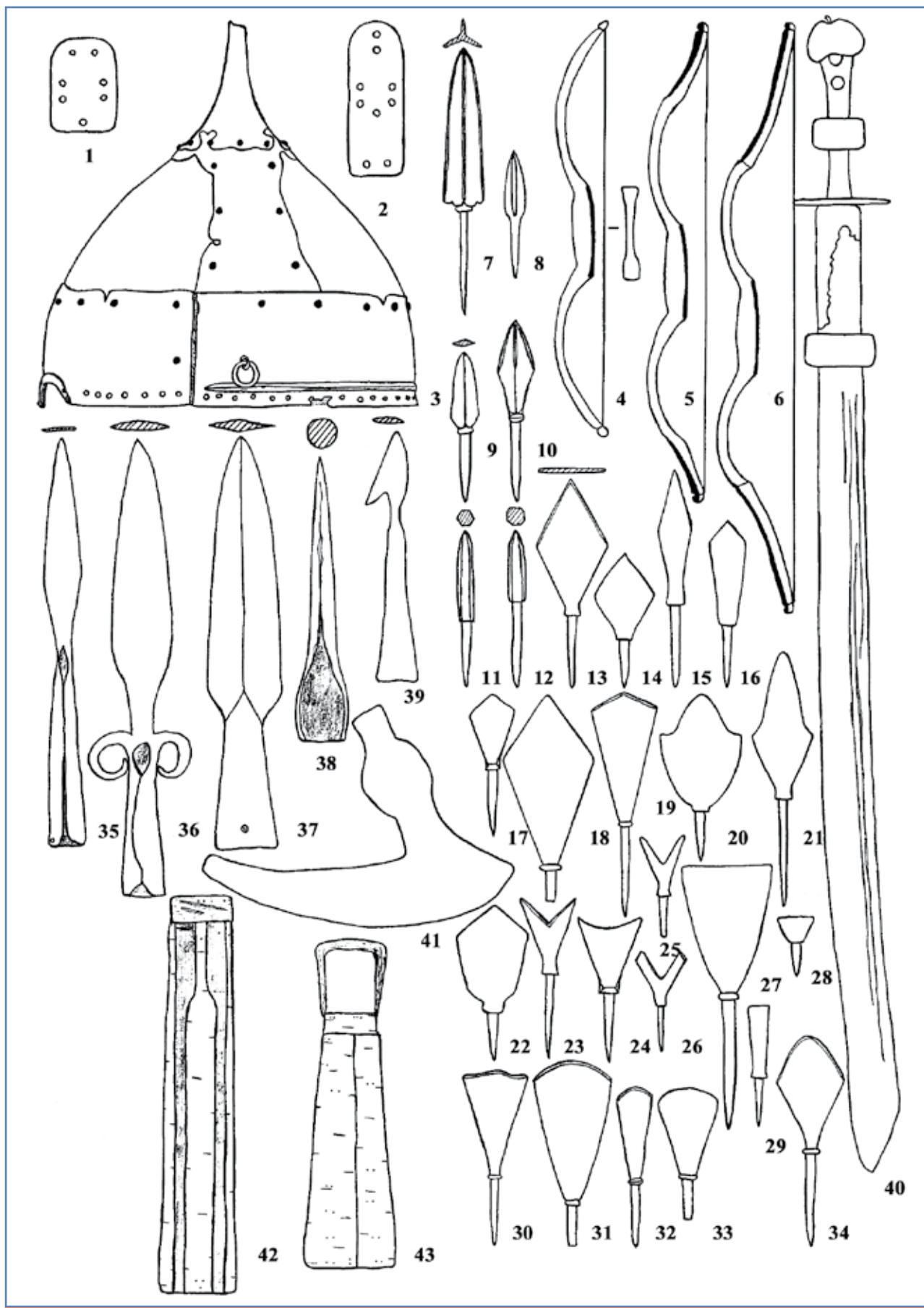
Этот период соотносится с такими историческими событиями, как монгольское завоевание Южной Сибири (1207 г.), формирование улуса Джучи (1218 г.), образование (1243 г.) и распад (около 1400 г.) Золотой Орды

Могильники

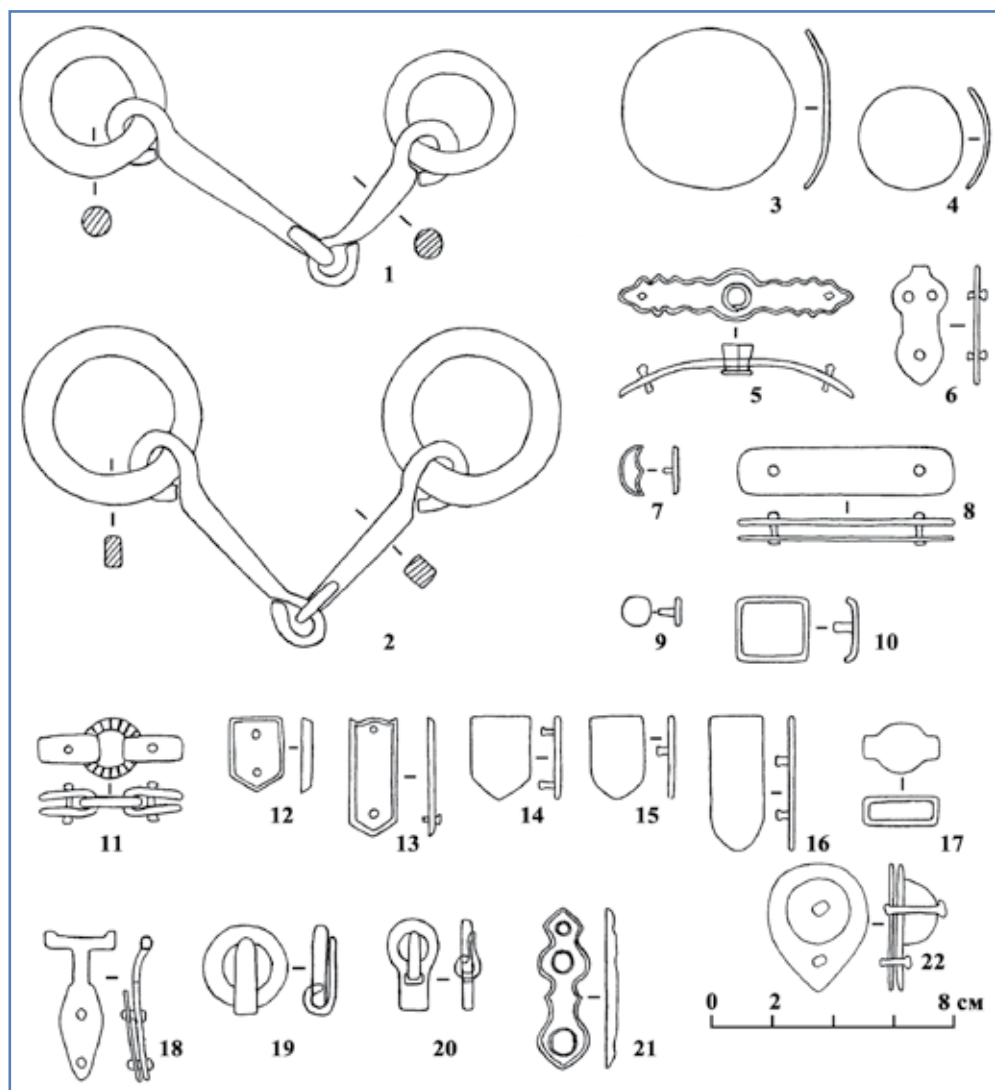
Кармацкий, АБ (Бийск), Телеутский Взвоз-I, Осинки, Ильинка, Усть-Алейка-5, Усть-Алейка-Клуб, Ближние Елбаны-VI и XIV, Сухие Гривы и др.

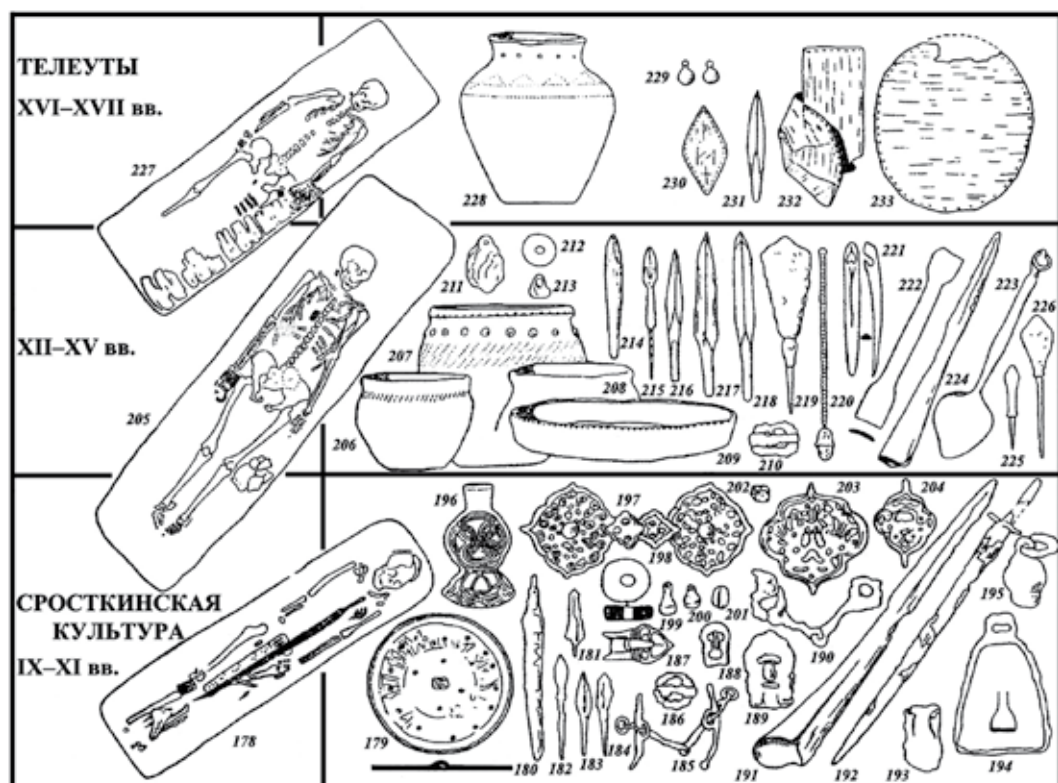
Стремена кармацкой культуры
(по: [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002])

Комплекс вооружения кармацкой культуры (по: [Горбунов, Тишкин, 1998]):
 1–2 – панцирные пластины; 3 – шлем; 4–6 – луки; 7–34 – наконечники стрел;
 35–39 – наконечники копий; 40 – сабля; 41 – боевой топор; 42–43 – колчаны

Снаряжение
верхового коня
кармацкой культуры
(по: [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002]):
1–2 – удила;
3–4 – бляхи; 5 – на-
носный султанчик;
6–18 – ременная
гарнитура; 19–20 –
пряжки; 21 – фигурное
украшение; 22 – на-
лобная бляха

Средневековые
культуры в
районе Верх-
ней Оби. Фраг-
мент таблицы
М.П. Грязнова,
1951 (по: [Тиш-
кин, 2009])

Контрольные вопросы

1. Охарактеризуйте первые исследования памятников монгольского времени Лесостепного Алтая.
2. Кем и когда были открыты основные археологические комплексы, отнесенные к кармацкой культуре?
3. Раскройте историю изучения археологического памятника Кармацкий.
4. Каковы хронологические рамки кармацкой культуры?
5. Охарактеризуйте основные этапы кармацкой культуры. Укажите, с какими историческими событиями они соотносятся.
6. Какова последовательность сооружения могилы, реконструируемая по материалам археологических памятников кармацкой культуры?
7. Какие предметы материальной культуры фиксируются в памятниках кармацкой культуры?
8. Что такое «бокка»? Каким образом трактуют данный предмет письменные источники и современные исследователи?
9. Известны ли находки предметов искусства в погребениях кармацкой культуры? Охарактеризуйте их.

Задания

Задание 1. Прочитайте внимательно описание курганов могильника Кармацкий, Сухие Гривы, Телеутский Взвоз-I, представленные в монографии А.А. Тишкина «Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников)» [2009]. На основе полученных данных заполните таблицу.

Особенности погребального обряда кармацкой культуры		
Параметры	Общая характеристика	Примеры и особенности
Местоположение памятников		
Надмогильные сооружения		
Погребальный обряд		
Погребальный инвентарь		

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. С. 79–96, 111–130.

КАРМАЦКИЙ. Разновременный археологический комплекс находится на правом берегу Оби, напротив Барнаула, неподалеку от одноименного поселка в Первомайском районе Алтайского края. Памятником занят супесчаный мыс высотой около 20 м, шириной до 120 м и длиной более 100 м. Его огибает старица, имеющая название оз. Комариное. Территория комплекса покрыта сосновым бором. Зафиксированная и частично исследованная курганная группа, получившая обозначение «Кармацкий», представляет особый интерес для изучения монгольского периода в истории населения Лесостепного Алтая. Средневековый могильник состоит из 74 земляных курганов округлой и овальной формы в основном небольших размеров (в диаметре от 2–3 до 8 м и высотой от 0,1 до 0,7 м). Большими параметрами выделялся курган №9. Значительное количество объектов находится в аварийном состоянии из-за регулярного устройства противопожарных рвов, плановых и несанкционированных вырубок сосен, в ходе которых проложены временные или постоянные грунтовые дороги.

Большое количество погребальных объектов свидетельствует о длительном функционировании кладбища. ... В 1975 г. на указанном памятнике В.А. Могильников исследовал курган с нетронутым погребением монгольского времени. ... Опираясь на эти сведения, представим его характеристику.

Курган №1. Земляная насыпь до раскопок имела диаметр 6 м и высоту 0,4 м. Под ней в центре находилась подпрямоугольная могильная яма, ориентированная длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. В могиле выявлена прямоугольная рама-обкладка... Деревянная конструкция была сделана из одного венца бревен толщиной 0,18 м, концы которых оказались срезаны под углом 45° и приставлены впритык друг к другу. В этой раме на берестяной подстилке вытянуто на спине лежал погребенный человек, головой на запад с небольшим отклонением к югу. Обкладка была перекрыта поперек 12 сосновыми горбылями шириной 15–20 см, которые сверху еще накрывались берестой в три слоя. После оформления внутримогильной конструкции яма и прилегавший к ней участок были засыпаны, а поверх этого над могилой продольно уложен накат из четырех бревен толщиной 15–20 см, которые сохранились плохо и фиксировались в основном над западной половиной. Кости человеческого скелета и инвентарь под мощным перекрытием из бересты сохранились очень плохо. Железный нож, распавшийся из-за коррозии на три части, лежал у правой тазовой кости. По всей видимости, он был подвешен к поясу, от которого удалось обнаружить лишь девять бронзовых блях-накладок в форме трилистника. Пряжка от поясного ремня не найдена. Справа от погребенного мужчины (?), вдоль деревянной обкладки, лежал берестяной колчан длиной около 0,9 м с вложенными в него стрелами, с плохо сохранившимися костяными и плоскими железными наконечниками остриями вверх...

В 2002 г. были закончены раскопки курганов №8 и 9... Аварийность обусловлена несколькими уже вышеуказанными и другими факторами. Курган №8 был частично разрушен при сооружении хозяйственной ямы. Насыпь кургана №9 неоднократно повреждалась при прокладке противопожарных рвов и использовалась в качестве строительной площадки. Кроме того, данный объект попадал в зону постоянной реализации противопожарных мероприятий...

Курган №9 имел земляную насыпь овальной формы размерами 8,25х7,5 м с ориентацией длинной осью по линии Ю–С. В результате выборки площади раскопа до уровня материка сделаны следующие находки: часть железных удил, тесло и распределитель ремней, а также развалы глиняных сосудов и один целый экземпляр, фрагменты керамики, камни, кости животного и череп человека. Кроме того, был обнаружен ряд объектов, связанных с культурным слоем поселения и с могильниками разных эпох. Мы же остановимся на характеристике захоронений монгольского времени.

Могила 1 зафиксирована к юго-западу от центра курганной насыпи. Она имела прямоугольную форму с закругленными торцевыми сторонами, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. С юго-восточной стороны обнаружен грабительский шурф. Могильная яма оказалась углублена в материк на 0,51 м. Почти посередине она оказалась прорезана грабительским шурфом. При выборке заполнения могилы найдено скопление костей взрослого человека и предметов сопроводительного инвентаря. Скелет присутствовал почти полностью, но был свален в кучу. Лишь отдельные позвонки и фаланги пальцев найдены в грабительском шурфе за пределами могилы. Среди останков человека обнаружены железные и костяные наконечники стрел, обломок железного ножа и фрагменты железных тренчиков.

Помимо этого, в могильной яме зафиксирована сложная внутримогильная конструкция, выявленная на глубине 0,25–0,5 м. Она состояла из деревянной рамы... Эта конструкция была составлена из толстых подтесанных бревен толщиной до 0,2 м и перекрывалась поперечным слоем досок, покрытых листами бересты. Центральная часть перекрытия разрушена грабителями. Хорошо сохранились торцевые части сооружения. Берестяное перекрытие состояло из различных кусков бересты, образующих сплошной слой. Некоторые из них имели следы прошивания, что говорит об их хозяйственном использовании до помещения в могилу. Деревянное перекрытие состояло из 24 поперечных досок таких размеров: длина – до 0,96 м, ширина – до 0,13 м, толщина – до 0,05 м. Помимо перекрытия, в юго-западной части могилы, сверху, найдены две отдельные доски. Дно могилы оказалось внутри рамы выстлано двумя слоями бересты. Верхний состоял из относительно цельных поперечных листов, а нижний – из более разнородных обрывков. В центре могилы между этими слоями и ниже найдены три железных черешка от стрел, а также фрагмент железного ножа.

Могила 2 располагалась под юго-восточной частью курганной насыпи. Она имела прямоугольную форму с немного «раздутыми» длинными сторонами, размеры

3,28х1,46 м, ориентацию длинной осью по линии ЮЗ—СВ. Могильная яма углублена в материк на 0,5 м. При выборке ее заполнения на глубине 0,15–0,4 м обнаружено берестяное покрытие. Оно состояло из отдельных листов, образующих сплошную поверхность. Некоторые из берестяных листов имели боковой кант со следами пришивания. Под берестой находилось деревянное поперечное перекрытие из досок, опиравшихся на раму. В северо-восточной части могилы зафиксировано несколько костей лошади. После снятия перекрытия обозначилась деревянная рама размерами 3,17х1,08 м, высотой до 0,29 м. Она была составлена из толстых бревен (продольные стенки) и досок (поперечные стенки). Внутри рамы зафиксировано деревянное долбленое ложе..., в котором находился полный скелет взрослого человека, лежавшего на берестяной подстилке вытянуто на спине головой на юго-запад.

У височных костей черепа человека обнаружены железные серьги в виде знака вопроса со стеклянными (?) бусинами на окончаниях. В районе тазовых костей находились фрагменты кожаного пояса... с бронзовой гарнитурой в виде пряжки, трех блях-обойм и тренчика. Вдоль правой части скелета зафиксирован тлен от деревянной кибиты лука общей длиной 1,3 м. На противоположной стороне лежал макет сабли, сделанный из железа, дерева и бересты. Кроме указанных вещей, в разных местах найдены следующие предметы сопроводительного инвентаря: берестяной колчан с железными и костяными наконечниками стрел, остатки стрелкового пояса с железной гарнитурой; остатки кожаной емкости и др.

В северо-восточной части могилы, на бревне рамы, зафиксирован череп лошади с вставленными между челюстями железными удилами. Под ним находились кости передней ноги животного. Ниже, за торцевой стенкой рамы, лежали остатки седла (берестяные полки, луки из бересты и дерева). Рядом с ними обнаружена роговая подпружная пряжка. Под седлом оказались кости задних ног лошади...

СУХИЕ ГРИВЫ. Памятник зафиксирован на раздуваемой песчаной дюне в одноименном урочище, которое располагается на правом берегу Оби напротив с. Вяткино..., примерно в 5 км по дороге в с. Клепиково...

Могила 1 имела перекрытие из ряда тонких поперечных жердей, которые оказались сломанными, провалились внутрь и лежали непосредственно на погребенном. На дне ямы находился скелет мужчины 40–50 лет. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Руки располагались вдоль туловища, а кисти находились ниже живота. С левой стороны зафиксирована сабля с напускным перекрестием и короткий черешковый нож. На фаланге пальца руки оказалось медное кольцо с овальным щитком. Между костей ног найдены астрагалы овцы и плоские железные наконечники стрел, обращенные остриями вниз. У юго-восточного края могилы на невысокой приступке лежали кольчатые удила и большая пряжка с округлой рамкой и подвижным язычком.

В могиле 2 не было никаких дополнительных сооружений, но рядом, с северной стороны, обнаружен череп лошади. В могильной яме находилась женщина (?) 25–30 лет. Она лежала вытянуто на спине, головой на северо-запад. Руки располагались вдоль туловища, а кисти находились ниже живота. В районе правого колена зафиксированы пять наконечников стрел (один из них трехгранный костяной), остриями вверх. Кроме этого, найден железный молоточек, а также костяное изогнутое изделие. У ступней ног, на невысокой приступке, лежали железное стремя и «...обломок железной пластины, инкрустированный вставкой из мягкого зеленого камня, по форме напоминающий обкладку передней луки седла»...

Могила 4. Умерший лежал в грунтовой яме вытянуто на спине, головой на запад–северо-запад. Руки располагались вдоль туловища, а кисти лежали ниже живота. В районе тазовых костей был найден железный нож, длиной 10 см, в деревянных ножнах. Материалы не опубликованы. Исследованные на памятнике Сухие Гривы могилы, несомненно, датируются XIII–XIV вв. Об этом хорошо свидетельствуют обнаруженные предметы вооружения и зафиксированные особенности погребальной практики...

ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ-I. В течение ряда лет, с 1993 по 1998 г. и позже, экспедициями Алтайского госуниверситета исследовался комплекс разновременных археологических объектов на обозначенном памятнике, который находится около с. Елунино в Павловском районе Алтайского края... В ходе работ было раскопано 10 захоронений монгольского времени. Следует сразу же указать на то, что все курганы, находившиеся на высоком мысу левого коренного берега Оби, были ранее разграблены...

...Курганы монгольского времени располагались почти по центру мыса неровной цепочкой по линии Ю–С. В связи с тем, что Обь интенсивно подмывает эту часть берега, не исключена вероятность разрушения ряда таких объектов до момента проведения исследований. Учет данного обстоятельства важен еще при определении центра и периферии некрополя, а также для выяснения последовательности и причин формирования зафиксированного порядка расположения объектов.

Можно отметить ряд наблюдений, требующих, конечно, дополнительного и развернутого анализа. Одним из самых крупных по размерам насыпи был курган №6, в котором зафиксированы останки погребенного мужчины 35–40 лет (все половозрастные определения сделаны Д.В. Поздняковым). Рядом с ним, в юго-западном (три) и в северо-восточном (один) направлении, размещались четыре меньших объекта, образуя компактную группу. Остальные курганы находились на разном отдалении к югу и отражали иной процесс дальнейшего оформления могильника. С учетом уже разрушенной части мыса отмеченная группа могла быть в центре площадки, удобной для реализации захоронений...

Курганы до раскопок представляли собой расплывшиеся земляные насыпи разных, в плане контура, конфигураций (округлая, овальная, аморфная) с фиксируемыми западинами и грабительскими выбросами. Средние размеры таких примерно одинаковых объектов следующие: диаметр – около 10 м, а высота – 0,3 м..., наибольший – 14 м (курган №10), при высоте от 0,2 до 0,5 м). На этом фоне выделяется уже указанный курган №6, диаметр земляной насыпи которого составил 20 м при высоте 0,57 м, т.е. почти в два раза больше других объектов...

...Для погребения умершего человека выкапывалась могильная яма, которая, как правило, оформлялась с одной ступенькой у длинной стороны. Отмечены случаи отсутствия такой конструктивной особенности. Однажды зафиксирован небольшой подбой. Глубина могилы отмечалась для надежности параметра от материка...

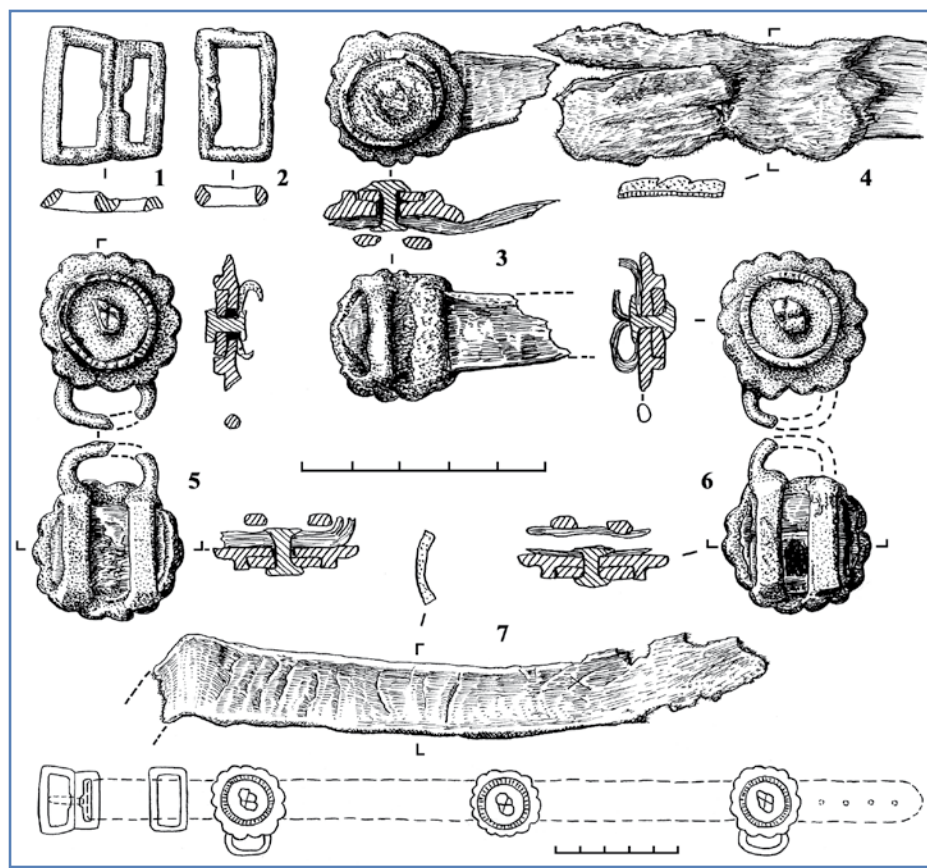
При схожих параметрах ям наблюдалась вариабельность особенностей внутримогильных сооружений. Они представлены перекрытиями, образовывавшими вместе со ступеньками и подбоем своеобразные камеры. Перекрытия делались из жердей, досок, горбылей и другого древесного материала, который укладывался на ступеньку поперек могилы. В некоторых объектах четко зафиксировать наличие остатков таких конструкций не удалось по причине сильных разрушений. Погребальные ложа представляли собой ящики из досок, а также выдолбленные из ствола дерева колоды с крышкой или без нее...

Обнаруженный в могилах предметный комплекс... довольно четко отражает половозрастную структуру изучаемого общества. Это особенно ярко проявляется в специфике набора вещей у погребенных мужчин и женщин. Так, для последних наиболее характерны украшения, предметы быта, орудия труда. Ничего другого обнаружено не было. В погребениях мужчин зафиксированы снаряжение верхового коня, вооружение..., орудия труда и предметы быта. Следует отметить такой момент. Мужчине, умершему в возрасте 50–55 лет, в могилу не положили вооружение, хотя все остальные атрибуты имелись. Указанные показатели дают возможность для дальнейшего анализа намеченной социальной реконструкции...

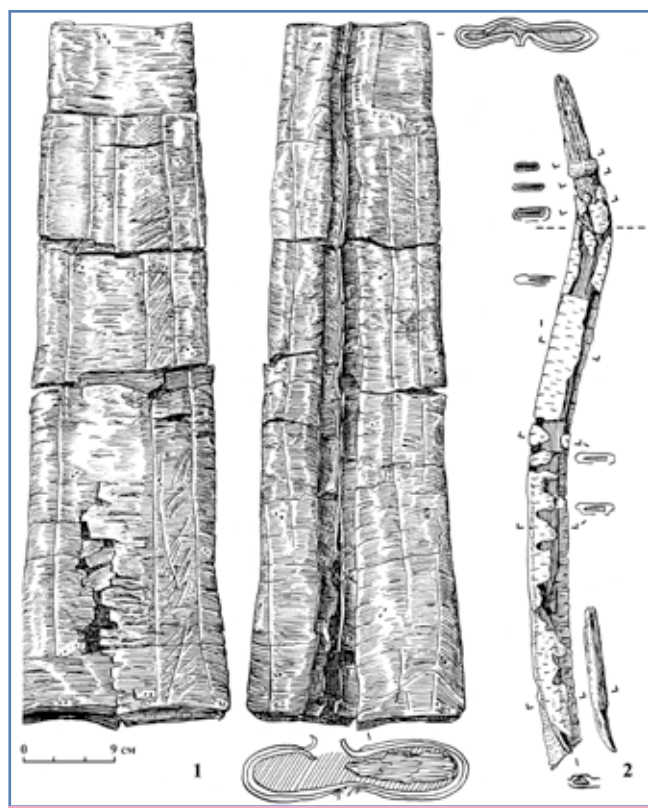
Среди предметного комплекса, обнаруженного в средневековых курганах на памятнике Телеутский Взвоз-I, выделяются изделия из кости и рога. В сильно разграбленном захоронении кургана №6 обнаружены разрозненные скульптурные изображения копытных животных и полумесяца, назначение которых сразу определить было затруднительно. Там же найдены роговые накладки 8-видной формы.

При исследовании кургана №14 в нетронутой части могилы, за деревянным ящиком, найдены принадлежности снаряжения верховой лошади. Кроме удила и стремян, зафиксировано скопление деталей от седла: костяные накладки в виде антилопы, полумесяца и диска с металлическими гвоздиками для крепления, а также железные детали с кольцами. Эти материалы и привлеченные аналогии позволили выполнить реконструкцию..., на которой найденные вещи заняли свои места. В результате оказалось, что зафиксированные скульптурные изделия относятся к украшениям передней луки седла...

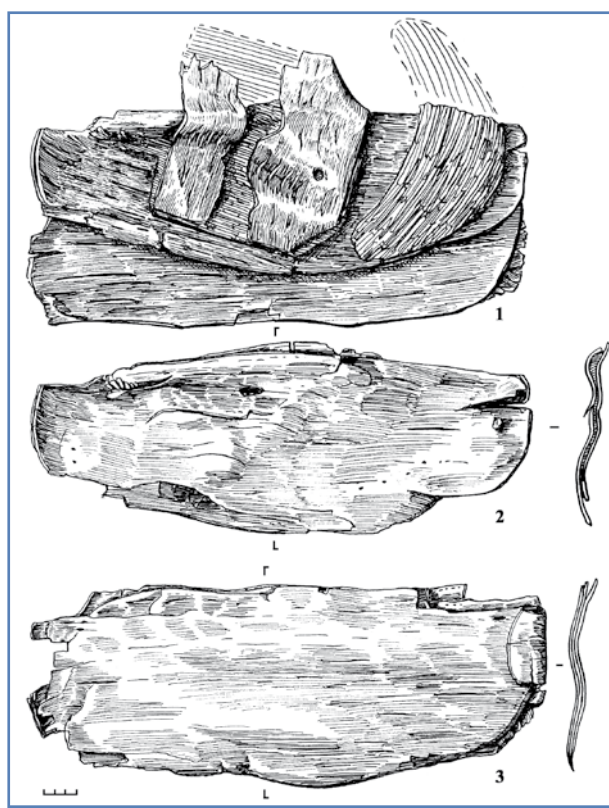
Задание 2. Внимательно рассмотрите иллюстрации, демонстрирующие предметы материальной культуры, обнаруженные на памятнике Кармацкий (по: [Тишкин, 2009]). Охарактеризуйте основные категории инвентаря, их особенности и отличия от аналогичных предметов предшествующей сrostкинской культуры.

Детали воинского пояса из могилы 2 кургана №9 памятника Кармацкий (бронза, кожа) и его реконструкция (по: [Тишкин, 2009])

Находки из могилы 2 кургана №9 памятника Кармацкий: 1 – берестяной колчан; 2 – макет сабли (железо, дерево, береста) (по: [Тишкин, 2009])

Основа седла из могилы 2 кургана №9 памятника Кармацкий (береста, дерево) (по: [Тишкин, 2009])

Задание 3. Проследите по карте распространения памятников кармацкой культуры, в каких районах Алтайского края локализуются основные комплексы. Подумайте, чем можно объяснить такую их локализацию.

Задание 4. Внимательно познакомьтесь с текстом настоящей главы, картой монгольского государства и графическими таблицами, на которых представлены различные категории предметов материальной культуры. Объясните, на каких основаниях выделяются три этапа кармацкой культуры, и заполните таблицу.

Наименование этапа	Датировка	Исторические события	Особенности развития культуры и общества
«Джучидский»			
«Раннезолото-ордынский»			
«Позднеезолото-ордынский»			

Список литературы к разделу

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.: ил.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 162 с.+прил. (МИА. №48).
- Ефремов С.А. Погребальный обряд алтайских племен в XI–XIV вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 5. С. 99–109.
- История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. 3-е изд.; Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд.; Книга Марко Поло. 4-е изд. / вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. 460 с.: ил. (Путешествия и путешественники).
- Краткие сведения о черных татарах Пэн Да-я и Сюй Тина // Проблемы востоковедения. 1960. №5. С. 133–158.
- Кунгуров А.Л. Реконструкция погребального обряда предметов материальной культуры грунтового могильника монгольского времени у с. Усть-Алейка // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1991. С. 161–168.
- Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Реконструкция внутримогильных сооружений монгольского времени (по материалам памятников Барнаульского Приобья) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск: Издательский дом «Наука», 2006. С. 149–152.
- Могильников В.А. Исследование Кармацких курганов // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 92–94.
- Мысков Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // Российская археология. 1995. №2. С. 36–43.
- Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 424 с.
- Сокровища Золотой Орды: Каталог выставки. СПб.: Славия, 2000. 346 с.
- Тишкин А.А. Проблемы изучения культуры населения монгольского времени лесостепной зоны Алтая // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. I. Археология. Этнология. Улан-Удэ, 2000. С. 169–173.
- Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников): монография. Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.
- Тишкин А.А., Ожередов Ю.И. Металлическое зеркало золотоордынского времени из фондов Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ // Научный Татарстан. Казань, 2010. Вып. 4. С. 107–113.
- Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения первой половины II тыс. н.э. на могильнике Ильинка в Алтайском крае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 146–161.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 274 с.
- Юрченко А.Г. Хан Узбек: между империей и исламом (структуры повседневности) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX: Археология, краеведение. Ставрополь: Наследие, 2009. С. 413–444.

МУЗЕЕФИКАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Активное формирование инфраструктуры для реализации на Алтае туристической деятельности, а также ярко выраженный интерес к культурно-историческому наследию региона являются предпосылками для развития познавательного туризма, одним из направлений которого может быть посещение археологических объектов. Базой для развития культурного туризма должны стать аутентичные исторические памятники. На территории Алтая сконцентрирован значительный массив комплексов эпохи средневековья – бурного периода существования кочевых империй и ярких специфических культур. Эти объекты вызывают постоянный интерес у путешественников. Отметим, что они отличаются достаточной степенью научной изученности, а значит имеются основания для их вовлечения в сферу организованного культурно-познавательного туризма.

Средневековые памятники Алтая, как потенциальные туристические объекты, крайне разнообразны. Их можно объединить в несколько групп:

- 1) курганы с каменными, земляными и каменно-земляными насыпями на территории Алтая;
- 2) тюркские оградки с балбалами и изваяниями;
- 3) остатки крепостных сооружений и поселений;
- 4) петроглифы с изображениями животных, всадников, батальных и иных сюжетных сцен;
- 5) рунические надписи;
- 6) святилища и другие культовые места.

Безусловно, наиболее интересны с демонстрационной точки зрения археологические объекты в горах и предгорной зоне Алтая. Памятники, расположенные вдоль Чуйского тракта, как нельзя лучше подходят для их включения в систему культурного туризма в силу ряда причин:

- 1) большинство из данных комплексов изучены, многие раскопаны и, следовательно, о них имеется существенная информация;
- 2) памятники располагаются в непосредственной близости от основной транспортной артерии Алтайского края и Республики Алтай;
- 3) ряд археологических объектов после раскопок восстановлен, что обеспечивает их первичную стадию «музеефикации»;
- 4) рядом с памятниками имеются живописный ландшафт, удобные и специально оборудованные места для остановок.

Следует помнить, что в развитии организованного туризма ключевое значение имеет музеефикация археологических комплексов, т.е. преобразование памятников в объекты музейного показа с целью сохранения, выявления их историко-культурной, научной и эстетической ценности. Не только за рубежом, но и в России есть положительный опыт работы в данной области.

Музеефикация предполагает исследование памятника, его консервацию и реставрацию, сохранение или восстановление архитектурных или историко-бытовых компонентов, природной и историко-культурной среды, а также интерпретацию комплекса (через экспозиции, мемориальные доски, экскурсионный показ и т.д.). Историко-культурная среда в «Словаре актуальных музейных терминов» [2009] определяется как территориально-локализованное предметно-пространственное окружение человека, сочетающее в себе объекты культурного и природного наследия. Среодообразующими факторами в этом случае могут выступать исторические поселения, историко-культурные ландшафты и отдельные ценные комплексы.

Музеефикация археологического наследия имеет давнюю историю. Еще в эпоху Возрождения возникает понятие «недвижимые археологические памятники» или «археологический раскоп». Они представляли собой презентацию феноменов истории и культуры «*in situ*» (лат. – «в месте нахождения»). Особое распространение в то время получила программа более масштабного воссоздания реалий культуры Древнего Рима. В частности, при покровительстве папы

Яломан-VII. Музеефицированные тюркские оградки с изваяниями (раскопки В.В. Горбунова)

Юлиана II живописцем и архитектором Рафаэлем Санти была предложена программа организации работ по «плановому раскрытию» памятников античности в Риме с целью превращения его в специфический музей древнего города [Сотникова, 2004, с. 48].

В России понятие «музеефикация» возникает в начале XX в., его употреблял в своих работах еще Ф.И. Шмит, но чаще всего в то время использовались другие определения, например, «приведение в музейное состояние». В наши дни термин «музеефикация» применяется в основном к недвижимым памятникам, преобразованным в музейные объекты непосредственно на месте их расположения и бытования. В таком случае музейная среда создается в них и вокруг них, а сам памятник становится главным экспонатом возникающего музея. Таким образом, музеефикацию следует рассматривать как оптимальный путь сохранения и использования памятника с целью популяризации наследия и трансляции в общество информации о его наличии.

Одним из наиболее хрупких и при этом значительным в количественном отношении видов культурного наследия является наследие археологическое, для которого музеефикация имеет особое значение, поскольку многие объекты после раскопок полностью утрачиваются. В качестве одной из первых обнаруженных идей музеефикации археологических комплексов в России Н.С. Николаева [1997, с. 34] приводит проект К.Г. Евлентьева, представленный в 1869 г. на Первом археологическом съезде в Москве и предполагавший создание музеума в Булгаре Казанской губернии.

Однако о целенаправленной планомерной музеефикации ископаемых памятников в нашей стране можно говорить только применительно к концу 1950-х – началу 1960-х гг. Данное обстоятельство было связано с двумя моментами. Во-первых, в 1956 г. на основе рекомендаций ЮНЕСКО о регламентации археологических раскопок было разработано положение об обязательных мерах по консервации археологических памятников на территории СССР. В результате была произведена консервация кварталов античного Херсонеса, средневекового Новгорода и др. [Музейное дело России, 2005]. Во-вторых, в этот же период времени, согласно постановлениям Совета Министров СССР, были созданы первые музеи-заповедники. Статус заповедника предусматривает особые режимы сохранения и использования включенных в него территорий и объектов [Каулен, 2009].

В Республике Алтай на настоящий момент выявлено значительное количество археологических объектов, включающих памятники как наскального, так и статуарного искусства не-

Яломан-II. Тюркская оградка, реконструированная после раскопок (исследования А.А. Тишкина)

Яломан-II. Восстановленные тюркские оградки с балбалами (раскопки А.А. Тишкина)

скольких периодов истории. Большой интерес представляют каменные курганы, сохраняющие вещественные остатки. В сочетании с неповторимым горным ландшафтом вся территория по существу является громадным историко-природным парком. Этому способствует почти полное отсутствие промышленных предприятий и других значимых источников загрязнения.

Исследования археологических памятников целенаправленно ведутся со 2-й половины XIX в., но особенно этот процесс становится интенсивно в 1940–1990-е гг. В результате работ получены образцы археологических источников мирового значения. Эта масса материалов демонстрируется во многих музеях России и в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина.

Охрана зафиксированных археологических памятников наиболее эффективно осуществляется вдоль Чуйского тракта, где концентрируются основные потоки «неорганизованных туристов», представляющие в определенной мере угрозу историческому и природному наследию региона. В отдаленных районах она минимальна из-за отсутствия разветвленной службы, имеющей необходимое количество инспекторов на местах. Однако, там почти не бывает и «пришлых» людей: труднодоступность горных территорий во многом способствует естественному сохранению памятников. Организованное использование археологических объектов практически отсутствует.

*Туркомплекс «Бирюзовая Катунь».
Археологический парк «Перекресток миров».
Воссозданные тюркские оградки с изваяниями*

Музеефикация археологических памятников Алтая пока находится в начальной стадии и проводится силами археологов Алтайского государственного университета. Известный пример такого рода деятельности отмечен при реализации научно-исследовательского проекта по изучению группы разновременных объектов курганных могильников «Харкаринский дол» и «Чинета-II» в Краснощековском районе края, близ с. Чинета. Работы по музеефикации начаты при поддержке районной администрации, заключившей в 2006 г. с университетом соответствующий договор в отношении вышеназванных памятников. Заинтересованность администрации была обусловлена намерением развития инфраструктуры для динамично развивающейся зоны отдыха и туризма, базирующейся на комплексе «Жемчужина гор». Для реализации проекта сотрудниками АлтГУ разработана методика создания музеефицированной зоны из располагающихся древних и средневековых объектов. Начальный этап таких работ был осуществлен, но дальнейшего развития проект не получил из-за отсутствия финансирования. Его продолжение могло бы принести практические плоды, которые удовлетворяли потребности турбизнеса и содействовали бы сохранению историко-культурного наследия отдаленно взятого микрорайона.

На пути создания в регионе музеефицированных объектов обнаруживается ряд серьезных проблем нормативно-правового и структурно-организационного плана:

- отсутствие разработанного и утвержденного положения о региональных и муниципальных музеефицированных объектах (комплексах), музеях-заповедниках, охраняемых исторических зонах;
- участки, на которых расположены археологические памятники, в земельном кадастре не выделены в качестве территорий, занимаемых памятниками археологии;
- не обозначены охранные зоны памятников и не определены их точные границы;
- ощущается недостаток специалистов-музеологов;
- низкая оплата работников учреждений культуры не способствует привлечению в данную сферу активных кадров.

В Алтайском крае формируется опыт использования археологических объектов в туристических целях. Например, работает комплекс «Денисова Пещера» в Солонешенском районе на р. Ануй. После принятия Администрацией Алтайского края Постановления «О развитии туризма и спортивно-оздоровительного отдыха в Алтайском районе» от 15.04.2002 г. №199 стало возможным освоение левобережья Катунь. В результате был заключен договор о сотрудничестве между руководством АлтГУ и туркомплексом «Бирюзовая Катунь», по которому начали проводиться работы по интеграции объектов археологического наследия в сферу туризма. В рамках этого договора стал создаваться археологический парк «Перекресток миров». Главной задачей этой работы являлось выявление объектов археологического наследия, которые могли быть уничтожены в ходе хозяйственного освоения территории.

В 2004 г. проведены раскопки кургана тюркского времени у Тавдинских пещер. В нем обнаружено захоронение мужчины с конем. Этот объект несколько отличался от других по своей конструкции и месту его расположения. Он находился на берегу Катунь. После исследований курганная насыпь была перенесена к Большой Тавдинской пещере и воссоздана в первоначальном виде. В 2006 г. рядом с ранее раскопанным курганом тюркского времени, найдено каменное изваяние с антропоморфным изображением. Летом того же года были исследованы поминальные конструкции эпохи средневековья.

*Туркомплекс «Бирюзовая Катунь».
Археологический парк «Перекресток миров».
Музеефицированный курган.
Сотрудники Алтайского государственного
университета в средневековых доспехах
и национальном алтайском костюме*

В ходе изучения одиночного кургана тюркского времени «Бирюзовая Катунь-3» было вскрыто захоронение мужчины с богатым сопроводительным инвентарем (сделанные из железа колчаный пояс, 14 наконечников стрел, нож, шило, тесло; бронзовые серьга и полный комплект поясного набора).

На территории археологического парка «Перекресток миров» построен павильон, в котором реконструировано погребение тюркского времени и продолжают работы по созданию экспозиции по древней и средневековой истории Алтая. Для этого изготовлены и установлены копии изваяний тюркского времени. Для туристов были сделаны защитные доспехи и костюмы народов Алтая, в которых все желающие могут сфотографироваться. Имеющиеся панцири и шлемы стали пользоваться большой популярностью. Кроме этого работает тир, в котором посетители могут поупражняться в стрельбе из лука или арбалета. Проводятся экскурсии, включающие в программу посещение Тавдинского грота, курганов и тюркских оградок у подножья Большой Тавдинской пещеры [Киришин и др., 2007].

Развитие туризма на Алтае позволяет обозначить необходимость создания археологических музеев и парков. Многие люди путешествуют ради того, чтобы уйти от обыденности. Для того, чтобы использовать археологические памятники в туризме, их нужно подготовить: исследовать должным образом, обработать полученные материалы, задокументировать процесс раскопок, реставрировать и консервировать объект показа, и только после этого включать в практику музейной деятельности.

Процедура музеефикации – сложный многоаспектный процесс, который включает в себя несколько основных этапов:

1. Всестороннее исследование памятника самыми современными методами. С самого начала уже необходимо думать о его музеефикации. В процессе раскопок должен реализовываться план будущих мероприятий. Это выражается в использовании таких приемов изучения памятника, которые позволили бы по окончании работ вернуть объекту прежний вид (целенаправленное формирование отвалов в определенном месте, детальная фото- и графическая фиксация разбираемых каменных конструкций, выявление особенностей стратиграфии памятника и др.).

2. После окончания исследования объекта ямы (могильные, строительные, хозяйственные) полностью засыпаются грунтом.

3. В случае, когда конструкция памятника каменная, то камни, снятые в процессе исследования кургана, следует планомерно укладывать в соответствующее число слоев, полностью восстанавливая форму и высоту первоначального сооружения. Если в конструкции объекта имелась округлая кольцевая выкладка, то она служит основным ориентиром для восстановления всей насыпи кургана.

4. Если объектами показа выступают открытые для осмотра элементы памятника (могила, хозяйственная яма, дромос и т.д.), то наиболее эффективным может быть устройство покрытий павильонного характера, отвечающих целям сохранности археологических комплексов и делающих их удобными для демонстрации.

5. Важно помнить, что при музеефикации памятника необходимо согласовать данный вопрос с собственником земли. Дело в том, что в соответствии со ст. 49 Закона ФЗ-73 объекты наследия находятся в государственной собственности. При этом земельный участок, в пределах которого располагается памятник, может находиться в любой форме собственности. Поэтому договоренность с хозяином земли будет иметь ключевое значение для возможного использования памятника, например, при организации музея под открытым небом.

6. Создание инфраструктуры, экспозиционных и неэкспозиционных зон.

7. Разработка маршрутов, экскурсий, культурно-образовательных программ и других мероприятий. Необходимы, кроме прочего, подготовка и издание буклетов, путеводителей для информационного обеспечения туристических маршрутов.

В целом музеефикация археологических памятников (отдельных объектов) – наиболее действенное средство их сохранения для будущих поколений. В этих условиях музеефицированные памятники археологии становятся важной частью используемого в современной общественной жизни историко-культурного наследия, имеющего большое образовательное и воспитательное значение. Музеефицированные памятники археологии могут стать активным элементом повседневности, основой для реализации новых форм музейной деятельности. На их базе можно создавать историко-культурные уникальные территории (либо уникальные археологические территории как разновидность), культурные ландшафты, исторические парки или иные формы сохранения и презентации археологического наследия, именуемые в современной музейной практике учреждениями музейного типа.

Контрольные вопросы

1. Что такое музеефикация?
2. Кого считают инициатором реализации первого опыта создания археологического музея в России и почему? Дайте развернутый ответ, используя дополнительную литературу и Интернет.
3. Начиная с какого времени и в связи с чем можно говорить о начале целенаправленной музеефикации памятников археологии в нашей стране?
4. Что такое музейная археология?
5. Какие из археологических памятников Алтая эпохи средневековья подвергались музеефикации? Охарактеризуйте имеющийся опыт. Дайте ему свою оценку.
6. Какова последовательность обязательных мероприятий, проводимых при музеефикации археологического памятника (отдельного объекта)?

Задания

Задание 1. Используя материалы из книги «Музейное дело России» [2005], выделите и по-этапно обозначьте основные особенности и правила музеефикации археологических комплексов.

Музейное дело России: монография / под общ. ред. М.Е. Каулен, И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой; Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма, Рос. ин-т культурологии МК РФ. М.: Изд-во ВК, 2005. С. 401–407.

...Существуют разные подходы к музеефикации археологических объектов и памятников. Одна точка зрения – музеефицировать и экспонировать следует только подлинную, сохранившуюся часть памятника. Такой подход применяется при «закрепляющей консервации» глинобитной и деревянной архитектуры, сохранившихся фрагментов культурного слоя. При музеефикации каменной архитектуры перекладывают или наращивают до определенного уровня верхние ряды кладки, обозначая границу между подлинными и докомпонованными рядами. Прием докомпоновки играет роль не только усиления «экспозиционности» памятника и повышения уровня раскрытия информационного потенциала, делает его более аттрактивным и понятным публике – надстройка, кладущаяся на цементе, укрепляет кладку и предохраняет ее от разрушения.

В настоящее время все чаще используется при музеефикации археологических памятников метод реконструкции, основанный на возведении постройки целиком на основании сохранившихся частей, данных раскопок и привлечения аналогов. Этот эффективный с музейной точки зрения прием вызывает негативное отношение со стороны многих специалистов. Сторонники такого подхода утверждают, что сделать памятник археологии интересным и понятным для самого широкого круга посетителей – одна из важнейших задач археологического музея, и наиболее действенный путь к решению этой задачи – применение реконструкций. Тактично и осторожно используется реконструкция в археологическом заповеднике «Танаис»: среди многочисленных античных построек, законсервированных на уровне фундаментов и доступных для осмотра, одна усадьба реконструирована частично и одна – полностью, с возведением макета жилища в натуральную величину. Реконструкции смело использованы кемеровскими археологами и музейными работниками в заповеднике «Томская писаница».

Простейший ...способ музеефикации археологических объектов и памятников – консервация недвижимых частей объекта под открытым небом, часто в сочетании с экспонированием найденных при раскопках предметов в отдельном здании. Это самый распространенный в мире способ, именно так экспонируются египетские древности, мегалитические постройки, античные памятники Средиземноморья, Крыма, Закавказья. Этот способ наиболее удобен для музеефикации каменных сооружений. Другой способ – изоляция от атмосферных воздействий путем возведения навесов, павильонов или других укрытий над археологическими объектами. Этот способ широко распространен за рубежом; в РФ можно назвать «Костенки» (Воронежская обл.), погребение неолитических мальчиков «Сунгирь» (Владимир). Его достоинство – надежность сохранности, недостаток – нарушение прилегающего культурного слоя и визуальной связи объекта с окружающей средой.

Иногда археологические объекты, расположенные в черте современных городов, тоже превращаются в объекты показа. Существуют разнообразные способы включения памятника в организм города. Некоторые объекты музеефицируют (Довмонтов город в Пскове), другие сохраняют в подвалах зданий, в городских парках, на станциях метро, в подземных переходах (фрагмент Варваринской башни в Москве, остатки древней плотины в Екатеринбурге и др.). В 1997 г. в Москве осуществлено создание на базе музеефицированного в условиях города памятника (остатков Воскресенского моста) музея (подземный Музей археологии Москвы).

Наиболее совершенной формой музеефикации сегодня является комплексная музеефикация археологических памятников с организацией археологических музеев-заповедников под открытым небом, дающая возможность изучения жизни и деятельности древних во всей совокупности их проявлений. Археологические музеи-заповедники в нашей стране появляются в начале 1960-х гг. Крупнейшие из них – Танаис (Ростовская обл.) на базе хорошо сохранившихся остатков античного города, «Костенки» (Воронежская обл.) – древнейшая палеолитическая стоянка на территории РФ, Болгарский архитектурный музей-заповедник (Татарстан) на базе развалин средневековой столицы Волжской Булгарии. Для успешного функционирования музея-заповедника необходимы установление и строгое соблюдение охранных зон. Одновременно почти всегда создаются экспозиции движимых археологических коллекций, добытых при раскопках, в специальных зданиях вблизи памятника или на его территории.

Музеефикации предшествуют стационарные научные исследования объекта археологической экспедицией, которые с самого начала должны быть ориентированы на будущую музеефикацию. Однако до сих пор археологическая экспедиция, как правило, выполняет только обычные виды работ, оставляя раскоп открытым и предоставляя дальнейшими вопросами музеефикации заниматься музею. В музее же нередко специалистов с соответствующей подготовкой нет. Перспективным путем представляется организация бригад из археологов, представителей реставрационных мастерских и музейных специалистов. Идет разработка специальных методик раскопа памятников, подлежащих музеефикации, включающая методы удаления грунта из раскопов, укрепление бортов раскопа или замена отвесных бортов скошенными бортами, призванными устранить угрозу обвалов, придать раскопу более естественный вид, улучшить обзор. Раскопы предохраняют от дождевых и талых вод путем устройства колодцев, водоотводных каналов и т.п. Если на памятнике существует ряд разновременных объектов, перекрывающих друг друга, стремятся экспонировать их так, чтобы была ясна картина исторического развития памятника, демонстрируя системы разновременных объектов в границах одного раскопа. Другой путь – на отдельных раскопах показывать только одновременные объекты – более простой, но менее эффективный.

В последнее десятилетие XX в. появился термин «живая археология», означающий внесение игрового момента в показ памятников, введение посетителя в парадигму древней культуры, приобщение к ней через действие, игру, моделирование образа жизни древнего человека. За рубежом широко практикуются походы детей и молодежи с проживанием в течение нескольких дней вдаль от цивилизации в реконструированных условиях первобытного общества, с добычей огня, устройством убежища, приготовлением пищи и т.п. В заповеднике «Томская писаница» устроен своеобразный «тир»: в лесу установлены силуэты животных, на которых охотился в этих местах древний человек, и посетители имеют возможность пострелять из точной модели лука каменного или бронзового века, поупражняться в метании копья, гарпуна, петли и др.

Весьма перспективно включение археологических памятников в систему экомузеев, где охрана основана не только на юридических мерах, но и на формировании соответствующего отношения к памятнику у населения. В экомузеех Сибири предлагаются различные виды музеефикации: раскопки памятника с последующей рекультивацией и установкой на его месте пояснительного текста; частичные раскопки и музеефикация исследованного памятника; сохранение памятников в целостности, без раскопок, с сопровождением их на местности пояснительным текстом. Третий путь возможен там, где есть достаточное количество хорошо изученных однотипных памятников. Такой подход является признанием того, что само наличие археологических памятников, скрытых от взора исследователей – суть факт культуры и неотъемлемая часть среды и потому должен сохраняться. С другой стороны, сохраняется возможность исследовать эти

памятники в будущем, с применением иных, более совершенных методик изучения и музеефикации. Археологические памятники включаются в экскурсионно-туристическую инфраструктуру, демонстрируя социальную экологию в ретроспективе и отражая процесс исторического освоения географической среды.

Задание 2. Внимательно ознакомьтесь с фрагментом статьи А.А. Тишкина [2008], посвященной опыту музеефикации на Алтае и в Монголии. Выделите методические приемы и обозначьте этапы музеефикации. Продемонстрируйте возможности их применения на одном из средневековых памятников Алтая при составлении план-проекта.

...Стоит отметить, что отдельные исследователи, в том числе и на Алтае, предпринимали попытки восстановления изученных археологических объектов. Но каждая такая работа являлась частной инициативой и не носила обязательный характер...

В настоящее время наиболее актуальной является музеефикация археологических памятников в горах и предгорьях Алтая. Этот регион с каждым годом становится все более привлекательным для туризма. Реализуется ряд проектов, направленных на организацию экскурсионно-туристической деятельности. В этом процессе, к сожалению, археологи практически не участвуют. Исключение составляет создаваемый на территории туркомплекса «Бирюзовая Катунь» парк «Перекресток миров»... За прошедшие годы все же сделаны определенные шаги в реализации необходимой деятельности, апробированы разные практические и методические приемы музеефикации.

Работы по восстановлению раскопанных археологических объектов осуществляются автором статьи уже много лет. Первая такая попытка была реализована при раскопках памятника Черный Камень в Рубцовском районе Алтайского края. Однако воссозданные средневековые надмогильные конструкции сначала были хулигански разрушены местными подростками, а потом камни разобрали для хозяйственных и строительных нужд. В ходе проведения археологических исследований в Онгудайском районе Республики Алтай местом для систематической реализации различных форм первичной музеефикации и воссоздания прежнего ландшафтного вида стал Яломанский микрорайон. Этому способствуют природные условия, обособленность территории, относительная удаленность от крупных населенных пунктов, а главное – разнообразие погребально-поминальных комплексов разных исторических периодов и остатки хорошо укрепленного городища.

Первые работы были проведены на памятнике Яломан-II, где восстановлены раскопанные тюркские оградки №1–3. Локализация этих объектов на погребальном комплексе булан-кобинской культуры, хорошо выраженные на современной поверхности конструкции, наличие изваяний и балбалов привлекли внимание и положили начало созданию частично музеефицированной площадки, на которой находятся раскопанные и неисследованные сооружения. Места раскопок указанных оградок на следующий год быстро, но не густо, заросли травой. После прополки, которая занимала короткое время, необходимый демонстрационный вид быстро восстанавливался, и объекты были готовы к осмотру.

...Есть случаи переноса раскопанных курганов с прежнего места на специально подготовленную площадку, а также моделирование разных типов археологических объектов. Например, такая работа проведена в парке «Перекресток миров».

Еще одним местом, где под руководством автора стала реализовываться программа музеефикации погребально-поминальных сооружений, стал Чинетинский археологический микрорайон, расположенный в Краснощековском районе Алтайского края...

...Процесс начальной музеефикации включал следующие этапы:

1. После окончания исследования кургана могильная яма полностью засыпалась грунтом. Площадка внутри кольцевой выкладки объекта выравнивалась.

2. Весь вскрытый участок густо посыпался пищевой солью для предотвращения активного роста травы.

3. Пространство внутри кургана вплотную, до кольцевой выкладки, накрывалось плотной полиэтиленовой пленкой, которая должна не только препятствовать формированию травяного покрова, но и обеспечивать возможность быстрой очистки реконструированной насыпи перед летним сезоном.

4. Камни, снятые в процессе исследования кургана, планомерно укладывались в соответствующее число слоев внутри кольцевой выкладки, полностью восстанавливая форму и высоту первоначальной насыпи.

5. Отвалы, образовавшиеся в ходе раскопок, были сдвинуты в стороны, что обеспечило соответствующий вид и доступность подготовленной площадки.

...Начальный этап музеефикации памятников Чинетинского археологического микрорайона уже демонстрирует возможность активно использовать подготовленные объекты в туристической сфере, а также в системе образования и культуры... Важным моментом в этом процессе станет обустройство подготовленной площадки (ограждение, охрана, сооружение смотровой вышки, изготовление информационного щита и т.д.).

При реализации экспедиционных проектов в Западной Монголии, которые осуществляются при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования, культуры и науки Монголии, было решено, что все раскопанные объекты необходимо полностью восстанавливать. Эта практика является новой не только для Ховдского аймака. Тем не менее, как показал опыт, она весьма успешно и эффективно может использоваться для разных целей. Памятники археологии в Монголии – это не только культурно-историческое наследие страны, но и часть привычного для современных кочевников пейзажа и ландшафта. Поэтому поставленная задача реализовывалась ответственно и со всей научной строгостью. Вначале такие работы проведены на памятнике Улаан худаг-I.

Раскопанные в 2007 г. тюркские оградки были полностью изучены, археологически всесторонне зафиксированы, а потом полностью реконструированы. На свои первоначальные места возвращены изваяния и стелы, ранее опрокинутые или сбитые. В этих работах приняли участие студенты Ховдского университета... В 2008 г. исследования в долине р. Буянт продолжены. На памятнике Бугатын узуур-II рядом стоящие в одну линию оградки раскопаны общим раскопом. Каждый объект затем восстановлен. На свое прежнее место установлены поваленные стелы. Территория вокруг реконструированных оградок засыпана вровень с современной поверхностью. Аналогичная работа осуществлена на близлежащем археологическом комплексе Бугатын узуур-II. На памятниках Улаан

худаг-I и II после раскопок восстановлены довольно крупные курганы эпохи бронзы, а также другие ритуальные объекты. Таким образом, все исследованные в рамках выполнения проектов сооружения полностью реконструированы. В результате в настоящее время почти рядом с г. Ховдом в живописных местах имеется несколько демонстрационных площадок для проведения экскурсий с познавательными целями.

Музеефикация археологических объектов в Монголии имеет ряд существенных особенностей. Кроме практического отсутствия травы, отметим наличие множества выразительных памятников, которые внешне привлекательны и отражают этнополитическую и социокультурную динамику развития древних и средневековых скотоводческих племен. Близость с городом Ховдом обеспечивает возможность включения подготовленных площадок в образовательную и экскурсионно-туристическую деятельность. Особенностью исследованных памятников является незначительное число находок. Данное обстоятельство может быть компенсировано наличием множества петроглифов и зафиксированных исторических реалий на «оленных» камнях, тюркских и других изваяниях.

В заключение необходимо обозначить такой вопрос: «Что делать с теми объектами, которые восстановили или реконструировали археологи?». Обсуждение его является отдельной темой. ...Для того чтобы потенциал археологической научно-исследовательской деятельности был соответствующим образом использован, на ИФ АлтГУ открыта специальность «Музеология». Преподаватели кафедры археологии, этнографии и источниковедения готовят нынешних, студентов к реализации многих перспективных проектов и программ. Этому способствует и конкретная дополнительная специализация – «Организация экскурсионно-туристической деятельности». Своеобразным полигоном реализации одного из направлений выступает комплекс памятников в долине р. Б. Яломан...

Список литературы к разделу

Бадер О.Н. Музеефикация археологических памятников // Советская археология. 1978. №3. С. 138–153.

Каменецкий И.С., Каулен М.Е. Музеефикация памятников // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1. С. 390–393.

Каулен М.Е. Музей и наследие // Музей. 2009. №5. С. 10–19.

Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В. Работы АлтГУ по созданию археологического парка «Перекресток миров» на территории туркомплеса «Бирюзовая Катунь» (проблема позиционирования) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. XV. С. 229–234.

Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П. Работы по сохранению историко-культурного наследия в рамках создания археологического парка «Перекресток миров» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 26–30.

Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П. Реализация научных, образовательных и воспитательных программ в рамках создания археологического парка «Перекресток миров» // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск: Оттиск, 2007. Т. 1. С. 277–285.

Коробейников А.В. Музеефикация древних городищ: принципы и проектные предложения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 30–34.

Музейное дело России / Под ред. М.Е. Каулен, И.М. Косовой, А.А. Сундиевой. М., 2005. С. 363–426.

Николаева Н.С. Особенности музеефикации археологических памятников // Музей в современной культуре. СПб., 1997. С. 204–210.

Проблемы сохранения, использования и охраны культурного и природного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока / Под ред. Г.В. Майера. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 270 с.

Сотникова С.И. Музеология: Пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004. 192 с.

Тишкин А.А. Практический опыт музеефикации археологических объектов на территории Алтая и Монголии // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного и природного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 113–122.

Хартия по охране и использованию археологического наследия // Советская археология. 1991. №3. С. 293–296.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В эпоху средневековья на Алтае и сопредельных территориях протекали сложные процессы, связанные с формированием и развитием нескольких этнокультурных общностей, сменявших друг друга на политической арене. Каждая из рассмотренных культур (одинцовская, тюркская, сrostкинская, кыргызская, кармацкая и культура монгольского времени Горного Алтая) имела свой оригинальный облик, что фиксируется как в элементах погребально-поминальной практики, так и в материальной культуре, представленной различными категориями находок (предметы вооружения, детали снаряжения коня, украшения костюма человека, предметы быта и религиозного культа и др.).

Многочисленные археологические комплексы, исследованные в разных природно-климатических зонах, позволили реконструировать этнокультурную и военно-политическую ситуации на Алтае, а также разработать культурно-хронологические схемы развития кочевнических обществ, основанные как на анализе вещественных археологических находок, так и на данных письменных и изобразительных источников. Для каждой из представленных археологических культур обозначены хронологические рамки, выявлены основные этапы в их становлении и развитии. Изученные памятники картографированы с целью демонстрации ареала их распространения, что специально отражено на страницах данного иллюстрированного атласа.

Следует помнить, что памятники культурного наследия (как движимые, так и недвижимые) требуют особых режимов сохранения. Музейные коллекции из средневековых комплексов Алтая хранятся в различных музеях России (Государственный Эрмитаж, Государственный исторический музей, Алтайский государственный краеведческий музей, Бийский краеведческий музей, Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, Историко-краеведческий музей Алтайской государственной педагогической академии и др.). Интерес к их изучению в разные годы проявляли как местные исследователи, так и специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга и Новосибирска. Значительные по объему и разнообразию данные были получены в советское время. Часть этих материалов в настоящее время опубликована в монографиях и научных статьях, но многие по-прежнему хранятся в музеях и в полной мере не введены в научный оборот. Изученные коллекции позволяют воссоздать облик материальной культуры кочевников Алтая, а также выявить некоторые особенности духовной жизни и системы жизнедеятельности (быт, военное дело, социальная иерархия, ритуальная практика, верования, искусство и т.д.).

Собственно недвижимые археологические памятники эпохи средневековья на территории Алтая отличаются разной степенью сохранности. Лучшим состоянием отличаются средневековые объекты, расположенные на территории Республики Алтай. В этом отношении наиболее примечательны курганы с каменными кладками, оградки и изваяния тюркской культуры. Тем не менее и часть этих памятников требует определенных мер по восстановлению, консервации и в конечном итоге – полной музеефикации, т.е. приведения объекта в музейное состояние. Названные виды археологических объектов являются наиболее аттрактивными и могут составлять основу базовых экскурсионно-туристических маршрутов, необходимых для развития инфраструктуры культурного туризма в сибирском регионе.

Худшей сохранностью на Алтае отличаются памятники с петроглифами и руническими надписями эпохи средневековья. Такое их положение связано не только с влиянием природных факторов, но и с негативным антропогенным воздействием, в том числе с неоправданной активностью «диких» туристов, желающих оставить свои имена и фамилии на месте древних изображений или забрать с собой частичку наследия, запечатленного в камне. Такое положение дел, безусловно, демонстрирует необходимость внедрения мер по сохранению памятников средневекового искусства и организации форм их современного цивилизованного использования обществом.

На территории Лесостепного Алтая зафиксированы как поселенческие комплексы эпохи средневековья, так и грунтовые и курганные могильники. Сохранность последних также оставляет желать лучшего. Многие курганные группы, находясь на возделываемых полях, распахивались, что привело их в аварийное состояние. Известны также факты вандализма и грабежа таких объектов наследия. Сохранение и демонстрация памятников без наземных конструкций или с земляными насыпями, связаны с большими сложностями. Хотя в мировой практике выработаны методы музеефикации с использованием павильонных покрытий и показом обнаруженных археологических находок в отдельном недалеко расположенном здании (помещении).

Многообразие средневековых археологических памятников Алтая и богатство сохранившегося в них наследия требует выработки особой концепции для их включения в современную культуру путем частичной или полной музеефикации, профессиональной разработки оригинальных экскурсионно-туристических маршрутов и других мер по популяризации наследия и необходимости его сохранения. Безусловно, в этом направлении необходимо сотрудничество научно-образовательных учреждений путем привлечения музеологов, археологов, историков, географов, а также коммерческих структур, музеев и органов местной власти.

* * *

Содержание учебного пособия «Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас» отражает современные подходы в археологических исследованиях, результаты изучения истории Алтая и опыт преподавательской практики. Основные положения, изложенные в пособии, нашли отражение в научных статьях, монографиях, диссертационных и других исследованиях авторов разделов.

Учебное пособие является специализированным изданием по региональной истории и ориентировано на преподавание таких учебных дисциплин, как «Археология», «Алтай в эпоху средневековья», «Кочевые империи Центральной Азии», «Консервация, реставрация и использование объектов культурного и природного наследия», «Историко-культурное наследие Алтая» и др.

Книга содержит не только теоретические сведения, но и широкий учебно-методический материал, который позволит успешно организовать самостоятельную работу студентов и контроль знаний. Представленные задания построены на анализе карт, графических иллюстраций, фотографических материалов, фрагментов из опубликованных письменных источников, научных статей и монографий. Такой подход позволит студентам научиться самостоятельно анализировать научный текст по археологии, составлять описание археологического памятника, предметов материальной культуры, картографировать распространение археологических объектов и т.д. Все это – неотъемлемые элементы процедуры современной исследовательской практики. Также в пособии отражены важные методические моменты, связанные с сохранением и использованием объектов археологического наследия, что является в наши дни актуальным направлением музеологии и региональной археологии.

Интерактивные ресурсы

Информационно-аналитический портал «Археология Алтая» // <http://archaeology.asu.ru/portal/>
 Археология.ru // <http://www.archaeology.ru/>
 Археологический web-журнал Сибири // <http://www.mmedia.nsu.ru/museum/>
 Институт археологии и этнографии СО РАН // <http://www.archaeology.nsc.ru/>
 Древности Алтая // <http://e-lib.gasu.ru>
 Институт археологии РАН // <http://archaeolog.ru/?id=22>

Список дополнительной литературы

Абдулганеев М.Т. Культурно-хронологические комплексы городища Елбанка // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. №6. С. 80–88.
 Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 380 с.
 Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
 Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 102–128.
 Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 162 с. (МИА. №48).
 Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: Учеб. пособие. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
 Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.: ил.
 Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА. №9).
 Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Петкевич М.В. Строение поверхности // Горный Алтай. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. С. 46–62.

Петров Б.Ф. Почвы Алтайско-Саянской области. М., 1952. 247 с. (Тр. Почвенного ин-та им. В.В. Докучаева. Т. 35).

Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. 136 с.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 424 с.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.: ил.

Тишкин А.А. Культурно-экологические зоны на юге Западной Сибири // Культурно-экологические области: взаимодействие и культурогенез. СПб., 2007. С. 85–95.

Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.

Эрдэнэбат У. Монгол эхнэрийн богтаг малгай. Улаанбаатар хот: «Монхийн усэг» ХХК-д хэвлэв, 2006. 152 т.

The Altai culture. Seoul, 1995 (каталог выставки на корейском языке).

Список сокращений

АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических республик
БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт
ВООПИК – Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ГЭС – гидроэлектростанция
ЗСО ИРГО – Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества
ИА – Институт археологии
ИИФиф – Институт истории, филологии и философии
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛЭП – линия электропередач
МАЗА – Музей археологии и этнографии Алтая
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СССР – Союз Советских Социалистических Республик

Содержание

Введение	3
Тюркская культура Алтая	7
Одинцовская археологическая культура	42
Сросткинская археологическая культура	54
Кыргызская культура на Алтае	71
Культура Алтая монгольского времени	85
Кармацкая археологическая культура	101
Музеефикация археологических памятников	123
Заключение	133
Интерактивные ресурсы	134
Список дополнительной литературы	134
Список сокращений	135

Учебное издание

Алексей Алексеевич Тишкин,
Вадим Владимирович Горбунов,
Татьяна Геннадьевна Горбунова

АЛТАЙ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АТЛАС

Учебное пособие

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Технический редактор: А.А. Тишкин
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

*Для оформления цветных иллюстраций
использованы фотоснимки авторов издания*

Подписано в печать 17.11.2011.
Гарнитура «Arial». Печать офсетная.
Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 15,9.
Тираж 500 экз. Заказ 1012-03.

Отпечатано: ООО «Печатная компания АРТИКА»
Барнаул, пр. Ленина, 54в, оф. 104
Тел.: 8 (3852) 500-072, факс: 8 (3852) 500-772
E-mail: artika27@mail.ru; сайт: artika.pф